

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

UC-NRLF

\$B 166 200

D. 652.

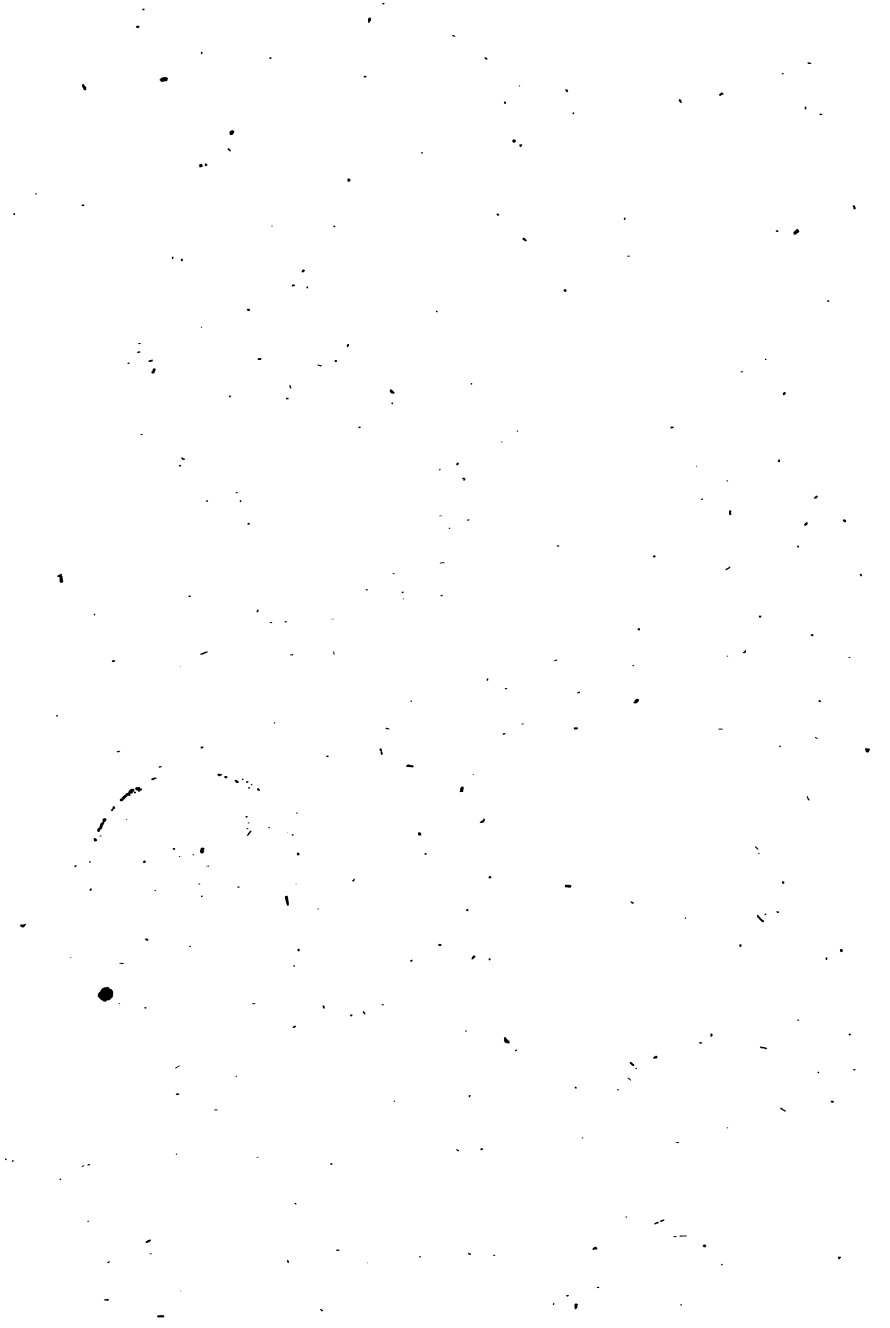

IV

149

8

РУССКІЙ СОЛДАТЪ.

РАЗСКАЗЫ

А. АЛЕКСАНДРОВА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

1855.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Сѣнктипетербургъ 23 Ноября 1854 года.

Цисоръ *В. Беретковъ*

ВЪ ТИПОГРАФІИ К. ВИСЬВЕВА.

PG 3321
A3R8
1855

ПРЕДИСЛОВІЕ.

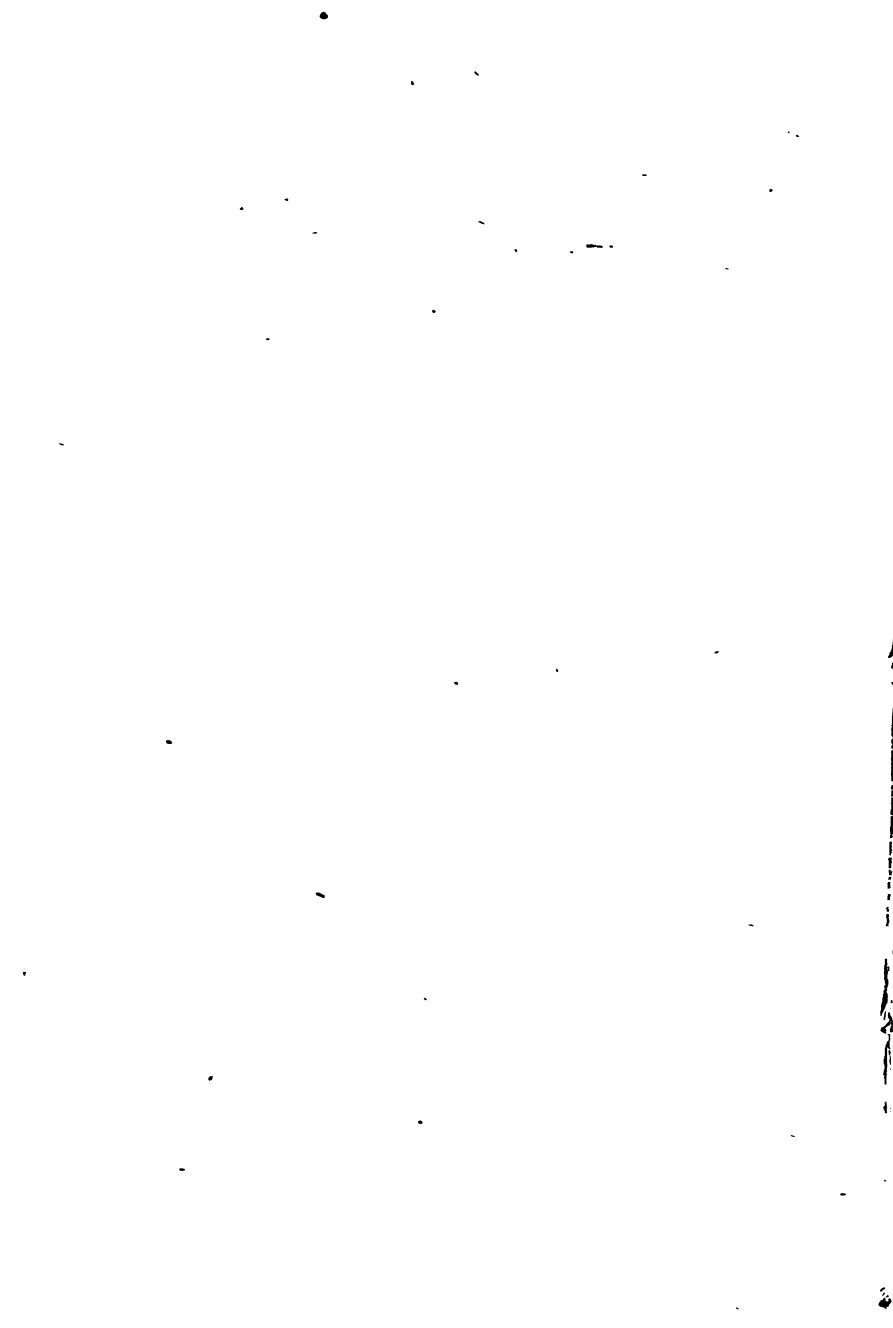
Въ трудной жизни солдата, столько богатой разнообразіемъ, есть многія страницы, исполненныя и высокаго чувства и драматическаго интереса. Разлученный съ домашнимъ кровомъ, съ тихой семейной жизнью, воинъ имѣетъ одну цѣль — точнымъ исполненіемъ своей благородной обязанности и безусловнымъ повиновеніемъ дѣйствовать на поприщѣ, ему указанномъ. Нужды, всевозможныя лишенія въ чужомъ, непріязненномъ краю, страшный зной, тяжкая стужа, голодъ, раны, все это — обстоятельства, разбивающіяся о солдатское терпѣніе. Слѣдовательно характеръ солдата долженъ носить на себѣ отпечатокъ особенной самостоятельности. Преданность и неизмѣнная вѣрность Царю и религіи — его отличительныя, твердыя основанія, а мужество

и увѣренность въ побѣдѣ — необходимыя принадлежности. И эта-то жизнь, полная самыхъ живыхъ, занимательныхъ интересовъ, почти еще у насъ не тронута въ своей поэтической простотѣ, если исключить нѣкоторые сочиненія, гдѣ набросаны общія черты солдатскихъ характеровъ. Принадлежавъ некогда къ благородному званію воина, я всегда съ особеннымъ вниманіемъ прислушивался и присматривался къ солдатскому быту, и плоды этихъ наблюденій представляю теперь на судъ читателя. Я не хотѣлъ разводить въ прозаическія повѣсти этихъ краткихъ, но иной разъ полныхъ драмъ изъ жизни солдата, и рѣшился писать ихъ стихами, съ цѣлью — удержать въ сжатомъ стихотворномъ разсказѣ то, что ушло бы въ длинной повѣсти. Все это — событія простыя, видѣнныя или слышанныя мною отъ ратныхъ товарищей; сколько умѣлъ и могъ, я старался говорить языкомъ Русскаго солдата. По-крайней-мѣрѣ я счастливъ тѣмъ, что и мнѣ

удалось положить хоть простые и дикіе цвѣты на алтарь отечественной поэзіи. Понравятся ли они или нѣтъ — не знаю; но пламенно желалъ бы, чтобы болѣе искусное перо — передало въ звучныхъ стихахъ то, что я издаю въ видѣ простыхъ очерковъ.

1850. Января 20
Кіевъ.

А. Аѳ.....

ЧАСОВОЙ.

При бурѣ жестокой, какъ духъ разрушитель,
Трещаль и крутился обширный пожаръ;
Чертоги богатыхъ и хижины бѣдныхъ
Сливали свой пламень въ одни облака.
Весь городъ въ тревогѣ. Шумить, суетится,
По улицамъ рыщетъ въ испугѣ народъ;
Одинъ часовой на посту отдаленномъ
Стоитъ, какъ и прежде, съ ружьемъ на плечѣ.
Онъ смотритъ на домикъ у церкви высокой, —
Въ томъ домикѣ дѣти его и жена, —
И набожно мыслить: «Имъ Божія церкви
Защитою будетъ отъ злаго огня.»
Но грозно пируетъ пожаръ разъяренный,
И валить клубами удушливый дымъ,
И скоро, какъ столбъ одноцвѣтною лентой,
Обвился огненной струею Соборъ.
Вздохнулъ часовой и тѣмъ горестнымъ вздохомъ,
Который понятенъ лишь сердцу отца;

Когда онъ увидить грозящую гибель
Любимымъ малюткамъ и вѣрной женѣ.
Разгуливалъ вѣтеръ, и каждымъ порывомъ
Онъ облако дыма съ пожара свѣвалъ,
И въ эти мгновенья вдали часовому
Видѣлась лачужка съ убогой семьей.
Бѣжалъ бы, летѣлъ бы отецъ злополучный
На помощь любимцамъ; но Русскій солдатъ —
За мать, за отца, за жену, за семейство,
Нѣтъ — онъ не измѣнитъ присягѣ своей.
Стопнулись люди у дальней заставы,
Кричатъ и горюютъ объ общей бѣдѣ;
А бѣдный страдалецъ, шаги прибавляя,
По узкой платформѣ ходилъ часовой.
Вотъ кто-то увидѣлъ — изъ глазъ Гренадера
Слезинка упала на бѣлый ремешъ...
Старушка съ участіемъ бѣжитъ къ часовому.
— Скажи о чемъ плачешь, голубчикъ солдатъ? —
»Не спрашивай«, съ горькой улыбкой старухѣ
Солдатъ отвѣчаетъ, смотря на Соборъ:
»Ахъ въ этой лачужкѣ, обвѣтой непогодой,
Горятъ три малютки и съ ними жена.«
— Бѣги же, быть не можетъ, еще ты успеешь
Нѣтъ во время помощь спасенья подать! —

«О, еслибъ хоть послѣ старушка, увидѣть,
Ихъ косточки въ кучѣ родимой золы!»
— «Бѣги, иль не видишь въ окнѣ показались
Рученки!» — Ахъ, это сыночекъ мой менышей!
— «Спѣши-жъ, для спасенья...» — А Богъ, а присяга!
Я вѣрнымъ быть клялся и крестъ надоелъ!
Въ тревогѣ смѣнить не могли часоваго,
И скоро пожаръ до заставы проникъ,
А все Гренадеръ съ своей узкой платформы
Безъ смѣны обычной не смѣлъ отойти.
Вотъ стихло надъ городомъ бурное пламя,
На утро повсюду зола и зола.
Кто спасся — бѣжалъ тотъ въ открытое поле....
Лишь, вѣренъ присягѣ и долгу и чести
Одинъ у заставы стоялъ часовой,
Стоялъ и безропотно съ мужествомъ въ сердцѣ
Глядѣлъ какъ дымился обширный соборъ.
На этомъ печальномъ, созженномъ пространствѣ
Не могъ ужъ узнать онъ избушки своей....

* * *

Есть въ Царскихъ чертогахъ Дворцовая рота,
И въ ротѣ той служить сѣдой Гренадеръ,

Со взоромъ орлинымъ, съ осанкой геройской,
Съ крестами, съ медалью на вѣрной груди.
Онъ преданъ, какъ прежде, Отцу-Государю;
Но если порою стоитъ на часахъ,
И видитъ, иль слышитъ тревогу пожара, —
Сѣдя рѣсницы туманить слеза.

II.

ТРУБАЧЬ.

Облегчивши коня,
Межъ гусарь у огня,
Вотъ присылъ послѣднй трубачъ:
Вынулъ трубку, набилъ,
Уголькомъ раскурилъ,
И молчитъ невеселый усачъ.
 »Молодецъ — голова!
 Что-жъ какъ въ бурю трава,
Ты согнулся, безстрашный гусаръ?
 Аль въ тебѣ ужъ остылъ
 Прежнй пламенный пылъ,
Аль потухъ въ тебѣ храбрости жаръ?
 Завтра въ битву идемъ,
 Говорять, на проломъ
Намъ ударить велятъ на полки;
 Молодежь вся кинитъ,
 Какъ на пиръ, въ бой сѣршитъ.
Веселѣ глядятъ старики...

Ты-жъ всегда говорилъ,
Что сраженья любилъ,
Что въ бою могъ лишь сладкодохнуть,
А теперь, завтра бой —
Ты-жъ поникъ головой,
И печалью наполнилась грудь!..»
Кинулъ трубку усачъ,
Посѣдѣлый трубачъ,
И, надыхая, взглянулъ онъ на даль;
Оглянулся окрестъ,
И поправилъ ошей крестъ,
И рукою онъ стиснулъ медаль.
— Много видѣлъ смертей
Я, на службѣ моей,
Много ранъ поражаю меня, —
И бывало, лишь бой
За сигнальной трубой, —
Первымъ я ужъ волеталъ на коня.
Но съ трубою въ руки,
Но на добромъ гитакѣ,
И во фронтѣ рубился съ врагомъ.
Эхъ, да жизнь же была!
Много крови была
Эхъ, стои, на шуръ боевомъ.

Мѣтокъ мой карабинъ,
Нѣтъ, друзья, не одинъ
Мною врагъ на сраженьяхъ убить.
Я всегда впереди,
И за то на груди
У меня и Егорій висить.
Посѣдѣлъ ужъ мой усь,
Но Сергѣевъ не трусь,
Я вамъ завтра, друзья, докажу.
Знайте-жъ думу мою:
Завтра вѣрно въ бою,
Первый я свою жизнь положу.
Лѣтъ осьмнадцать назадъ,
Здѣсь насъ зрѣлъ супостатъ,
Бились съ Туркомъ мы въ этихъ краяхъ;
Я былъ молодъ, друзья,
И отвага моя
Все начальство дивила въ бояхъ.
Зналъ Полковникъ меня,
Далъ мнѣ чудо коня,
И велѣлъ всюду быть за собой;
И не разъ я за нимъ,
Сквозь картечи и дымъ,
Проносился пернатой стрѣлой.

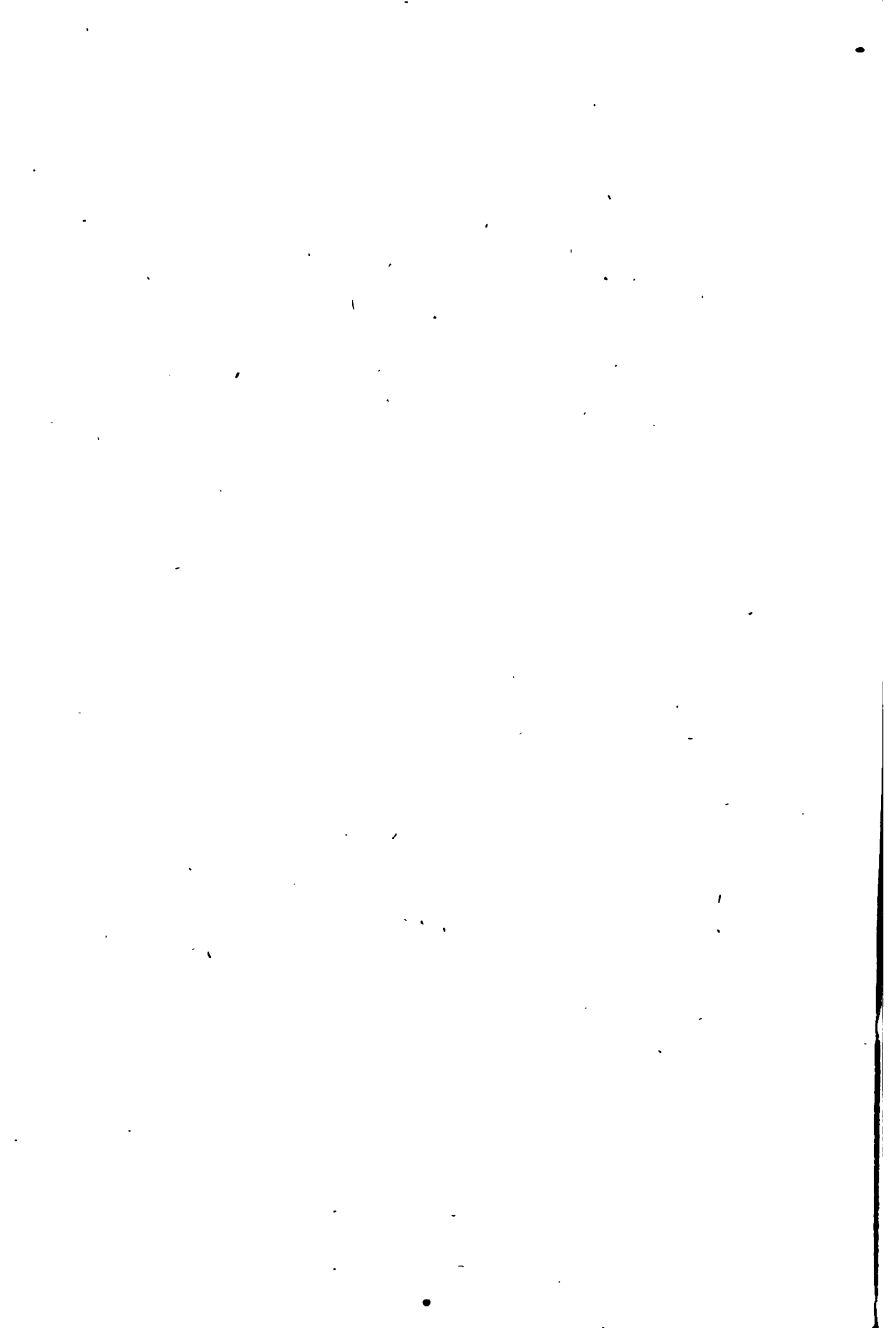
Вотъ на этихъ поляхъ,
Многочисленный врагъ
Насъ нечаянно разъ окружилъ.
Командиръ приказалъ,
Заиграли сигналъ,
И штандарты ужъ полкъ распустилъ;
Кони бодро взвились,
Мы въ атаку неслись,
И ударили вмигъ на враговъ;
Пошатнулся нашъ врагъ,
И на этихъ поляхъ,
Только трупы, да стоны, да кровь....
Нашъ Полковникъ скакалъ,
Я за нимъ поспѣшалъ,
Оглянулся, а полкъ назади.
Я гляжу, вдругъ на насъ
Туча Турокъ неслась,
Нѣтъ дороги и лѣсъ впереди....
Слыша топотъ и гулъ,
Нашъ Полковникъ взглянулъ,
Повернулся направо-кругомъ,
И какъ вкопанный сталъ,
Но, друзья, не дрожалъ
Богатырь передъ злобнымъ врагомъ...

Разомъ шпоры коню,
Да на встрѣчу огню
Полетѣлъ.... Поскакалъ я за нимъ.
Тотъ огонь былъ жестокъ,
Но подулъ вѣтерокъ
И разнесъ заclubившійся дымъ.
Конь полковничій ржалъ,
Командиръ мой лежалъ,
Кровью храброй покрылась трава;
Я къ нему въ торопяхъ.
Но у Турка въ рукахъ
Командира была голова;
Прямо въ сердце мое,
Страшно очи ея
Поглядѣли, прощаясь со мной....
Наши въ мигъ принеслись,
И съ врагомъ разошлись;
Но ушелъ янычаръ съ головой.
А сего-дня, друзья,
Задремалъ только я,
Въ чистомъ полѣ, на мягкой травѣ;
Въ этомъ сумрачномъ снѣ,
Вотъ и чудится мнѣ: —
Въ очи мертвой смотрю голову.

Я проснулся, дрожалъ,
И молитву читалъ,
И съ тѣхъ поръ на душѣ старика,
Мысль о смерти лежить,
И невольно томить
Сердце мнѣ будто страхъ и тоска....
И трубачъ замолчалъ.

День привѣтно сіялъ,
Нашимъ гордая Варна сдалась;
Сквозь разрушенный валъ,
Полкъ гусарскій вступалъ
Въ этотъ городъ. Вотъ пыль улеглась.
»Эй, трубачи, впередъ!
Заиграли: походъ, —
Лишь знакомой неслышно трубы.
Гдѣ-жъ сѣдой нашъ усачъ,
Гдѣ Сергѣевъ трубачъ?
Вы спросите о немъ у судьбы.
На валу, на зубцахъ
На высокихъ шестахъ
Было нѣсколько русскихъ головъ.

И межъ ними одна
И мрачна и страшна
Съ рядомъ бѣлыхъ широкихъ зубовъ.
Къ головѣ страшной той
Офицеръ молодой
По камнямъ приблизился вскачь;
Вотъ коня удержалъ
И печально сказалъ:
«Это, братцы, Сергѣевъ трубачъ!»

III.

КРЕСТЬ.

Разскажу вамъ, друзья,
Про минувшее я:
Было больно намъ жарко подъ Прагой;
Мы стояли въ наре,
На высокой горѣ,
И сердца въ насъ кипѣли отвагой.
Много ядеръ въ тотъ часъ,
Перемчалось чрезъ насъ;
Но свернули насъ скоро въ колонну.
Каждый въ битву былъ радъ,
Встрепенулся солдатъ:
На редутъ довелось батальону.
Впереди командиръ,
— Весь изрубленъ мундиръ,
Все отъ дыма лице почернѣло;
Но свѣтились на немъ
Три медали съ крестомъ,
И въ рукъ его шпаци блестя.

Повернулся онъ къ намъ,
Проскакалъ по рядамъ,
То и дѣла, что ядра на встрѣчу;
Но ни въ усь молодець —
Ободрилъ какъ отецъ,
Насъ ведя на кровавую сѣчу.
Слышенъ шопотъ въ устахъ.
Колыхнулись въ рядахъ;
Но ни слова за то офицеры —
И маіоръ не серчалъ,
»Смирно!» намъ не кричалъ:
То крестились въ рядахъ гренадеры.
Небесамъ помолясь,
Смѣло каждый изъ насъ
Былъ готовъ, и сердца разыгрались....
Что намъ вражьи полки!
А штыки старики,
Ну, какъ будто, ей, ей, улыбались.
Съ фитилями насъ ждутъ,
Но живѣй на редутъ
Поспѣшили мы, съ братскимъ поклономъ:
Потѣшаться пора,
Да какъ гаркнемъ: »ура!
И взбѣжали на валъ батальономъ.

Поработалъ штыкомъ,
На редутѣ я томъ,
И, простившись съ послѣднимъ зарядомъ,
Я и къ пушкѣ поспѣлъ,
И верхомъ на ней сѣлъ,
Да и ну отбиваться прикладомъ.
Рукопашъ началась.
Вдругъ откуда взялась
Пуля, съ визгомъ впиалась мнѣ въ руку.
Боль и страхъ горячо,
Будто ломить плечо,
Нѣгу словъ рассказать вамъ про муку.
И я тутъ же упалъ....
Долго-ль послѣ лежалъ,
Я не знаю, но лишь пробудился,
Наши взяли редутъ,
И на брустверѣ-жъ тутъ,
Батальонный нашъ лѣкарь трудился.
Скинулъ онъ свой сюртукъ,
А вокругъ ногъ, да рукъ,
Ажно страшно на душинькѣ стало....
Я лежу, да молчу,
Трубки-жъ, братцы, хочу,
Какъ еще никогда не бывало.

«Нутка, братъ, покажи!»
Притащили ножи.
Я лежу, прислонившись къ обрубку.
И стоитъ надо мной
Лѣкарекъ молодой,
И душистую курить онъ трубку.
«Эй! зѣчь нѣтъ ли кого?
Подержите его!»
Заклибло во мнѣ все досадой.
— Полежимъ какъ нибудь.
Только-бъ трубки курить,
Маленькѣ я, и держать бы непаю.
Слыша просьбу мою,
Лѣкаръ трубку свою.
Не съ простымъ табакомъ, а съ турецкимъ.
Усѣхнувшись, мнѣ далъ,
Усѣхнувшись, я взялъ.
Да и сталъ дымъ пускать молодчикъ.
Эхъ! да больно-жъ ей, ей —
Какъ до самыхъ костей
Мнѣ раздѣлывать началъ рану:
Я-бъ рѣкъ, какъ дуракъ.
Но былъ вкусенъ табакъ.
Докурю и рѣкъ тогда стану.

Не успѣлъ докурить,
Слышу, стали пилить....
Уфъ! мученье, какъ пилка на кости!
Ну, ужъ вотъ раскричусь,
Не кричалъ признаюсь,
Но изгрызъ весь чубукъ я отъ злости.
Черезъ полчаса я
Ужъ безрукимъ, друзья,
Отнесенъ въ лазаретъ на шинели.
Говорять, все стоналъ,
Да въ горячкѣ лежалъ,
Чуть не съ лишнимъ никакъ двѣ недѣли.
Легче стало лишь мнѣ,
Погляжу, на стѣнѣ
Близъ меня что-то свѣтитъ.... Постойка
Что за диво? но нѣтъ —
Лихорадочный бредъ —
И привсталъ я тихонько на койкѣ.
Нашъ фельдфебель стоитъ,
Улыбаясь глядитъ,
И на стѣнку мнѣ кажется рукою.
Я не вѣрю, смотрю,
И отъ счастья горю:
Бѣлый крестикъ виситъ надо мною.

И заплакалъ друзья,
Ужъ отъ радости я....
Вѣдь одну потерялъ лишь я руку;
Но за то же другой
Покажу крестъ святой
Я, съ восторгомъ, и сыну и внуку!

IV.

ДРАГУНЪ.

Балалайка звучить,
И подь часъ дребезжить,
Чуть не рвутся отъ радости струны:
Смотрь отбивши, кутять,
Веселясь на свой ладъ,
Удалые ребята Драгуны.
Тотъ, съ фуражкой въ рукѣ,
На одномъ каблукѣ,
Пляшетъ, тѣша товарищей взоры,
И, носясь быстро, онъ
Вдругъ отвѣситъ поклонъ,
И бренчатъ его длинныя шпоры.
А другой молодцомъ,
Подбочась удалцомъ,
Заломавъ на затылокъ фуражку,
Пролетить на носкахъ,
Съ балалайкой въ рукахъ,
Разстегнувъ дейбикъ свой на распашку.

А проказникъ иной
Съ изогнутой спиной
Въ танецъ лѣзетъ, какъ будто хромя,
Тутъ-то хохотъ поидетъ,
Веселится народъ,
Крикнувъ: »вотъ голова удалая!
Вдругъ, какъ чудомъ, хромой,
Горбъ расправивши свой,
Приударить въ присядку неожиданно.
За бока лишь берись,
Пляшетъ такъ, что держись,
Словно, братцы, цыганъ окаянный.
Да и правду сказать,
Русь, Россіюшка мать,
Лишь въ тебѣ только водятся хваты;
На подборъ молодцы,
На подборъ удалцы —
Русской службы лихіе солдаты.
По срединѣ двора,
Все стоятъ ундера,
(Галуны ужъ плясать запрещаютъ);
А межъ тѣмъ, тактъ они,
Вспомня прежніе дни,
Бьютъ ногой, иль усами моргаютъ.

Одинокъ въ сторонѣ,
На склоненномъ плетнѣ,
На забавы смотря хладнокровно,
Молча, важно сидѣлъ,
Только шпорой звенѣлъ
Взводный Вахмистръ, Данило Безкровный.
Для геройской красоты —
Распустилъ онъ усы,
Но не могъ побѣдить онъ печали;
На груди-жъ, у него,
Было много всего:
И крестовъ и добытыхъ медалей.
Вотъ товарищъ пришелъ,
Рѣчь съ Безкровнымъ завелъ:
— Отчего эта грустная дума?
Вѣдь не разъ Генералъ
Намъ »спасибо!« сказалъ,
Все кутить, ты-жъ печаленъ средь шума?
»Слишкомъ молодъ ты, братъ,
Хоть и бравый солдатъ«
Молвилъ взводный какъ могъ хладнокровный:
»Ты слывешь удалцемъ,
Но.... ты не былъ отцемъ,
Не рыдалъ на могилѣ сыновней!

Было время, и я,
Молодые друзья,
Всесидися, какъ вы, на свободѣ,
И подобнаго мнѣ,
Молодца на конѣ,
Иль танцора, не сыщешь по вводу....
Что-жъ теперь въ меня?
Осѣдлавши ноня,
Не взлечу на него, какъ бывало!
Чистой (*) къ празднику жду.
На покой побреду....«
—Что же сердце твое встосковало?
»Грустно, правду сказать!
Коли хочешь присядь,
Разскажу про свою я кручину.
Только помни о томъ.
Между нами потомъ,
Чтобы небыло вовсе помину.
Въ длинный вечеръ, отъ насъ
Ты слыхалъ ужъ не разъ
Про Двѣнадцатый Годъ знаменитый,

(*) Подразумѣвается чистой отставкѣ.

Про житье и бытъе
Разсказалъ я свое,
И про крестъ, подѣ Смоленскомъ добытый.
Но молчалъ объ одномъ
Я о сынѣ родномъ....«
Тутъ умолкъ на минуту Безкровный.
»Ты слывешъ удалцомъ
Да ты не былъ.... отцомъ,
Не рыдалъ на могилѣ сыновней.
Быстро шли мы къ Москвѣ,
Я не спалъ ночи двѣ,
И на третью досталось въ разъѣзды:
Было страхъ холодно,
Въ чистомъ полѣ темно,
Хоть мерцали блестящія звѣзды.
Я въ гусарахъ служилъ
Синій ментикъ носилъ,
Подо мною не конь, заглядѣнье;
Да и я былъ не тотъ,—
Двадцать третій лишь годъ
Наступилъ мнѣ, какъ разъ съ Вознесенья
Бдемъ. Съ нами Корнетъ.
Непріятеля нѣтъ,
Осторожность же все наблюдаемъ,

(Я хоть мало служилъ,
Да ужъ опытенъ былъ),
Шагъ за шагомъ по нивамъ стулаемъ.
Вдругъ на право набатъ...
Вѣрно врагъ-супостать!
Всѣ мы, вздрогнувъ—и сонъ позабыли;
Приказалъ намъ Корнетъ
Въ руку взять пистолетъ,
Мы направо въ галопъ своротили.
Что же братъ? узнаю
Я деревню свою,
Всю объятую пламенемъ сильнымъ;
Такъ душа и дрожитъ,
Сердце слышу молчитъ,
Будто сжатое кладомъ могильнымъ.
Но недолго... Ручьемъ
Зарыдалъ я потомъ.
Вдругъ велятъ скоротить намъ поводья.
Я съ тревогой въ груди,
Ужъ давно впереди,
Во ста шагахъ отъ его Благородья.
Здѣсь сначала села
Моя хатка была;
Погляжу все трещить и пылаетъ,

Я скачу.... и при мнѣ
Моей бѣдной женѣ
Врагъ прикладомъ високъ разбиваетъ.
Я какъ вихрь наскочалъ,
И врага растопталъ,
Сердце мщенья кроваваго просить...
А другой злобный врагъ
Показался въ дверяхъ,
И малютку за ножку выносить.
Сколько въ мигъ этотъ мукъ!
Но изъ вражескихъ рукъ
Вырвалъ я безталаннаго сына,
И къ себѣ на сѣдло,
И родное село
Скоро скрыла отъ взоровъ долина.
Мы спѣшили уйти,
А Французъ по пути
Разсылалъ за погонью погони;
Но поймать не легко—
Унесли далеко
Нашъ могучіе русскіе кони.
Послѣ тоже два дня
Не сходилъ я съ коня,
И сынокъ все со мной не разлученъ,

Только бѣдненькій онъ
Былъ путемъ утомленъ,
Съ непривычки походомъ измученъ.
И бывало порой,
Въ плащъ укутавшись мой,
Плачетъ горькими сильно слезами.
Вечерѣтъ лишь начнетъ,
Бѣдный маму зоветъ,
Но не видѣтъ намъ болѣ мамы.
Охъ, товарищъ, не знать
Мукъ такихъ, не видать
Два раза.... смерть отграднѣ злая;
Я хоть бравый солдатъ,
А порой виноватъ,
Я рыдалъ словно баба какая.
И друзья для него
Доставали всего,
И корнетъ съ нимъ дѣлился бывало;
Но пошло холодать.
Гдѣ малютку дѣвать?
Горе въ душу солдату запало.
Вотъ мы праздничнымъ днемъ
Черезъ село разъ идемъ,
Видимъ—ѣдетъ шестеркой карета;

Въ ней старушка сидитъ,
И на насъ все глядитъ,
Да и проситъ подѣлать корнета.
Я гляжу на нее,
Сердце бьется мое...
Вотъ корнетъ и меня подзываетъ.
Слышу: барыня та
Будь на небѣ свята!
Взять сынка моего обѣщаетъ,
Молвивъ: »съ давнихъ ужъ дней
Я лишилась дѣтей,
Дай, солдатъ, мнѣ дитя вмѣсто сына,
Я его, какъ могу,
Сохраню, сберегу.....»
И въ каретѣ мой былъ сиротина.
Записала она
Наши съ нимъ имена.
Помолясь милосердному Богу,
Я разстался съ сынкомъ....
Грустно было потомъ
Одному выступать мнѣ въ дорогу.
Много мчалось годовъ.
Мы ужъ новыхъ враговъ,
За Балканомъ Турецкимъ разбили.

И жъ о сынѣ своемъ
Не слыхалъ и мелькомъ,
И считалъ его въ тѣсной могилѣ.
Разъ въ кампаментъ весной,
За сигнальной трубой,
Суечусь и зову къ водопою;
Вдругъ во дворъ, братъ, ко мнѣ
Офицеръ на конѣ
Прискакалъ и сдержалъ предо мною.
Мнѣ какъ будто испугъ.
—Ты не можешь ли, другъ,
Просьбы выполнить? молвилъ онъ тихо
И какъ жаръ покраснѣлъ...
На конѣ же сидѣлъ—
Ну, красавцемъ такъ бойко и лихо.
Вмигъ фуражку я снялъ,
Да въ умѣ лишь смѣкалъ—
Генеральскаго видно отродья—
И сказалъ: »Съ дорогой
Радъ исполнить душой
Просьбу Вашего я Благородья!
—Гдѣ Безкровный здѣсь есть?
»Самъ имѣетъ онъ честь
На лицо разговаривать съ вами.«

Офицеръ вмигъ съ коня
И, обнявши меня,
Обливать началъ грудь мнѣ слезами.
—Мой отецъ, это я
Твой Андрей—кровь твоя!
И онъ сталъ цаловать мои руки....«
Тутъ Безкровный утихъ,
А изъ глазъ, въ этотъ мигъ,
Слезы капали, вѣстницы муки.
»Такъ я сына нашель
Богъ небесный привель
Мнѣ увидѣть его офицеромъ.
Черезъ годъ же подъ нимъ
Вздокомъ удалымъ
Заупрямился конь предъ барьеромъ.
Онъ Андрея взбѣсилъ,
Шпоры въ бокъ тотъ вонзилъ,
Конь же навзничъ злодѣй протянулся,
Да сѣдломъ сына въ грудь,
Не успѣлъ сынъ вздохнуть,
Какъ уснулъ и досель не проснулся.
Я при мертвомъ ужъ былъ,
Я его хоронилъ,
Кладъ въ могилу я его сырую;

Слезы градомъ текли,
Когда горстку земли
Бросилъ я на доску гробовую.
И, товарищъ, съ тѣхъ поръ
Помрачился мой взоръ,
Я межъ вами грущу одиноко.
Чистой къ празднику жду,
На покой побреду....
Я къ могилѣ сыновней далекой.
И печальный старикъ
Головою поникъ,
А когда онъ вокругъ осмотрѣлся,
Видитъ—пляски ужъ нѣтъ
И у всѣхъ грусти слѣдъ
Отъ разсказа на лицахъ видѣлся.

V.

МАТРОСЪ.

Тишина въ лонѣ водъ,
Море стихло и вотъ
Будто зеркало, ровно легло.
День згасалъ за горой,
И надъ бездной морской,
Въ небесахъ такъ отрадно, свѣтло.
Разныхъ странъ корабли
Рано въ пристань вошли
Запастися водой, отдохнуть—
И потомъ съ вѣтеркомъ,
На просторѣ морскомъ,
Плыть опять въ назначенный путь.
Какъ орелъ межъ скворцевъ,
Средь торговыхъ судовъ,
Рисовался военный фрегатъ:
Дивно мачты стройны,
Паруса убраны,
Реи длинныя прямо лежатъ.

Строенъ онъ и красивъ,
Флюгера распустивъ,
Словно въ зыбкѣ, лежитъ на водахъ;
Надъ кормой,—вѣтеркомъ,
Съ Первозваннымъ Крестомъ,
Тихо Русскій колеблется флагъ.
Подаваясь впередъ,
Мрачно въ зеркало водъ
Страшныхъ смотрятся пушекъ ряды.
Чудно день догоралъ,
На верхахъ дикихъ скалъ,
Отражаясь въ лонѣ воды.
Предъ вечерней зарей,
Возлѣ мачты большой,
Собралися матросы въ кружокъ.
Вспоминали они
И счастливые дни,
И крушенье, и мѣль и, линекъ;
И смѣялся иной,
Надъ чужой стороной:
»Что за странный бываетъ народъ!
Имъ по Русски толкуй,
Онъ бормочетъ лишь *вуй*,
Просишь ѣсть, а онъ пить подаетъ!

Есть и этакой людъ, —
Говорить только *зуть*
И жить въ препотѣшныхъ домахъ.
Волю давъ язынамъ,
Говорили ужъ тамъ,
Все что видѣли въ разныхъ краяхъ.
Чудо все молодежь!
Всѣ развязны, но кто жъ
Неразвязенъ, кто на морѣ взросъ?
Но у мачты большой,
Прислонясь къ ней спиной,
Тихо пѣлъ загорѣлый матросъ:
Этотъ говоръ и смѣхъ
Любопытны-ль для тѣхъ—
Кто два раза вокругъ свѣта ходилъ,
Кто забравшись на бакъ,
Жегъ всѣхъ націй табакъ,
Кто такъ долго и много служилъ?
Кто въ бояхъ посѣдѣлъ,
Кто въ путяхъ загорѣлъ,
И кому такъ ничтожна земля,
Кому родиной былъ—
Лишь корабль, гдѣ служилъ,
И чьей честью лишь флагъ корабля?

Вотъ ребята къ нему,
Колдуну своему,
Онъ ихъ тѣшилъ всегда стариной:
Да и слушать его
Есть признаться чего:
Вѣдь что дань, и рассказы илей.
»Нутко, дядя Иванъ,
Вспомни евой океанъ,
Иль заклѣтый корабль вспомяни,
Море прѣсной воды,
Или вѣчные льды,
Иль военные славные дни.«
— Нѣтъ, ребята смѣшно
Толковать все одно,
Молвилъ тихе имъ дядя Иванъ:
Много видывалъ я,
Посѣтилъ всѣ края,
Искрестилъ не одинъ океанъ.
Я люблю корабли,
Ненавижу земли—
Всякъ изъ васъ это знаетъ давно;
Всѣ вы думайте такъ;
Да и что за морякъ,
Кому любить не море одно?

Но, ребята, вчера,
Еще въ морѣ, съ утра
Что-то сердце грызетъ и грызетъ,
И порой въ тишинѣ
Такъ и чудится мнѣ,
Что надгробную кто-то поетъ.
Э, да все это вздоръ!
До которыхъ же поръ,
Словно баба я буду грустить?
Моряку-ль горевать,
О землѣ вспоминать,
И матросу ли плаксою быть?
Мой далекъ, братцы, домъ,
Надъ струистымъ Днѣпромъ.
Было насъ только, братъ да сестра.
Годъ двадцатый пасталъ,
Какъ я тамъ не бывалъ,
А какъ будто оттуда вчера.
У сестрицы моей,
Всѣхъ подружекъ милѣй—
Была Маша—подружка одна.
Какъ любилъ я ее,
Знаетъ сердце мое,
Хоть любовь-то матросу смѣшна.

Не забыть того дня,
Какъ собирали меня,
Снаряжали на службу Царю:
Мать рыдаетъ, отецъ
Поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ,
Я же только молитву творю.
Плакалъ правду сказать,
Какъ, обнявъ отца, мать,
Какъ сестрицу вѣдѣднѣ ежалъ,
Но не плакалъ потомъ,
Никогда, ни по комъ,
Какъ, прощаясь съ Машей, рыдалъ.
Не видать ужъ тѣхъ мѣстъ!
Мнѣ серебряный крестъ
Подарила, на память, она—
И сказала, друзья:
Гдѣ-бъ ни странствовалъ я—
Будетъ мнѣ до могилы вѣрва.
Я не знаю что съ ней—
Все невѣстой моей,
Или Маша давно за другишь?
Но подарокъ ея
Былъ все счастье мое,
Ничего не боялся я съ нимъ:

Пусть шумить океанъ,
Пусть реветъ ураганъ,
Пусть ужасная битва кипить,
Ничего не боюсь,—
Я кресту помолюсь,
И отвага мнѣ душу живить.
Но, ребята, вчера
Еще въ морѣ съ утра
Сталъ я горько душой горевать:
Я по реѣ ходилъ,
И свой крестъ уронилъ—
Да, изъ моря его не достать!
Всѣмъ извѣстно, я смѣлъ,
Я въ бояхъ посѣдѣлъ,
Безъ креста-жъ вся отвага прости:
И предчувствую я,
Что кончина моя—
Ужъ близка — головы не снести.
Одного страшно мнѣ,
Но въ морской глубинѣ
Ляжетъ трупъ мой, обычай храня:
Вспоминать не могу—
На чужомъ берегу,
Гдѣ нибудь похоронять меня!...

И друзья улетать,
Унесетъ ихъ фрегатъ—
Такъ же строенъ хорошъ и красивъ,
Съ тѣмъ же Русскимъ орломъ,
Тѣ-жъ матросы на немъ—
Онъ уйдетъ обо мнѣ позабывъ.»

Ясный день вечерѣлъ,
Вѣтерокъ посвѣжѣлъ,
Облачка лишь порой пролетать;
Но чисты небеса.
Раснутивъ паруса,
Собирался въ дорогу фрегатъ.
И, какъ прежде, на немъ,
Съ Первозваннымъ Крестомъ,
Флагъ, по вѣтру, колеблясь игралъ.
Шевелится народъ
По веревкамъ, и вотъ
Ужъ командный свистокъ засвисталъ.
И фрегатъ снова въ путь.
Жадно крѣпкую грудь
Обнимаетъ морская волна.
Вотъ онъ въ море ушелъ,
Какъ пернатый орелъ,
И исчезъ, какъ видѣніе сна,

День сгасалъ, даль въ мглѣ.
Лишь на дикой скалѣ,
Что рисуется мрачно окрестъ.
Потухала заря,
Слабымъ свѣтомъ горя,
Озаряя могилу и окрестъ.
Тихій то Океанъ,
Нѣтъ вокругъ христіанъ,
И на тѣхъ дикари островахъ—
Кто же путникъ лежитъ,
Въ этомъ гробѣ зарытъ—
И надъ кѣмъ крестъ стоитъ въ головахъ?
Ужъ фрегатъ далеко,
Но на марсъ высоко,
Взлѣзъ матросъ, оглядѣвъ океанъ.
И сквозь рѣзкую иглу—
Распозналъ онъ скалу,
Прошепталъ: »Бѣдный дядя Иванъ!
Спи спокойно, матросъ!
Головы ты не снесъ,
Не на русской ты умеръ землѣ:
Вспоминать не могу—
На чужомъ берегу,
На скалѣ мы зарыли тебя!»

АХТЫРЕЦЪ.

Кирасиръ усачей
Тѣшилъ хоръ трубачей:
Эскадронный гремѣлъ у нихъ праздникъ.
Всѣ собрались въ кружокъ,
Трубачамъ же въ свистокъ
Вторилъ рѣзко какой-то проказникъ.
Старшій Вахмистръ сидѣлъ
И подъ музыку пѣлъ
Съ разлихой молодецкой ухваткой;
Головою водилъ,
Такъ усердно онъ билъ
По коѣну своею перчаткой.
Вдругъ онъ живо встаетъ.
»Братцы—пестрый народъ!«
И махнулъ трубачамъ онъ рукою.—
Хоръ лихой замолчалъ.
»Адъютантъ приказалъ
Вамъ собратся къ нему предъ зарею.
Благодарствуетъ васъ!
Вѣдь заря черезъ часъ;
Адъютантъ же стоитъ далеконько.

Гдѣ-жъ артельщикъ-то нашъ?
По одной и шабанъ,
Расходится пора по тихоньку.
Эй, Кулевъ, хлопочи!
И еще трубачи
Осушили по чаркѣ въ дорогу;
Хоть вино горячо,
Но трубу на плечо—
И, не сморщась, пошли себѣ въ ногу.
Былъ тотъ пиръ за селомъ
На пригоркѣ большомъ;
Здѣсь и мельницы фрунтомъ стояли;
А внизу подъ горой,
Надъ широкой рѣкой
Поселянки въ горѣлки играли.
Скучно дома сидѣть,
Имъ хотѣлось глядѣть
Какъ кутятъ молодцы постояльцы;
Не одни собралась...,
Но грозили не разъ
Имъ за то материнскіе пальцы.
Кирасиры въ кружки,
Да зажгли огоньки,
Чтобъ не часто стучало огниво;

Каждый трубку набить,
У огня закурить,
Вѣдь безъ трубки солдатъ не служивый.
Старшій Вахмистръ Карась,
На травѣ развалился,
Вынулъ трубку съ красивой оправой.
Близъ него жъ кругъ большой, —
Все народъ не простой:
Въ галунахъ всѣ на лѣво, на право.
Всѣ сидятъ на травѣ,
На иномъ рукавѣ
Этакъ штукъ съ полдесятка шевроновъ,
И городятъ не вздоръ,
А ведутъ разговоръ
О наѣздникахъ всѣхъ эскадроновъ.
—Хоть возьмемъ Пукура,
Въ ундерцеры (*) бѣ пора
Крѣпко ѣздить не надо ужъ болѣ,
Ну къ седлу какъ пришить,
И красиво сидитъ,
Да носки все ворочаетъ въ поле.

(*) Пишу это слово какъ произносится оно нижними чинами въ войскахъ 1-го Резервнаго Кавалерійскаго корпуса. Соч.

— »А другой, Балабанъ,
Прямъ, какъ добрый наганъ,
Первый въ танцахъ и первый сынъ въ пѣсни,
Молодчиной слыветъ,
А какъ рысью поидетъ,
Ну, бьется рукою хотъ трѣсни.
»Иль Марытинъ меньшей,
Посмотрѣть такъ герой,
Отъ артемыжъ въ шестомъ Эскадронѣ,
Въ пѣшемъ фронтѣ какъ бѣсъ,
На коня жъ только влѣзъ—
Ужъ поклонъ каждой встрѣчной воронѣ.
— Служба всѣмъ не далась,
Молвилъ громко Корась:
Вотъ какъ я потерпѣлъ надъ попоной,
Да потомъ безъ стремень
Бѣдилъ много временъ,
Такъ и сталъ щеголять-то персонею.
Ординарцемъ ужъ былъ,
А однажды слупилъ,
Разъ собралъ не въ ту сторону морду:
Что-же вышло, друзья?
На два мѣсяца я,
Словно рекрутъ попался на корду.

Битвы намъ ни почему...
Есть признаться о чемъ
Разсказать ребятишкамъ въ отставку.
Много войнъ перешло,
Все счастливо прошло.
Нутко, братцы къ воинственной справкѣ!
Кто въ сраженьяхъ бывалъ?
Начинай Шаповалъ!
—Крестъ добылъ я, ребята, надъ Рейномъ;
На щекѣ же рубецъ
Янычаръ сорванецъ
Положилъ какъ гнались за Гуссейномъ.
Я въ Драгунахъ служилъ...
—Да, вѣдь я позабылъ!
Кто-жъ еще? Ну, хвалися отвагой!
Голосовъ слышно съ пять:
»Какъ огня не видать —
Вѣдь и мы то бывали подъ Прагой.«
И Карась просвисталъ.
—Ну, друзья, онъ сказалъ:
Лишь одинъ изъ васъ видывалъ дива—
И за Рейномъ бывалъ,
И всѣхъ націй бывалъ,
И попробовалъ разнаго пива.

Молодецъ, право, братъ!
А когда въ службу взять?
Не поспѣлъ вѣдь, дружокъ, къ Аустерлицу!
— Гдѣжъ поспѣть мнѣ туда!
Я былъ взять ужъ тогда,
Какъ прогнали врага за границу!
— Ну, товарищъ, такъ я
Побывалъ и тебя,
Да и врядъ ли въ полку есть такіе:
Аустерлицъ мнѣ знакомъ,
И Эйлаускій погромъ,
И Литовскія дебри глухія.
Подъ Тарутиннымъ мнѣ
Въ распроклятомъ огнѣ
Пулю добрую въ ногу влѣпили,
Даже крикнулъ—былъ грѣхъ;
Бородинскихъ потѣхъ
До сихъ поръ мы еще не забыли.
Зналъ всего и Французъ!
Да! надъ Эльстромъ контузъ
Получилъ я на Лейпцигской схваткѣ.—
И теперь какъ порой
При погодѣ сырой,
Словно кошка скребетъ по лопаткѣ.

А Березина! Эхъ
Видно ужасомъ тѣхъ
Не видать на рѣку, ужь вамъ, бранцы:
Люди, кони, не дѣхъ,
Запрудили рѣку.
Словно мостъ—хоть извои проматываеся.
А Парижъ! Вотъ дичей.
Городокъ пребольшой—
Онъ столица французскъ, привѣромъ
Какъ нашъ Питеръ, а я
Во Парижъ-то, дружба,
Какъ вступалъ, такъ ужь былъ удивителенъ.
Ровно двадцать годовъ
Не сымалъ галуновъ,
А, ребята, подумате легко-ли?
Но я бодро гляну,
Я изъ чести олуку,
И привыкъ я къ сомнамской ужь долѣ.
И пустилъ Ваннистръ дыню.
Всѣ съ восторгомъ пѣнымъ
Любовались геройскою славою.
Затрещалъ огонякъ.
Изъ костра уголанъ
Кто-то вынулъ рукою костлявой.

Всѣ глядятъ. Весь сѣдой
На костыль пребольшой,
Опираясь, присѣлъ незнакомецъ.
Чистъ на немъ казакинъ,
И на лбу тма морщинъ,—
Знать не этого вѣка питомецъ;
Сивый усъ порѣдѣлъ,
Взоръ же ярко горѣлъ.
Вотъ досталъ свою трубку большую
И сказалъ: — » Возлѣ васъ
Я присяду на часъ,
Покурю и, друзья, потолкую.
Моя мельница здѣсь.
Просидѣлъ день я весь,
Видѣлъ пиръ вашъ, лихіе ребята;
А теперь шелъ домой,
Да подслушалъ душой
Про святые походы солдата.«
—Э, да ты старина!
Молвилъ Вахмистръ: видна
Въ тебѣ удалъ—солдатъ по природѣ.
Ты изъ нашихъ, дружокъ,—
Ну, потѣшь же кружокъ—
Чѣмъ нибудь о Двѣнадцатомъ Годѣ!

Ты молчишь, старина,
И улыбка видна,
И насмѣшку я вижу изъ взоровъ.....
— »Ничего.... такъ.... пройдетъ...
Что Двѣнадцатый Годъ,
Коли крестъ мой надѣлъ самъ Суворовъ!«
Вахмистръ мигомъ вскочилъ.
— Ты съ Суворовымъ былъ?
— » Знали много и битвъ и биваковъ!
— Гдѣ-жъ лишился ноги?
Гдѣ отбили враги?
— » Да! не давно-накъ брали Очаковъ.«
Всѣ столпились вокругъ,
И фуражки всѣ вдругъ
Ужъ въ рукахъ заширь раскрылись,
И со всѣхъ вѣнъ сторонъ
Собрался Эскадронъ,
Всѣ безногому старцу дивились.
Вотъ вино принесли
И ему поднесли.
— Пей за насъ эскадронъ, — мы оплатимъ,
Да, герой старина,
По стакану вина
За твое мы здоровье отхватимъ,

Лишь подымется пыль!

Опершись на костыль,

Припадывая Одаковский воинъ,

— »За здоровье лихихъ

Кирасиръ удалыхъ

Всякъ Креста будь святаго достоинъ!»

И онъ выпилъ вино.

— Еще слово одно,

Молвилъ Вахмистръ: подка ты какого?

— »Я Ахтырецъ.»

— Пора!

Ну ребята, ура!

За здоровье Ахтырца сѣлаго!

И гремѣло »ура!»

Потворда гора

Этотъ откликъ могучій военный.

И безногій герой

Съ поспѣдой головой

Прослезился, душой умиленный.

Пятдесятъ ужъ годовъ

Онъ военныхъ пировъ

Не видалъ, переживъ поколѣнья;

Одиноко въ глуши

Проводилъ дни въ тиши,

Въ скромной хаткѣ роднаго селенья...

И давно, какъ о снѣ.
Вспоминалъ о войнѣ
И, какъ сонъ, вспоминалъ полкъ Ахтырскій—
Тамъ друзей никого.....
Вдругъ здоровье его
Щегъ лихой Эскадронъ Кирасирскій!
Звукъ летить по рѣкѣ,
Рѣзко вдругъ вдалькъ
Раздалася труба зарева.
Помня строго приказъ,
Вся семья поднялась,
Разойтись по домамъ поспѣшая.
Площадь разомъ пуста,
И опять сирота,—
Межъ потухшихъ костровъ по дорогѣ,
Тихо бредъ по горѣ,
При вечерней зарѣ,
Мой Очаковскій воинъ безногій.

VII.

БОМБАРДИРЪ.

Ужъ давно свѣтлый день
Разогналъ ночи тѣнь,
Туча дыму полъ небомъ висѣла,
Трескъ орудей и громъ
И далеко кругомъ
Бородинская битва гремѣла.
Вотъ и полдень давно,
Но надъ битвой темно,
Будто свѣта не видѣть ужъ болѣ:
Сильный гулъ, яркій блескъ
И губительный трескъ—
Стоитъ все Бородинское поле.—
Нѣтъ изъ мнѣ описать,
Какъ пошла рать на рать,
Какъ снаряды взрывали окопы,
И геройства полна,
Какъ Россія одна
Отбивалась отъ цѣлой Европы!

Тамъ пѣхота идетъ,
 Жизнь за вѣру несетъ,
 Быстро скачутъ за ней Эскадроны;
 Артиллерія тамъ,
 По крутымъ высотамъ,
 Осыпаетъ картечью колонны.
 Генералы—вожди
 На челѣ впереди
 За дружиною вводятъ дружину.
 Силенъ, мужественъ врагъ,
 Но и въ Русскихъ сердцахъ
 Есть отвага—отпоръ исполнѣ.
 На холмѣ въ сторонѣ,
 Вся блистая въ огнѣ
 Рокотала вдали батарея,
 И начальникъ ея
 Все усердье свое
 Истоцалъ, жизни, силъ не жалѣя.
 Нѣтъ на немъ лентъ и звѣздъ,
 Но Георгія крестъ
 Былъ повѣшенъ на раненой груди.
 Врагъ идетъ съ двухъ сторонъ,
 Но командовалъ онъ
 Грономъ страшнымъ послушныхъ орудій.

Вотъ прикрытие лево,
Скоро вражье крыло
Баттарею кругомъ охватило;
Капитанъ не робѣлъ —
Зарядить онъ велѣлъ
Всѣ орудія сколько ихъ было.
Залпъ ужасный гремитъ,
Но назадъ не бѣжитъ,
А впередъ все идетъ врагъ могучій;
Вотъ уже прибѣжалъ,
Вотъ взобрался на валъ,
Баттарею накрылъ словно тучей.
Капитанъ пораженъ
Испустилъ тяжкій стонъ.
И упалъ, зажимаячи рану...
Лишь упалъ командиръ,
А лихой Бомбардиръ,
Саблю вынувъ, спѣшитъ къ капитану.
Кто къ нему, онъ того,
Не щадя никого,
Рубить саблей на лѣво, на право:
Весь израненъ кругомъ,
Но съ подъятымъ челомъ
Отъ врага отбивался со славой.

Вотъ Французъ Генералъ
Гренадеранъ звать дакъ—
Не колоть, не рубить Бомбардира;
Онъ его отпускалъ;
Бомбардиръ же сѣвшилъ—
Взять съ собой на плеча коншидира.
Пули, ядра въ пути
Не мѣшаютъ идти,
Пробрался Бомбардиръ на поляну:
Тамъ все наши вокругъ,
И онъ бережно съ рукъ
Передалъ гваранъ капитана.

Ужъ давно свѣтлый день
Разогналъ ночи тѣнь
Рать Россіи одѣлась пышно.
Трескъ орудій и громъ
И далеко кругомъ
Бородинское широкое слышно.
Нѣтъ не мнѣ описать
Какъ могучая рать
Вдоль поляны чрезъ святые окопы—

Какъ Русь вѣры полна

Поминала одна—

Падшихъ воевъ почти всей Европы.

И на тѣхъ же поляхъ,

Гдѣ разбить сильный врагъ,

Гдѣ кровавая смыта обида,—

Мужу доблему въ честь

Пышный памятникъ есть,—

По усопшимъ гремитъ нанихида.

И на праздникъ томъ

Съ осѣненнымъ челомъ,

На Петра Царской доблестью схожій,

Величаво стоитъ

И привѣтно глядитъ—

Царь Россіи Помазанникъ Божій.

Тамъ пѣхота идетъ

И знамена несетъ,

Быстро скачутъ вдали Эскадроны;

Артиллерія тамъ

По лѣснымъ высотамъ

Поздравляетъ съ тѣмъ пиромъ кодоны.

На холмѣ въ сторонѣ,

Вся блистая въ огнѣ,

Рокотала вдали баттарей,

И отъ ней въ двухъ шагахъ
На своихъ костыляхъ,
Слезъ восторга сокрыть не умѣя,
Старый воинъ стоялъ
И за руку держалъ
Батарейнаго онъ командира.
И узналъ въ первомъ я
Капитана, друзья,
А въ другомъ я узналъ Бомбардира.

VIII.

ЗНАМЯ.

Опускался туманъ.
Застучалъ барабанъ,
Заиграли вездѣ на молитву;
Мигомъ шапки долой,—
Всѣ равняются въ строй
Помолиться окончивши битву.
Всѣ молились тепло,
Всѣмъ на сердцахъ свѣтло,
Всѣмъ покой послѣ сѣчи на смѣну;
Но изъ всѣхъ усачей
Тѣ молились теплѣй—
Кто былъ вырученъ утромъ изъ плѣну.
Вотъ послѣдній сигналъ
Барабанъ застучалъ,
Раздались и трубы перекаты.
Загорѣлись костры,
Распахнулись шатры.
Балагурятъ лихіе солдаты.

На дворѣ ночь тепла,
И луна ужъ взошла
И катилася въ небѣ высоко.
У палатки одной
Гренадеръ молодой
Съ грустной думой сидѣлъ одиноко.
Близъ него цѣлый взводъ.
Но лишь кто подойдетъ,
Остановится скорбь уважая;
И молчать всѣ кругомъ,
Гренадеръ же тайкомъ
Что-то шепчетъ, печально вздыхая.
Вотъ къ нему изъ кружка
Вышли два старика,
И одинъ изъ нихъ, тотъ что сѣдѣе,—
Хватъ его по плечу.
— Что молчишь?
— »Такъ молчу!
Скучно, братцы, сказать неумѣю!
— Что смотрѣть въ эту даль?
Расскажи про печаль—
Изъ друзей кто нибудь да поможетъ.
Ну не хмурся какъ ночь!
— »Трудно, братцы, помочь:
Не такая тоска меня гложетъ.

Вѣдь изъ плѣна не всякъ
Возвращается такъ,
Какъ вернулся я утромъ сегодня:
Знать меня столько дней
Дивной силой своей
Сохраняла Десница Господня!
Кто забылъ этотъ день
Какъ вечерняя тѣнь
Одѣвала еѣдые Балканы,
И какъ вмигъ съ двухъ сторонъ
Нашъ лихой Батальонъ
Окружили толпой басурманы.
Много крови лилось,
Но не много спаслось
Изъ лихаго тогда батальона;
А какъ помощь пришла
Ужъ на вѣки легла
Трупомъ храбрая наша колонна.
Я подъ знаменемъ былъ,
Я святыню хранилъ
И дрожалъ за него я со страху;
Наконецъ съ древка снялъ,
Вкругъ себя обвязалъ,
Подъ солдатскую спрятавъ рубаху.

И потомъ ужъ съ врагомъ
Я работалъ штыкомъ,
Но мнѣ руку на зло разрубили;
И какъ бой ужъ утихъ—
Сколько было въ живыхъ
Турки всѣхъ насъ въ полонъ потащили.
А въ дорогѣ, друзья,
Сколько вытерпѣлъ я,
Какъ страдалъ я израненный много!
Тамъ пощады, не жди!
Но я зналъ: на груди
Что носилъ,—и молился лишь Богу.
Въ Шумлѣ я пролежалъ,
А здоровъ только сталъ—
На работу меня выгоняли:
Валъ чинить крѣпостной,
Рыть канавы порой . . .
Но потомъ насъ подальше погнали
И въ Стамбулъ привели.
По рукамъ мы пошли,
Я достался вельможѣ въ неволю.
Мнѣ приказъ: чистить садъ.
Я былъ этому радъ
И доволенъ своею былъ долей.

Ну, обѣдъ какъ обѣдъ.
Только чарочки нѣтъ—
Водки Турокъ непьетъ бородатый;
Только горько одно:
Въ праздникъ Божій равно,
Какъ и въ будень — въ саду я съ лопатой.
Дней ужъ съ пять я копалъ,
Но въ глаза не видалъ,
Что такое хозяинъ мой важный:
А должно быть богатъ—
Словно рай, чудный садъ,
Да и домъ не простой—двухъ-этажный.
Вотъ присѣлъ я подъ тѣнь—
(Жарокъ очень былъ день)—
Отдохнуть отъ работы немножко
И смотрю на цвѣтникъ...
Вдругъ оттуда старикъ
Съ длинной трубкой идетъ по дорожкѣ.
Вотъ ко мнѣ подошелъ,
Рѣчь по Русски завелъ...
Я дрожу, слыша русскіе звуки,
На него посмотрѣлъ...
И душой охладѣлъ,
Отнялися и ноги и руки!

Этотъ старецъ съдой,
Что стоялъ предо мной
Въ басурманской одеждѣ богатой,
Новый мой господинъ,
Новый мой властелинъ—
Былъ.... родимый отецъ мой, ребята!
Онъ давно ужъ бѣжалъ,
Но я тотчасъ узналъ
Этотъ взоръ, этотъ голосъ знакомый.
Жаръ по мнѣ, то морозъ;
Очи полныя слезъ;
Нѣту словъ отъ душевной истомы.
И едва, наконецъ,
Прощеталъ я: отецъ!
И упалъ передъ нимъ на колѣни.
Мой старикъ задрожалъ,
Меня сыномъ назвалъ,
И тотъ мигъ былъ мнѣ счастьемъ средѣ плѣна.
Ну, друзья, съ того дня
Не гоняли меня
На работу. Съ отцомъ неразлучно.
Весь я день проводилъ,
Что желалъ, ѣлъ и пилъ;
Но, повѣрите-ль, стало мнѣ скучно.

Разъ въ бѣдѣхъ сидимъ
Мы вдвоемъ только съ нимъ.
Онъ, привстанетъ, то снова приляжетъ.
— Служай, сынъ! онъ сказалъ.
И потомъ замолчалъ,
Я все жду, что онъ дальше мнѣ скажетъ.
— Знаешь что, милый сынъ,
Я большой господинъ,
Турокъ простъ.... Оставайся со мною!
Разсуди, голова!
Черезъ годъ, черезъ два—
Ты увидишь тебя какъ пристрою!
И отецъ замолчалъ.
Я невольно привсталъ,
Мигомъ по сердцу дрожь пробѣжала;
Самъ какъ будто не свой:
Что творилось со мной
Я не зналъ, а душа замирала.
— » Нѣтъ, сказалъ я, отецъ.
Пусть мученья вѣнецъ
Я приму за отчизну и вѣру,
Будетъ воля твоя,
Муки вытерплю я,
Но измѣнникомъ, нѣтъ, я не буду!»

Взоръ отцовскій блисталъ.
Но я гордо привсталъ
И въ очахъ своихъ чувствовалъ пламя;
Въ жилахъ кровь такъ и бьетъ.
Сдѣлавъ шагъ я впередъ
И съ груди снялъ священное знамя.
— Сей святыней клянусь,
Мой отецъ, не страшусь
Никакой я ни пытки, ни кары,
Буду вѣренъ тому
Научили чему
Меня въ дѣтствѣ и ты и дѣдъ старый.»
И дивитесь, друзья,
Показалъ только я
Ему Русское Знамя святое,
Опустилъ онъ глаза,
Въ нихъ нависла слеза,
Знать забилося въ груди ретивое,
— Спрячь, мой сынъ, вновь на грудь.
Чтобъ не зналъ кто нибудь.
Молодецъ! оставайся-же съ Богомъ
Вѣренъ чести, Царю!
.....
Я не вѣрю смотрю,

А старикъ мой ужъ былъ за порогомъ.

.....

Я на волѣ ужъ былъ
Я къ своимъ подходилъ
И со мной было Знамя святое;
Но прощанье съ отцомъ
Все лежало свинцомъ.
На душѣ... грызла грусть ретивое.
И теперь, когда я
Осчастливленъ, друзья,
Когда крестъ мнѣ священный достался,
Не могу разсудить:
Какъ въ тотъ мигъ могъ я жить—
Какъ на вѣки съ отцомъ попрощался.
Вотъ, ребята, зачѣмъ
Я не веселъ и нѣмъ,
Вотъ печали глубокой причина:
Какъ солдатъ,—я крестомъ
Счастливъ въ сердцѣ моемъ,
Но болитъ сердце бѣднаго сына.
Гренадеръ замолчалъ.
Каждый ясно видалъ,
Что участие ему не поможетъ,

Что страдалец быкъ правъ,
При началъ сказавъ:
»Не такая тоска меня гложетъ.«

На Аеонскихъ горахъ
Есть высокій монахъ,
День и ночь онъ стоитъ на молитвѣ,
Онъ печально суровъ,
И отъ ранъ тма рубцовъ —
Не въ одной знать участвовалъ битвѣ.
Но монахъ тотъ сѣдой,
Видно, грѣшникъ больной —
Онъ все молится ставъ на колѣни;
Молить Бога о томъ.
Чтобъ предъ Страшнымъ Судомъ,
Онъ простилъ его въ тяжелой немощи.
И о сынѣ порей
Предъ иконою святой
Вспоминаетъ онъ, грустно убитый —
И видали не разъ
Какъ изъ старческихъ глазъ
Слезы льются на ледяныя плиты.

IX.

ПАРТИЗАНЪ.

Свѣтлымъ днемъ разъ весной
 Въ караульнѣ большой
 Бѣлгородцы (*) лихіе сидѣли;
 Молодецъ въ молодца,
 Нѣтъ въ морщинахъ лица —
 И въ усахъ сѣдины не блестили.
 Нѣтъ священныхъ крестовъ,
 На груди удалцовъ,
 Не работали знать они сталью;
 Только былъ между нихъ,
 Бѣлгородцевъ лихихъ,
 Лишь одинъ съ бровою медалью.
 Видно локкій былъ хватъ,
 Тѣшилъ бравыхъ ребятъ,
 Говоря о войнѣ за Кавказомъ.
 Все что видывалъ тамъ,
 Рассказалъ онъ друзьямъ,

(*) Уланскій Е. И. В. Эрцъ Герцога Австрійскаго Фердинанда Карла полкъ назывался прежде Бѣлгородскимъ Уланскимъ полкомъ.

Любовь и счастье на лицахъ всѣхъ живыхъ.

«Я служилъ.... Но, друзья,

Вижу чувствую я,

Что отважны вы храбры, Уланы,

Хоть на встрѣчу огню.

Только какъ изъясню.

Что такое у насъ партизаны!

Это какъ бы сказать,

Чтобъ при томъ же солгать—

Все налёты могучи, какъ буря

И не-то на врага,

Хоть чертей за рота,

А на смерть мчатся—глазъ не жмури!

Партизанъ дьяволъ весь,

Утромъ тамъ, ночью здѣсь—

Не преграды лѣса и болоты.

И всегда впереди...

Ужъ пощады не жди—

Да, лихю мы были налёты!

Разныхъ войскъ нашъ отрядъ.

Лишь бы только былъ хватъ:

Тутъ Уланы и тутъ же Казаки.

Тамъ Драгунъ, тамъ Гусаръ.

Хоть и молодъ, хоть и старъ—

Такъ и ищемъ съ Французами драки.

Ну, а съ нами-то кто,

Вы слыхали про то?

Не видали вы этакихъ видовъ:

Да, не много такихъ

Партизановъ лихихъ

Какъ Гусарскій полковникъ Давыдовъ!

Ну, ужъ впрямъ что Гусаръ,

Въ битвѣ словно пожаръ

Такъ и жжетъ все на право на лѣво;

Что не срубить клинкомъ—

То затопчетъ конемъ,

Страшенъ былъ онъ и въ битвѣ и въ гнѣвѣ.

Но онъ добръ былъ душой—

Балагуръ пребольшой,

Не держалъ себя слишкомъ по барски;

А когда виновать,—

Ужъ не прогнѣвайся, братъ,—

Лишь держись, а задасть по Гусарски.

По лѣсамъ, по ярамъ,

По дремучимъ борамъ

Мы съ Давыдовымъ долго ходили—

И врага, гдѣ не ждалъ.

Били мы на поваль—

И случилось Бригады мы били.

Ночью здѣсь разобьемъ

И до утра идемъ

Все назадъ, да минуетъ ихъ силу:

Били тамъ авангардъ,

А ужъ здѣсь арьергардъ,—

Ну, какъ черти являемся съ тылу.

Жарко было не разъ

Бонапарту отъ насъ;

Доставалось и намъ на орѣхи;

Но за то же порой

Какъ пойдемъ строй на строй

Задавали и мы имъ потѣхи.

Гдѣ ни явимся—страхъ!

Вотъ однажды въ лѣсахъ

Мы стоимъ. Съ нами рота пѣхоты.

Вправо темный оврагъ,

Въ ста-жъ не болѣ шагахъ—

Передъ нами презлое болото.

Разнуздавъ лошадей,

Мы сидимъ вокругъ огней.

Приказали сварить эдакъ кашу:

Все народъ боевой

Всѣ съ отважной душой.

Ну, сидимъ, да и хвалимъ жизнь нашу.

Вдругъ ветревоженъ бивакъ.
 Показался казакъ,
 Да къ полковнику прямо съ докладомъ:
 Что враговъ батальонъ
 И съ орудіемъ онъ
 Тутъ съ лѣсною опушкой рядомъ.
 Нашъ полковникъ привсталъ.
 Только знакъ намъ подавъ,
 Вмигъ огни загасили водою.
 »Эй проворнѣй, живѣй
 Зануздать лошадей,
 Сваримъ кашу, друзья, послѣ боя!
 На меня онъ взглянулъ
 Головою кивнулъ—
 У меня все въ минуту готово.
 Мигомъ я на конѣ.
 «Федоренко, чтобъ меня
 Ты разслушала отъ слова до слова:
 Осторожно ступай,
 Да смотри не млошай,
 Густотой по кустамъ пробирайся:
 А приблизишься къ нимъ,
 Въ зубы выстрѣлишь,
 Да сюда заманить ихъ старайся.

Только мнѣ, братъ, не струсь!
Забрало, признаюсь,
Мнѣ морозомъ не множечко душу,
Послѣ думаю я,
Что-жъ такое, друзья,
Умереть? Право слово не струшу.
Я поѣхалъ шажкомъ
За Донскимъ козакомъ.
Вотъ болото ужъ мы миновали.
Бдемъ дальше, и вотъ
Слышимъ кто-то идетъ.
Голоса уже слышны намъ стали.
А опушка кругомъ
Заросла ивнякомъ,
Мы туда осторожно пустились;
И потомъ межъ вѣтвей.
Придержавъ лошадей,
Мы вдвоемъ съ козакомъ притаились.
Не вдали батальонъ.
Разстянулся весь онъ,
Всѣ покойны, какъ бы на ночлегъ:
Тотъ разстегнуть идетъ,
Этотъ пѣсню поетъ;
Чье ружье межъ вещей на телегѣ.

Авангардъ ужъ промчалъ.
 Я ихъ всѣхъ перечелъ—
 Все народецъ мизерный, поджарый;
 И какой скверный шагъ!
 И у всѣхъ на плечахъ
 Ранецъ въ дыркахъ истертый и старый.
 Поравнявшись со мной,
 Усачище большой
 Стать вздохнуть, а въ рукахъ его знамя.
 На него я гляжу,
 Самъ же, братцы, дрожу,
 А на сердцѣ то холодъ, то пламя.
 Что тутъ, дѣлать какъ быть?
 Славно знамя отбить!
 Шпоры въ бокъ, да впередъ я со скуки.
 По рукамъ его, цапъ!
 А онъ знамя изъ лапъ
 Какъ нарочно мнѣ въ самыя руки.
 Я на правс-кругомъ
 И съ Донскимъ козакомъ.
 Мы къ своимъ понеслись, полетѣли.
 Я скачу и за мной
 Пули все стороной
 Знай впиваются въ сосны, да въ ели.

Вотъ отрядъ видѣнъ намъ.
Погляжу по вѣтвямъ
Егеря притаились, какъ бѣлки:
Ужъ врагамъ не впервой
Мы въ трущобѣ лѣсной
Задавали такіе продѣлки.
И пошла вдругъ жарня.
Эхъ, такого огня
Въ партизанской лишь видишь охотѣ!
А Французы стрѣлки
Было къ намъ на штыки,
Да и сѣли дружечки въ болотѣ.
Правду вамъ говоря,
Ихъ съ деревъ Егеря,
Какъ измокнувшихъ галокъ, стрѣляли.
А что было потомъ
Какъ лихіе—кругомъ
Партизаны врага обскакали!
И опять, кончивъ бой,
Мы въ трущобѣ лѣсной
Отдыхать, подкрѣпиться остались.
И добыча была,—
Да чортъ съ ней тяжела!
Кромѣ каши по чаркѣ досталось.

И полковнику я
Разсказалъ все, друзья,
И отбитое знамя представилъ.
Онъ меня похвалилъ,
Храбрецомъ все честилъ,
И съ крестомъ при отрядѣ поздравилъ.
Чрезъ недѣлю потомъ,
Какъ-то разъ вечеркомъ,
Навѣстилъ насъ Фельдмаршалъ Кутузовъ.
Благодарность отдалъ,
А полковникъ сказалъ
Какъ мы лихо колотимъ Французовъ.
Не забыть того дня!
Вотъ онъ вызвалъ меня,
Разсказалъ, какъ мнѣ знамя досталось.
И меня Генералъ
По плечу потрепалъ....
Чѣмъ-то сладкимъ душа наполнялась.
Самъ Фельдмаршалъ, друзья,
Крестъ надѣлъ на меня,
Вотъ онъ здѣсь на груди мой Георгій!
Хоть за то восемь ранъ...
И старикъ Партизанъ
Прослезился въ священномъ восторгѣ.

Всѣхъ разсказъ тотъ уидѣхъ.
Но раздался звонокъ.
Караулъ уже сталъ по разсчету;
Вотъ начальникъ идетъ,
Лихо сабли впередъ
Караулъ отхваталъ какъ по счету.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

РУССКІЙ СОЛДАТЪ.

РАЗСКАЗЫ

А. АФАНАСЬЕВА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

—
1855.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ 23 Ноября 1854 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ К. ВИНГЕВЕРА.

Право, слово, друзья, хоть глядись.

Принесли котелки

Мигомъ всё *третьяки*

Поспѣшаютъ къ обѣду присѣсть:

Кто не слазилъ съ коня

Отъ зари до полдня,

Тотъ ужъ вѣрно захочетъ поѣсть.

Веселъ бравый народъ,

Каждый радостенъ взводъ—

Отчего-жъ первый взводъ веселѣй?

Слышенъ шумъ въ третьякахъ,

Только хохотъ въ устахъ

Бѣлгородцевъ лихихъ усачей.

И артельщикъ кругомъ

Ходитъ съ пѣннымъ виномъ,

И, предъ каждымъ отвѣсивъ поклонъ.

Наливаетъ винцо,

И отпустить словцо,

И смѣшить всехъ товарищей онъ.

Вотъ разрѣзанъ пирогъ,

Въ немъ бѣлѣтъ творогъ;

По куску всемъ досталось, друзья:

Всѣ за ложки взялись,

За обѣдъ принялись,

Будто братьевъ родимыхъ семья.

Межъ солдатъ удалыхъ,

Какъ хозяинъ, средь нихъ

Шевронистъ улыбаясь ходилъ;

Онъ ребятъ угощалъ

Чѣмъ Господь ему далъ—

Имянинникомъ Вахмистръ тотъ былъ.

Имянины не тѣ,

Что справляютъ вездѣ,

Вахмистръ праздновалъ въ годъ разъ одинъ;

Но ручаюсь, что онъ

Былъ тѣмъ днемъ восхищенъ—

И немного такихъ имянинъ.

Щей ужъ нѣтъ, каши нѣтъ—

Вотъ и конченъ обѣдъ—

Незатѣйливъ на блюда солдатъ.

Встали гости крестясь,

И потомъ, помолясь,

Къ шевронисту сѣдому спѣшать.

Всѣ усѣлись семей,

Но фуражки долой,

И готовъ каждый слушать душой,

Что имъ въ годъ разъ одинъ

Въ день своихъ имянинъ

Кириченко расскажетъ съдой.

Вахмистръ усь покрутилъ,

Вынулъ трубку—набилъ

И, пустивъ синеватый дымокъ,

Онъ не первый ужъ разъ

Началъ имъ свой рассказъ.

И утихъ, какъ во фронтѣ, кружокъ.

»Вознесенскъ всѣмъ знакомъ,

Каждый помнить о немъ.

Ну, собрались на смотръ мы къ Царю,

А во мнѣ все испугъ:

Мнѣ то холодно вдругъ,

То какъ будто бы въ банѣ горю.

И кажись-бы чего?

На коня своего

Я надѣялся—конь удалой:

Богатырски кипитъ

И ужъ нѣтъ не сфальшитъ

Ни передней, ни задней ногой.

Новъ на мнѣ былъ колѣтъ

Даже пятнышка нѣтъ,

Чистъ клинокъ и горитъ какъ стекло;

И парадный весь व्यюкъ

Изъ моихъ вышелъ рукъ,

А за сердце—признаться—взяю.

Полкъ въ колоннѣ, друзья!

Первымъ номеромъ я—

Значить съ праваго флангу стою.

Ну, сижу на конѣ,

А мурашки по мнѣ....

Душу-жъ радуютъ что-то мою.

Вотъ вдали скачетъ Царь:

Нашъ Отецъ—Государь;

Свита длинная ѣдетъ за Нимъ:

Мчась мимо колонъ,

Поздоровался онъ

Звучнымъ голосомъ громко своимъ.

Вотъ онъ къ намъ подскакалъ

Чуть »здорово« сказалъ,

Не утихло »ура« по рядамъ,

Онъ взглянулъ на меня.

Осадилъ вдругъ коня

И подѣхалъ прямехонько къ намъ.

Мигомъ фронтъ оглянулъ

И коня повернулъ,

Да и сталъ поровнявшись со мной.

»Молодецъ!« Царь сказалъ

И меня потрепалъ

По плечу онъ державной рукой.

Да и вымолвилъ онъ:

»Ты второй свой шеvronъ

Какъ давно ужъ надѣлъ молодецъ?»

—Вотъ ужъ годъ, я сказалъ.

Вновь меня потрепалъ

По плечу добрый нашъ Царь-отецъ.

Но не кончилось, нѣтъ!

»Сколько думаешь лѣтъ

Мнѣ служить?» вновь спросилъ Государь.

—Пока буду я живъ,

Буду вѣрой служить,

Молвилъ я. »Молодецъ!» молвилъ Царь.

И отѣхалъ орломъ,

На конѣ онъ своемъ.

И не снилось мнѣ счастье мое:

Государь подѣлжалъ,

По плечу потрепалъ,

Слово молвилъ солдату свое!—

Я какъ выросъ, друзья.

Грудь дышала моя

Какъ-то сладко, ребята, тогда.

И давай мнѣ въ тотъ мигъ

Сто враговъ заклывать:

Не оставилъ бы ихъ и слѣда.

Вотъ полки не пошли,

А я вижу вдали

Императоръ летитъ передъ строй.

Вновь »ура!« по рядамъ.

Подъѣзжаетъ Онъ къ намъ

Неодинъ а съ *Державной Женой*.

И, увидѣвъ меня.

Удержалъ вновь коня,

И сказалъ Государынъ Онъ:

»Вотъ сѣдой молодецъ,

Вотъ лихой удалецъ—

Заслужилъ онъ второй ужъ шевронъ.»

Я отъ счастья горю,

И безъ страха смотрю

Государынъ прямо въ глаза.

На душѣ такъ свѣтло,

Такъ на сердцѣ тепло,

Хоть на усь покатила слеза:

Да и можно-ль когда

Разсказать, что тогда

Здѣсь творилось въ груди у меня:

Не забуду душой

И въ могилѣ сырой

Незабвеннаго этого дня.»

Кириченко молчалъ,

Взоръ весельемъ сіялъ

Хоть на усь покатидаь слеза...,

Да, онъ правъ,—этихъ дней

Видѣть въ жизни своей

Неприходится по два раза!

Въ этотъ день каждый годъ

Угощаетъ онъ ваводъ—

И почтенье у всѣхъ заслужилъ;

Всѣмъ полкомъ онъ любимъ.

Да, друзья, вотъ какимъ

Имянинникомъ Вахмистръ тотъ былъ.

САПЕРЪ.

День Егорія былъ.

Генералъ пригласилъ

Пообѣдать лихихъ кавалеровъ.

Всѣмъ хозяинъ былъ радъ,

Всѣ сидѣли тамъ въ рядъ,

Хотя много было офицеровъ;

И любовью горя,

За здоровье Царя

Дружно выпили гости лихіе,

Въ каждомъ сердце зажглось

И «ура» раздалось

Въ честь Царя и могучей Россіи.

И обѣдъ конченъ былъ.

Генералъ пригласилъ

Въ садъ идти поразмять свои кости;

Всѣ и вышли гулять,

Походить, поболтать

Были рады веселые гости.

Подъ рукой киверъ былъ

И навѣрно добытъ

Собѣ трубочку каждый отпуща.

Тутъ диковины нѣтъ

Кто окончилъ обѣдъ

Стало быть и курнуть тѣмъ не худо.

Подъ березой большой.

Говоря межъ собой,

Старикъ Ундера отдыхалъ:

Разныхъ войскъ молодцы

И на всѣхъ ихъ рубилъ

Старыхъ ранъ, да кресты да медали.

Вотъ зашелъ разговоръ

Кто съ какихъ уже поръ

Въ Царской службѣ? гдѣ бился съ врагами?

Гдѣ святой крестъ добылъ?

Гдѣ свою кровь пролилъ?

Гдѣ, когда награжденъ гагунами?

На травѣ всѣ сидятъ,

И рассказы кипятъ,

Блещетъ пламень геройскій во взорахъ;

Тотъ на приступъ ходилъ,

Этотъ знамя отбилъ,

Тотъ взорвалъ неприятельскій порохъ.

Много было рѣчей

У сѣдыхъ усачей.

Все такъ просто, да славно, ребята,

Не наслушались ихъ!

Стариковъ удалыхъ;

Жизнь военная вѣчно богата.

—Вѣдь, ребята, никакъ

Разсказалъ уже всякъ

Что нибудь, молвилъ Вахмистръ высокій,

Лишь одинъ между насъ

Только скупъ на разказы,

И сидитъ въ сторонѣ одиноко!

Э, товарищъ Саперъ!

Что потушилъ ты взоръ?

Вѣдь не даромъ достался Егорій!

Знаемъ мы какъ порой,—

Надъ глубокой рѣкой,

Хватски дѣлаютъ дѣло Саперы.

Слыша тотъ разговоръ,

Улыбнулся Саперъ

И подвинулся ближе къ собратамъ;

Усѣ лихой некрутилъ;

Огонекъ придавилъ

Въ своей трубкѣ съ оправой богатой.

»Да, сказалъ онъ, друзья!

Слушалъ долго васъ я,

И дивился отвагѣ геройской....

Вѣдь во всѣхъ сторонахъ

Вспоминаетъ насъ врагъ,

Знаетъ храброе Русское войско.

Всѣ вы были въ бою,

Разсказалъ всякъ свою

Молодецкую удалъ. И что же

Разсказать могу я?

Въ нашей службѣ, друзья,—

Вѣдь на вашу ничто не похоже!

И на вражьи полни

Мы не ходимъ въ штаны;

Не беремъ батарей мы средь сѣчи,

Развѣ строимъ подъ часъ,

Хоть порою на насъ

Также пули летятъ и картечи

— »Ну Саперъ, братъ, ностой;

Молвилъ Егеръ сѣдой,

А понтонъ наводить развѣ шутка?

Вѣдь безъ васъ иногда,

Просто, злая бѣда,

Приходилось бы очень жутко....

»Что понтонъ?—Это вздоръ!

Молвилъ статный Саперъ—

Мостъ навѣсть—это дѣло минуты;

И дорогу провѣсть

Инструментъ у насъ есть,

Баттарею построить, редуты.

Мы на то мастера

Но, друзья Ундера!

Приходилось ли слышать вамъ про мину?

Вотъ такъ штука! Порой,

Въ глубинѣ подъ землей,

Мы заводимъ съ врагомъ рѣзанину.

—Это какъ-же? сказалъ

Гренадеръ: не слыжалъ

О такой подземельной я схваткѣ

»Э, дружокъ, иногда,

Подъ землей, какъ вода,

Льется кровь и душа входить въ пятки.

Мина... вотъ на примѣръ

Подошли мы теперь

Къ непріятельской крѣпости. Надо

Ее взять, а она

Гарнизономъ сильна,

Неприступная словомъ громада.

Тутъ то мы подъ землей,

Себѣ ходъ небольшой

Къ бастіону какому пророемъ,—
И потомъ подъ шумокъ
На красу погребокъ
Мы отлично и скоро устроимъ;
А межъ тѣмъ принесутъ
Туда порохъ—не пудъ
И не два, а съ десятокъ отпустить,
Какъ его накладемъ,
Всѣ назадъ мы идемъ,
И фитиль предлиннѣйшій пропустятъ,
И взорвемъ бастіонъ....
И со всѣхъ ужъ сторонъ
Наше войско на приступъ готово....
—»Правда, много огня;
Только гдѣжъ братъ рѣзня?
Бомбардиры тутъ ввернули свое слово.
»Гдѣ рѣзня? Вотъ она:
Крѣпость будетъ сильна
И захочетъ подъ насъ провести мину;
Мы-жъ смѣкаемъ и въ мигъ
Роемъ мину на нихъ
И, сойдемся.—Что? понялъ причину?
Такъ то было у насъ;
Брали крѣпость мы разъ

И узнали, что роются Турки :

Къ намъ подъ лагерь. Постой

Хитрый врагъ, подъ землей

Поиграемъ съ тобою мы въ жмурки.

Рылись долго мы. Вдругъ

Слышимъ заступа стукъ;

Мы притихли; сидимъ осторожно.

Ружья были у насъ

И, какъ слѣдъ, весь запасъ,

Чтобъ схватиться порой было можно.

Турки роютъ. Кругомъ

Какъ въ склепу гробовомъ

У насъ тихо. Едва только дышемъ.

Пусть идутъ къ намъ они.

Мы сгасили огни

И вотъ говоръ ужъ вражескій слышимъ.

Узокъ больно проходъ.

Я подался впередъ,

Вынулъ ножъ свой саперскій широкій,

Да и сталь у стѣны.

Голоса ужъ слышны....

Сердце бьется... Враги недалеко.

Шорохъ ближе, и вотъ

Къ намъ прорылись въ проходъ.

Да и стали... земля обвалилась...
Свѣтъ блеснулъ и потухъ.
Неожиданно вдругъ
Догадались они, всполошились—
И хотѣли назадъ.
Нѣтъ, стой, супостаты!
Мы съ дуракъ на ножи къ нимъ на встрѣчу.
И ужъ кто чѣмъ попалъ
Били ихъ наповалъ,
Подъ землей заварили мы свѣчу.
Но о дѣлѣ, друзья,
Разсказать могу я
О такомъ, что вы врядъ ли слышали.
Вспомяну старину
Нашу съ Туркомъ войну,
Ахалцыхъ когда грозный мы брали.
Перешло много лѣтъ,
Много новыхъ побѣдъ
Одержали мы, дрались богато;
Ктожъ остался, съ тѣхъ поръ,
Изъ Кавказскихъ саеръ,
Ахалцыхъ будетъ помнить, ребята.
Эриванскій герой
Генералъ боевой,

Не смигнетъ предъ опасностью глазомъ;
А въ сраженьи—краса,
И мы съ нимъ чудеса
Просто дѣлали тамъ за Кавказомъ.
Въ полѣ битъ Персіанъ
Или Турокъ, ихъ станъ
Взять безъ выстрѣла, братцы, пустое;
Но ужъ много рѣзни
Какъ засядутъ они
Въ крѣпостяхъ—это дѣло другое!
На горахъ прекрутыхъ
Укрѣпленъ Ахалцыхъ.
Мы пришли, подвели вмѣгъ траншеи
Почитай ввечеру,
А гляди по утру
Навели на враговъ баттарей.
Исходи бѣлый свѣтъ,
Артиллеріи нѣтъ
Противъ Русской—работаетъ мѣтко;
Врагъ хоть носъ показалъ,
Такъ ужъ носъ потерялъ—
Правду молвить—ужъ промахи рѣдки.
Чтожъ? орудья гремѣть,
Баттарей, какъ адъ,

Всѣ въ огнѣ; мѣтять ядрами ловко,
А врагамъ нѣтъ вреда
И смотри борода
Разъ иной тамъ мелькаетъ съ винтовкой.
При ужасномъ огнѣ,
Нѣтъ пролома въ стѣнѣ,
А уникъ въ два ряда колья вбиты
И межъ этихъ рядовъ,
Этакъ въ десять шаговъ
Крѣпко туго въ землю набито.
И ядро коль пробьетъ,
Да и въ землю войдетъ,
И другое и третее тоже,
Только ядра свистятъ
Да землю пылятъ.
А на брешь что-то все не похоже.
Вотъ нашъ графъ разсерчалъ
И врагу приказалъ
Чтобъ сдавался, что спорить не надо,
Что дрянной палисадъ
Разберемъ на подхватъ,
Что, молъ, видѣли мы палисады.
Что же турокъ въ отвѣтъ?
Говорить: сдачки нѣтъ;

Если городъ Паскевичу нуженъ,
Пусть штыками беретъ:
На валахъ есть народъ
И картечи и ядра на ужинъ.
Слыша отзывъ такой,
Эриванскій герой
Не хотѣлъ заводить съ ними ссоры,
Приказалъ только онъ
Двинуть нашъ батальонъ
Молодецкихъ Кавказскихъ Санеровъ.
Мы пришли. Намъ приказъ:
Скорымъ шагомъ тотъ-часъ
Подходить и рубить палисады;
То есть, справясь съ однимъ.
Рыть проходъ по за нимъ
До другой частокольной ограды;
А пророемъ, ужъ тамъ
Долголь добрымъ рукамъ
Остальной палисадъ уничтожить.
Вотъ сигналъ намъ поданъ
Загремѣлъ барабанъ,
Скорымъ шагомъ и маршъ! Богъ поможетъ.
Пули вражьи, какъ градъ,
Къ намъ на встрѣчу летятъ

И картечи посыпались скоро.

Но равняется въ строй

Батальонъ боевой,

И впередъ бѣглымъ шагомъ Саперы:

Раненъ кто, тутъ лежить,

Кто убитъ, внизъ летить,

Кто въ живыхъ, съ топоромъ къ палисаду.

Офицеры все, знай,

Намъ кричать: «не плошай!

Поскорѣ проломъ сдѣлать надо.»

Турки палятъ въ упоръ,

Мы за поясъ тогоръ,

Да работать лопатой дружище;

Часъ небольшое прошелъ

И другой частоколъ

Передъ нами. Отраднѣ стало.

Прочь лопату Саперъ,

И опять за топоръ,

А Саперовъ-то братцы ужъ мало.

Тутъ то было, друзья,

Кровь лилась въ три ручья:

Руку равнять, работай другою.

Топоры лишь стучать,

Только щепки летать

Вдругъ ужь слышимъ «ура» за собою

Чуть упалъ палисадъ,

Подались мы назадъ;

И Ширванцы какъ тутъ словно быва—

Всѣ съ отвагой въ очахъ,

Со штыками въ рукахъ,

Съ пѣснью громкой на штурмъ подходили.

И, конечно, потомъ

Расчитались съ врагомъ.

Но Кавказскіе, братцы, Саперы

Кто остался въ живыхъ

Какъ вошли въ Ахалцыхъ,—

Не одинъ на груди несъ Егорій.

БИВАКЪ.

Темной ночью одной,
Подъ зеленой горой,
Эскадронъ на бивакѣ стоитъ.
Вкругъ веселыхъ костровъ
У Уланъ молодцовъ
Рѣчь о прошломъ сраженъи кипитъ.
Какъ въ атаку пошли,
И каре разнесли,
Какъ ужасенъ батальный огонь,
Какъ лихой командиръ
Задалъ славный имъ пиръ,
Какъ два раза убить подъ нимъ конь.
И жалѣли друзья,
Какъ лихая семья
Уменьшилась; Уланъ перечли
Тѣхъ, что нынѣшнимъ днемъ
Пали въ битвѣ съ врагомъ,
Что на полѣ кровавомъ леги.
Говоръ тише. Порой
Въ далеку слышенъ вой,

Да играет волнами рѣка—
И колыхнется лѣсъ.
Вотъ и мѣсяцъ съ небесъ
Сквозь сѣдыя взглянулъ облака.
Съ трубкой Вахмистръ сидѣлъ;
Взоръ отвагой горѣлъ;
Въ перевязѣ его голова
Онъ былъ раненъ тѣмъ днемъ,
Но рубился съ врагомъ—
Смерть Улану,—друзья,—трынь трава.
Каждый Русскій солдатъ
Отъ души, сердцемъ радъ
Жизнь отдать за Царя и за честь,
И такихъ молодцовъ
И удалыхъ головъ
Какъ у насъ—врядъ ли больше гдѣ есть.
»Потецѣло никакъ,
Молвилъ Вахмистръ» бивакъ
Нашъ не много какъ будто уснулъ;
А было холодно;
Для меня-жъ все равно—
И на мигъ я одинъ не вадремнулъ.
И, если кто нибуть
Братцы хочеть уснуть—

Вы ложитесь—а мы старики
Потолкуемъ: у насъ
Есть рассказовъ запасъ,
Есть для трубокъ въ кострѣ угольки.
Спать никто не пошелъ—
Знать у всѣхъ сонъ прошелъ,
Возлѣ Вахмистра тѣсенъ кружокъ:
Кто сидѣлъ, кто лежалъ,
Кто дрова поправлялъ,
Кто золою свой чистилъ клинокъ.
Выбивъ трубку, старикъ
Наложилъ ее въ мигъ,
И сказалъ: »вотъ что выдумалъ я:
Кто нибудь пусть изъ насъ
Начинаетъ рассказъ,
И начнемъ хотъ пожалуй съ меня.
Но рассказъ лишь такой,
Что случилось съ тобой,
Чего въ жизни не можешь забыть;
Что всего веселѣй
Было въ жизни твоей
Лишь о томъ должно намъ говорить.»
Всѣ согласны. Старикъ
Призадумался мигъ

И сказалъ: »Ну пускай мой чередъ.

У меня есть разсказъ;

Да и каждый изъ насъ,

Что нибудь изъ былаго найдетъ.

Чрезъ Балканы мы шли.

Горы словно росли—

Все одна будто выше другой;

Бдемъ—круть лишь, да высь,

Только крѣпче держись,

Ну; тащились нога за ногой.

Вотъ ужъ, братцы походъ!

Иногда переходъ—

Въ цѣлый день верстъ десятокъ пройдемъ

И такой кончивъ путь,

Мы ночлегъ гдѣ нибудь—

Подъ скалою бывало найдемъ.

Доводилось у насъ—

До разсвѣта не разъ,

Ищешь травки въ разсѣлинахъ скалъ,

Чтобъ коня покормить—

И случалось ходить,—

Гдѣ ни разъ человѣкъ не ступалъ.

Чуть займется заря,

Посмотри куды зря,

Вотъ, ребята, признаться—краса!...

А какъ солнце изъ горъ

Да всплыветъ на просторъ

И освѣтитъ кругомъ небеса!...

Иль идемъ, да поемъ;

День чудесный; вдругъ громъ,

Буря, дождь, все подъ нами внизу,

А мы дивимся, какъ

Богъ насъ милуетъ такъ,

Что устроилъ подъ нами грозу.

Что смѣешь, грубачъ?

Ротмистръ, тертый калачъ,

Распроси и повѣрь, вотъ руна,

Онъ расскажетъ тебѣ,

Какъ мы важны себѣ,

Сквозь густыя прошли облака.

Вѣдь Балканы, дружокъ.

Не какой бугорокъ

И выше чѣмъ эта гора

Въ двадцать разъ можетъ быть,

Да и что говорить?

За рассказъ принимается пера.

Вотъ однажды пришли

На ночлегъ, развели

Мы огонь на долину одной;

Оцѣпили бивакъ.

Лай намъ слышенъ собакъ,

Тамъ внизу, далеко подъ горой.

Накормилъ я коня.

Вдругъ позвали меня

Къ командиру и данъ мнѣ приказъ:

Собираться опять,

И съ конвертомъ скакать,

Ни минуты не медля, сей часъ.

Разеказали маршрутъ,

Что въ ущелии жъ тутъ

Деревенька стоитъ за ручьемъ.

Что найду штабъ я тамъ,

И конвертъ лишь отдамъ,

Чтобъ опять поспѣшалъ за полкомъ.

Осмотрѣвъ карабинъ,

Пистолетъ я одинъ

Черезъ плечо прицѣпилъ на ремнѣ,

Наверху, чтобъ порой

Этакъ былъ подъ рукой,

Если надобно въ случаѣ мнѣ.

А клинокъ, вамъ скажу,

Вотъ ужъ сколько служу

Но ни разу не выщербленъ былъ,
Въ службѣ-жъ братцы моей
Ужъ какихъ онъ костей
Не рубилъ и чьей крови не пилъ!
Мигомъ былъ я готовъ.
Изъ подъ звонкихъ подковъ
Только искры блестѣли, друзья,
Какъ мой конь боевой
Мчался рвисью большой.
Но сдержалъ я лихаго коня.
Мракъ кругомъ, просто страхъ,
Ни звѣзды въ небесахъ,—
И долина кончалась, а тамъ
И гора началась;
Чуть тропинка вилась,
И спускалася внизъ по скаламъ.
Сѣхалъ я. Ничего.
Не встрѣчалъ никого.
Назади раздается: *слушай!*
Впереди—тишина,
Лишь мои стремена
О каменья стучать не значай,
Да клочечетъ ручей.
Вотъ не много лѣтъ—

Будто лѣсъ и дорожка, туда
Я коня своротилъ
И тихонько пустилъ:
Бду молча, чтожъ лѣсъ не бѣда!
Только худо одно:
Я замѣтилъ давно
Что собирается дождь, но незналъ,
Что онъ скоро пойдетъ,
И поспѣшнѣй впередъ
Подвигатся ужъ рысью я сталъ.
Громъ вдали загремѣлъ,
Дождь слегка зашумѣлъ
По деревьямъ; но скоро полилъ
Страшный ливень... какъ быть?
Наложъ, братцы, спѣшить
Вѣдь по службѣ же послать я былъ.
Вотъ дорога—вольнѣй.
Впереди вновь ручей—
Разглядѣть ничего не могу....
Какъ блеснетъ молодня!
И увидѣлъ вдругъ я
Янычара на томъ берегу.
Онъ на бѣломъ конѣ
Бдетъ прямо ко мнѣ

И при блескѣ меня разглядѣлъ.
Я коня удержалъ—
Конь, какъ вкопанный, сталъ—
Пистолетъ я добылъ въ тишинѣ.
Отыскалъ Турокъ бродъ,
Но ни шагу впередъ.
Слышу щелкнулъ тяжелый курокъ.
А ужъ свой я спустилъ
(Пистолетъ не спалилъ; —
Сильно порохъ отъ ливня промокъ)..
Блещетъ молнія вновь,
Янычаръ ужъ готовъ,
Щелкъ курокъ,—не спалилъ, какъ и мой.
Я за саблю, и онъ.
Ятаганъ мигомъ вонъ,—
И опять скрылось все темнотой.
»Га! вскричалъ онъ: *»Урусъ!*
Видно малый не трусь,
Я подумалъ, и мигомъ въ ручей.
Небо такъ и горитъ:
Янычаръ наровитъ —
Ятаганомъ меня поскорѣй.
Но не промахъ я былъ,
Самъ чалму ему збилъ.

И заѣхалъ переважно въ банку—

И помчался впередъ.

Слышу ѣдетъ народъ;

Кто? узнать я никакъ не могу.

Что-то стихла гроза,

И во всѣ я глаза

Хоть глядѣлъ, но не видѣлъ, друзья;

И коня вновь сдержалъ.

Что же вдругъ я узналъ?

Очутился межъ Турками я.

Мимо ѣдутъ; иной

Зацѣпляетъ ногой

Иль винтовкой меня; я стою,

Только мыслю одно:

Если будетъ темно

Ужасу я головку свою.

А блеснетъ молонья.

Ну, конечно, ужъ я

Не отдамся живой ни за что...

Все минуютъ меня;

Я держу все коня,

Не окликнулъ вѣдь даже никто.

Снова шагомъ я въ путь,

И дышать стала грудь

Вновь свободнѣй.. Стальъ дождь утихать.

Бду я въ тишинѣ,

Вдругъ на встрѣчу ко мнѣ

Попадаются люди опять.

Слышу наши, я къ нимъ

И скорѣе своимъ

Разсказаль про Турецкій отрядъ.

Указаль гдѣ прошли.

Наши рысью пошли.

Я сразиться, признаться былъ радъ;

Но я помнилъ приказъ,

И мнѣ дали тотъ-часъ

Козака, чтобъ меня проводилъ.

Все я сдѣлалъ, какъ слѣдъ,

И изъ штаба чѣмъ свѣтъ

Въ мигъ отправленъ ужъ къ мѣсту я былъ.

Вотъ оно что за день!»

И склонившись на цѣнь,

Призадумался Вахмистръ сѣдой.

»Да, сказалъ онъ, денекъ!»

И раздувъ огонекъ

Чистить сталь свой клинокъ боевой.

»Молодецъ ты, лихачъ,

Молвилъ статныя усачъ,

Потрепавъ по плечу старика:

»Да, не мало головъ,

Средь Турецкихъ песковъ,

Мы покинули, братъ изъ полка.

Но за то удалой.

Забалканскій герой,

Задалъ нехристямъ пиръ на весь міръ,

Что другой, значитъ, разъ

Не посмѣютъ на насъ

Возставать. Знатный былъ Командиръ!

Вспомнявъ старину,

Ни въ одну мнѣ войну

Не пришлось отличаться, друзья,

Я люблю жаркій бой;

Но солдатъ рядовой

На войнѣ лишь во фронтѣ былъ я.

Если же разбужу

Старину, расскажу

Объ одномъ я, ребята вамъ днѣ:

Онъ мнѣ памятенъ такъ,

Что не можно никакъ

Позабыть на яву и во снѣ.

Росъ въ семьѣ я большой,

Парень былъ молодой—

И слюбилась мнѣ дѣвка одна—

Такъ собой хороша

И такая душа,—

Всѣхъ ребятъ зазнобила она.

Въ галунахъ сарафанъ;

Что за грудь, что за станъ.

А глаза, а дѣвичья коса!

Еслиже въ хороводъ

Плясовую поидетъ

Такъ держись только—чудо крася!

Этакъ было порой

Лѣтомъ, али весной,

Часъ, другой простоишь только съ ней,

То на вѣрно потомъ

Хоть прощайся со сномъ—

Ужъ на нѣсколько, право, ночей.

Вотъ однажды лѣскомъ,

Мы идемъ съ ней въ двоємъ;

Я несмѣло все въ землю смотрю,

А она все поетъ,

Да цвѣты себѣ рветъ:

Я—жъ отъ счастья, ребята, горю.

Слово за слово, ну,

Я ее ущипну,

А она въ меня броситъ цвѣткомъ.

Этакъ шли мы съ версту,

Но добравшись къ мосту

На пригоркѣ приѣхли крутомъ.

Былъ я долго какъ нѣмъ;

Вдругъ не знаю зачѣмъ

Развязался языкъ на бѣду.

Съ Груней я толковалъ

И, признаться-ль, не зналъ

Что далеко такъ сразу зайду.

И сказалъ наконецъ:

—Чтожъ со мной подъ вѣнецъ

Ты пойдешь ли, Груня, мой свѣтъ?

То краснѣетъ она,

То бѣлѣй полотно,

И потомъ вдругъ сказала мнѣ: »Нѣтъ!

Ты богатъ и одинъ.

И послушный ты сынъ,

Да и парень пригожъ и сосѣдъ....»

—Ну такъ чтожъ? молвишь я:

Выходи за меня!

Груня снова сказала мнѣ: »Нѣтъ!

Коль на правду пошло,

Все ужъ знаетъ село,

Что другой мнѣ по сердцу давно:

Ты дружокъ опоздалъ....»

Я какъ пень замолчалъ

И мнѣ стало какъ-будто темно.

Какъ шальная, слеза

Налилась на глаза;

Я скрѣпиться хотѣлъ какъ-нибудь

Но не могъ и, друзья,

Зарыдалъ въ три ручья,

Разорвалась какъ-будто бы грудь.

И я мигомъ привсталъ.

—Ну, Груняша, сказалъ,

Если такъ суждено, Богъ съ тобой!

Выходи по любви

И счастливо живи,

Знать удѣлъ удѣлъ мой несчастный такой.

Я ушелъ, и съ тѣхъ поръ,

Между насъ разговоръ—

Не бывалъ ни о чемъ никогда;

Сталъ ночей я не спать,

Началъ такъ тосковать,

Что хоть въ петлю—такая бѣда.

А потомъ мысль пришла.

Разъ у насъ изъ села

Рекрутъ въ городъ везти собрались

Я рѣшился, и вдругъ

Взвеселился мой духъ,

Думы горькія всѣ разошлись.

Я въ солдаты пошелъ,

Но прощаться пришелъ

Къ Грунѣ я, признаюсь, молодцомъ;

Все смѣялся, болталъ,

Вздохъ въ груди заглушалъ

И простился, съ веселымъ лицомъ.

—Пусть не знаетъ она,

Думалъ я, что одна

Мысль о ней разрываетъ мнѣ грудь.

И съ родимымъ селомъ

Я разстался потомъ,

Съ пѣснью громкою вышелъ я въ путь.

Я ужъ долго служилъ

И въ компаніи былъ,

Довелось видѣть многое мнѣ;

Но когда-бъ ни пришло

Въ мысль родное село

Груня такъ и мелькнетъ въ тишинѣ.

Вотъ однажды походъ,

Все идемъ мы впередъ

И въ губернію нашу зашли.
Какъ узналъ я маршрутъ,
Вижу ясно, что тутъ
И родные мои не вдали.
Было утро.—Идемъ,
Съ позлащеннымъ крестомъ
Вижу церковь роднаго села.
Сердце бьется, и вотъ
Показался народъ;
Лишь обѣдя едва отошла;
Бабы, дѣвки вокругъ
Поспѣшаютъ на лугъ
Посмотрѣть на красивыхъ Уланъ.
Вотъ ужъ мы на пескѣ,
Вотъ подходимъ къ рѣкѣ,
И сѣзая ужъ приказъ былъ отданъ.
Вдругъ на томъ берегу,
Разсказать не могу,
Что за жалостный слышится крикъ:
Ну печальный такой,
Будто тѣло съ душой
Разстается.... Всѣмъ въ душу проникъ.
Тамъ народъ въ хлопотахъ.
Мы глядимъ, а въ волвахъ

Чуть виднѣеть дитя и порой
То всплыветъ, то опять
Вновь начнетъ утопать,
То ручки мелькнуть надъ водой.
Волны плещутъ, бѣгутъ...
Чтожъ разсматривать тутъ?
Я въ командѣ былъ первымъ пловцомъ:
Мигомъ пику долой,
Шапку, саблю съ сумой—
И съ моста, осѣнившись крестомъ.
Волны словно шутя
Уносили дитя;
Шумъ на берегъ страшный, а мать
На колѣняхъ стоитъ—
И молитву творить
Ея горя нѣтъ словъ рассказать.
Быстро плылъ я, и вотъ,
Ужъ рука достаетъ
До ребенка; вдругъ хлынетъ волна
И умчить вдаль опять;
Но успѣлъ я отнять
Что хотѣла унести глубина.
И на берегъ скорѣй
Съ легкой ношей своей

Поспѣшаю... Вотъ выпавъ, друзья...
Тотъ малютка былъ живъ,
Даже глазки открывъ,
Онъ робѣя смотрѣлъ на меня.
Разступился народъ
И дорогу даетъ
Бѣдной матери. Я отдаю
Ей ребенка, и чтежъ
Такъ неожиданно когожъ?
Груню въ ней я сейчасъ узнаю?
И усачъ замолчалъ.
Взоръ какъ будто блисталъ.
Но въ лицѣ грусть мелькнула какъ тѣнь.
И сказалъ нашъ герой,
Усъ расправивши свой:
«Это былъ мой счастливѣйшій день!»
И тебѣ знать, дружокъ,
Молвилъ Вахмистръ, помогъ
Дѣло доброе сдѣлать Творецъ.
Ну еще кто ступай,
Старину вспоминай,
Иль расскажамъ уже и конецъ.
—Ну хоть я вамъ начну
Быль былую одну,

Говорилъ бѣлокурый Уланъ;
Только, братцы, никакъ,
Весь мой вышелъ табакъ!
Вмигъ табакъ былъ товарищу данъ.
Вотъ онъ трубку набилъ,
Но пока разкурилъ,
Будто думалъ о чемъ то; потомъ
Къ огоньку онъ подсѣлъ
И вокругъ посмотрѣлъ—
Видитъ бодры сидятъ всѣ кругомъ!
И принялся Уланъ
За рассказъ. . Барабанъ
Гдѣ то грохнулъ... труба раздалась,
Выстрѣлъ грянулъ, другой,
И въ цѣпи надъ рѣкой
Перестрѣлка вдали началась.
Шевелился бивакъ
И въ минуту ужъ всякъ
Замунштучилъ коня; осмотрѣлъ
Весь запасъ и потомъ,
Какъ всегда, молодцомъ
На конѣ каждый бодро сидѣлъ.
Вотъ ракета взвилась,
Всѣ ужъ знали приказъ;

Слышно строятся всюду полки.

»Рысью! маршъ!» и бивакъ

Погрузился во мракъ,

Лишь трещать подт золой угольки.

ИНВАЛИДЫ.

Какъ-то разъ теплымъ днемъ
Въ городкѣ небольшомъ
Собрались инвалиды на рынокъ,
Сѣли дальше въ кружокъ,
И зеленъ табачокъ
Стали нюхать они изъ тавлинокъ.
Почитай старики
Безъ ногъ, безъ руки,
По домашнему въ старомъ одѣты;
На шинели-жъ иной
На груди рядъ большой
Разныхъ лентъ полинялаго цвѣта.
Толковали кружкомъ
И о семъ, и о томъ,
Посмѣялись надъ толстою бабой,
Какъ она шла съ водой,
Ротъ разинувши свой,

И упала близъ нихъ на ухабѣ.

Тутъ одинъ старичокъ

Удержался какъ могъ

И сказалъ: »Посмѣялись и баста!

Знаешь, бабы не тронь,—

Вѣдь полѣзеть въ огонь,

На ножи! это племя зубасто.»

—Дѣло, молвилъ другой.

Надъ чужою бѣдой

И смѣяться, друзья, не годится.

Вотъ и чести моей

Съ деревяшкой своей

Приходилось не разъ оступиться.

—»Оступайся ужъ тутъ,

А какъ лѣзъ на редутъ

Подъ Смоленскомъ гдѣ штыкъ изломался

И однимъ тесакомъ

Ты рубился съ врагомъ,

Врядъ ли тамъ ты, дружокъ оступался.»

—Эка штука тесакъ!

Онъ тогда не пустякъ,

Какъ рука удалая, ребята;

Приходилось, братъ

Какъ порядкомъ стѣснять,

И за горло душишь супостата.

»Я теперь бы съ штыкомъ

Значитъ былъ молодцомъ.»

Улыбаяся молвилъ безрукій,

»А когда-то въ бою

Знали удалъ мою.»

—И твои кажись, видѣли штуки.

Я въ прикрытіи былъ

И еще не забылъ,

Какъ легла баттарей вся лоскомъ,

Гдѣ ты банникомъ тамъ

По чужимъ головамъ

Все допытывалъ много-ль ихъ съ мозгомъ

»Э, братъ, банникъ пустякъ,

Имъ управится всякъ,

Лишь была-бъ молодецкая сила.

А припомнилъ вотъ я,

Подъ Можайскомъ, друзья,

Въ гости бомба къ намъ разъ привалила.

Отшатнулись всѣ въ бокъ.

Дьяволъ роетъ песокъ,

Знаешь, къ ящикамъ ближе заряднымъ.

Трубка жъ чуть лишь видна

И дымится она.

Я подумалъ, что дѣло не задно.

Гостью я за бока,

Обнялъ—очень тяжка,

Дѣлать нечего—я ужъ скрѣнился;

Сердце бьется мое—

И за брустверь ее!

Самъ же навзничъ назадъ покотился.

Вновь молчать старики....

Баттареи, полки

Ихъ старинные гдѣ то далеко;

Да и столько ужъ лѣтъ,

И товарищей нѣтъ,—

Многие ихъ ужъ въ могилѣ глубокой.

Что то брянуло тутъ,

Недалеко идутъ

Въ доломовахъ красивыхъ Гусары;

Тонокъ, молодъ одинъ.

Безъ морщинъ и сѣдинъ,

А другой тоже бравый, но старый.

Такъ не множко горбать

И собой рябовать,

Ноги выгнуты, тяжко ступаетъ;

Усь завился кольцомъ,

На груди жъ подъ шнуромъ

Кавалерій всякой мелькаетъ.

«Что тутъ, дядя, сидитъ

Гарнизонъ инвалилидъ,

Али Что?» молодой молвилъ слово:

«Здѣсь собрались въ кружокъ

Нюхать чтоль табачокъ

Изъ тавлинки они берестовой?

Ужъ и впрямъ....«—»Смирно! Стой!

Крикнулъ Ундеръ сѣдой,

Ты дрянной рекрутишка, неболѣ,

Этожъ все старики

Безъ ноги, безъ руки,

Что въ кровавомъ состарѣлись полѣ.

Вмигъ фуражку долой!»

И Гусаръ молодой

Снялъ фуражку, а Вахмистръ усатый

Подошелъ къ старикамъ,

Поздоровался самъ

И подвелъ молодаго солдата.

—»Это мой рекрутокъ;

Къ вамъ нарочно въ кружокъ

Я привелъ его братцы сѣдые.

—Чтожъ краснѣешь какъ жарь?

Ничего, братъ Гусаръ,

Сядь поближе, вѣдь всѣ мы родные.

Тутъ то рѣчи пошли...

Гдѣ какой ужъ земля

Не видали вотъ эти калени!

Тотъ въ Парижѣ бывалъ,

Этотъ Шведовъ бывалъ,

Всѣ видали кровавыя рѣки.

Рекрутъ нашъ спасовалъ;

А какъ онъ увидалъ,

Что за ленты на старой шинели

У иныхъ стариковъ....

Былъ бы плакать готовъ....

Но они такъ привѣтно глядѣли.

»Да, друзья, не придетъ

Ужъ двѣнадцатый годъ!«

Молвилъ старецъ безногій: »не шутка

Вѣдь подумать: не разъ

Приходилось у насъ

Безъ усталости биться по суткамъ.

Да не только что мы,

Средь жестокой зимы,

На бивакахъ стояли и дрались,

Мы на то ужъ полки;

Но смотри, мужики

Какъ съ Французомъ тогда расправлялись.

Чуть въ село гдѣ придутъ

Мародеры, какъ тутъ

Ихъ дубьемъ и встрѣчаютъ ребята;

И, повѣрьте не лгу,

Побожиться могу.

Что дрались даже бабы ухватомъ.

Да, двѣнадцатый годъ

Чудо! Русскій народъ

Показалъ себя храбро и хватски;

Каждый грудью стоялъ,

Русь, Царя защищалъ

И съ солдатомъ дѣлился по братски.

Вотъ былъ случай у насъ:

Подъ Москвой одинъ разъ.

Своихъ пицныхъ въ лѣсу мы отбили.

Разумѣется имъ,

Однокровнымъ своимъ,

Чѣмъ могли изъ харчей поособилъ.

Всѣ собрались въ кружокъ,

А межъ нихъ мужичокъ,

Безъ руки, такъ по локоть—не болѣ.

Онъ ужъ вылѣченъ былъ

И опять, говорилъ,

Хоть сейчас на кровавое поле.

Что-жъ узнали мы? онъ

Какъ попался въ полонъ

Былъ представленъ Начальству съ другими

Прямо въ Кремль. Генералъ

Ихъ списать приказалъ;

А толмачъ разговаривалъ съ ними.

Мужичокъ съ топоромъ

За своимъ кушакомъ,

Въ армякѣ, межъ солдатъ находился,

А Полякъ, напиримѣрь

Тамъ какой, офицеръ

Съ нимъ по Русски въ бесѣду пустился,

—Ты теперь нашъ, дружокъ!

»Нѣтъ, сказалъ мужичокъ,

Такъ какъ жилъ и умру вѣрнымъ Русскимъ.»

—Пустяки, не умрешь

Завтражъ въ битву пойдешь

Разлихимъ Гренадеромъ Французскимъ.

»Шутишь, баринъ!«—Шучу?

Если я захочу,

Ты сей-часъ будешь нашимъ Французомъ.

Вкругъ мужикъ поглядѣлъ

И маленько сробѣлъ

Предъ такимъ знаешь конфузомъ,

Да и молвилъ: »Анъ нѣтъ!»

—Я ужъ знаю сскреть,

Говоритъ офицеръ, вашу братю—

Какъ легко уломать.

Видишь эту печать?

Припечатаю только печатью

Твою руку и вдругъ

Ты не врагъ нашъ, а другъ.

Бѣдный руку подальше припряталъ.

Офицеръ ее взялъ

И печать подержавъ

На огнѣ—онъ смѣясь припечаталъ.

Что же нашъ мужичокъ?

Вынести горя не могъ,

Знать подумалъ про вѣчную муку,

Про измѣну, позоръ...

И схвативъ свой топоръ,

Онъ отсѣкъ себѣ по локоть руку.

Вотъ оно каково!

»Нутка, братцы, того,—

Молвилъ Вахмистръ—въ фронтъ не мѣшаетъ;

Вонъ краснѣетъ мундиръ,—

Это нашъ командиръ
На своемъ жеребцѣ подвѣзжаетъ.»

~~Тогда~~

ДНЕВКА.

Быстро рѣчка бѣжитъ
По каменьямъ шумитъ,
На пригоркѣ близъ ней, въ сторонѣ,
Гренадеры сидятъ,
Межъ собой говорятъ
О не долгой Венгерской войнѣ.
Бравый стройный народъ,
Ни почему имъ неходъ—
Ужъ давно отделили они;
На зимовку идутъ,
Только пѣсни поютъ,
Вспоминая бивачные дни.
Межъ веселой толпой,
Гренадеръ отставной
Вотъ присѣлъ, про свой полкъ расспроситъ,
И сверкнули глаза
Точно словно гроза.

Какъ узналъ онъ, что полкъ въ дѣлѣ былъ;

—Ну, а врагъ-то каковъ,

Онъ спросилъ молодцовъ,

Хорошо ли идетъ на штыки?

»Ничего,—былъ отвѣтъ,—

Противъ нашихъ то нѣтъ,

Но встрѣчались лихіе полки.»

—Я теперь не служу,

Но, друзья, вамъ скажу

Въ наше время бывали дѣла.

Какъ пошли на штыки,

Какъ сдѣпились полки,

Кровь ручьями, ребята, текла.

Что Венгерцы, Полякъ,

Али Турокъ,—Прусакъ?

Слова нѣтъ, есть изъ нихъ молодцы:

Бонапартъ подбирать

Такъ умѣлъ;—не сыскать

Старой Гвардіи—вотъ: удалцы!

Вотъ такъ были враги,

И съ такими въ штыки

Любо дорого—фатальный народъ.

Онъ стоитъ молодцомъ,

Смерть ему ни почемъ.

Ну, почти такъ какъ Русскій идетъ.

Быль скажу вамъ одну:

У Французовъ въ плѣну

Быль я два года что-то никакъ.

Я по волѣ ходилъ,

Лѣкаръ рану лѣчилъ,

И *мусье* называлъ меня всякъ.

Скучно, что говорить!

Въ волю ѣсть, въ волю пить—

Да вѣдь, все не своя сторона....

Только душишь тоску.

За стаканчикъ кваску

Право отдалъ бы бочку вина.

Ну въ деревнѣ-жъ одной,

Быль ихъ штабъ полковой,

Съ гренадерами былъ я знакомъ,

Даже этакъ порой

Соберемся толпой

Да и рѣчь кое-какъ поведемъ.

Быль сержантъ тамъ одинъ

Чуть ни трехъ лишъ аршинъ

Молодецъ,—а сѣдые усы

По груди сыпалъ;

Всюду въ битвалъ бывалъ;

Трудно встрѣтить подобной красы.

Всѣ солдаты за нимъ,

Какъ за дядькой своимъ:

Балагуръ же онъ былъ и добрякъ:

Если въ чемъ и нужда,

То къ сержанту всегда

Отправлялся за помощью всякъ.

Нагрубилъ какъ то онъ.

А у нихъ строгъ законъ,

И въ военное время бѣда!

Кто бы ни былъ—подъ судъ.

Тотъ же часъ отдадутъ,

И пощады не жди никогда.

Старика Генералъ

Разстрѣлять приказалъ.

Снарядили, какъ всюду, конвой:

Всѣ солдаты на взрыдъ,

Онъ же браво глядитъ

И идетъ впереди, какъ герой.

Провожать много шло,

Почитай все село;

Я пошелъ туда же къ рѣкѣ,

А сержантъ удалой

Все ровнялъ свой конвой

И рассказывалъ съ трубкой въ рукѣ

»Тихимъ шагомъ, друзья!

Трубку выкурю я,

Къ быстрой рѣчкѣ покаместъ дойдемъ;

Ну же, рекруты, вы,

Не склоняй головы.

Иди бодро впередъ подъ ружьемъ.

Лѣвой! Правой! какъ слѣдъ

Гдѣ-бъ ни шель, нужды нѣтъ,

Хоть подъ пулями, браво иди,

Мѣрно въ ногу ступай,

Ничего не плошай,

И не будь никогда назади.

Да, послѣдній ужъ разъ,

Распекаю я васъ.

Былъ сварливъ я, ребята, порой,

Но не скажетъ никто,

Чтобы такъ ни за что

Обижалъ я кого разъ иной.

Какъ сержантъ, какъ солдатъ,

Много я виноватъ;

Не берите примѣра съ меня;

Я законъ преступилъ,

Мной нарушенъ онъ былъ,

И за то разстрѣляютъ меня.

Тихимъ шагомъ, друзья,

Докурю трубку я,

Къ быстрой рѣчкѣ покаместъ дойдемъ!

Ну же, рекруты вы!

Не склоняй головы,

Иди бодро впередъ подъ ружьемъ.

Ты мой добрый землякъ,

Прослезился никакъ....

Э, неплачь! я ужъ отжылъ свое:

Мнѣ ужъ тяжелодохнуть,

Вся изранена грудь,

Сердце тихо ужъ бьется мое.

Кончивъ службу, въ свой край

Ты пойдешь . . . Вспоминай

Старика . . . тамъ мой домикъ стоитъ,

И жива еще мать,

Но ненадо ей знать

Какъ я умеръ . . . скажи, что убитъ.

Это кто въ сторонѣ

Пожалѣлъ обо мнѣ

И идетъ проводить старика?

А, узналъ теперь я:

Маркитанта, друзья,

Иль седьмого лихаго полнаго...

Гдѣ-то въ Русскихъ сѣняхъ...

Вынесъ я на рукахъ...

И ее, и малюточку дочь:

Я плащемъ ихъ прикрываю...

Чѣмъ далъ Богъ покормилъ,

И берегъ отъ мороза всю ночь.

И за душу мою

Знать молитву свою

Сотворила она въ тишинѣ.

Стой! равняйся, друзья!

Докурилъ трубку я—

Разставаться пора съ вами мнѣ!

И высокій старикъ

Головой не поникъ,

Онъ приподнялъ ее, и сверкнулъ:

Быстрый пламень въ очахъ.

И съ молитвой въ устахъ

Старина вмигъ шинель разстегнулъ.

«Будетъ просьба моя,

Прямо въ сердце друзья!»

Онъ сказалъ и, раскрывъ свою грудь,

Сдѣлалъ шагъ онъ впередъ.

Приложился весь взводъ,

Но стрѣлять врать ли могъ кто вѣбуй.

Зарыдавъ горячо,

Снова всѣ на плечо...

Тутъ старикъ удержаться не могъ,

Онъ поникъ головой,

Взоръ налился слезой;

Словно камень на душу всѣмъ легъ.

»Ну, стрѣляйте, друзья,

Не на васъ кровь моя,

Я преступникъ: караетъ законъ.»

Пли! И вмигъ залпъ гремитъ,

И старикъ въ грудь пробить

Испускаетъ послѣдній свой стонъ.»

— Да, Фельфебель сказалъ:

Хорошо умираю

Твой сержантъ, но коли виновать:

Заслужилъ казни онъ—

Строгъ военный законъ—

Уважай дисциплину солдатъ.

АРХИПЪ ОСИПОВЪ.

«Разсказалъ бы вамъ я,
Молодые друзья
Какъ солдатъ иногда умираетъ;
Да вѣдь вы рекрута,
А въ такія лѣта
И ума-то небольшо хватаетъ.
Хоть бы этотъ сѣдой
Вамъ солдатъ отставной
Говорилъ про дѣла; правда складно:
Пули, ядра, да штыкъ....
Кто-жъ изъ насъ не привыкъ
Къ этимъ штукамъ? Эхъ право досадно!
Вы башкой-то своей
Еслибъ были умнѣй
Хоть не много, потѣшилъ бы лихо!»
—Межетъ, дядя, смѣкнемъ,
Какъ нибудь разберемъ,
Молвилъ рекрутъ молоденькій тихо.
«Тутъ смѣкать-то не что!
Ну, а слышалъ ли кто

Хоть про валъ, бастіонъ, амбразуру?

Назови палисадъ,

Вамъ покажется садъ,

Скажешь: брешь,—расхохочетесь съ дуру.»

— »Ну, а мы-то на что?

Позабылъ братъ про то:

Вѣдь, кажись, мы и сами видали

Какъ рѣкой льется кровь,

И случилось враговъ

Этакъ ловко, примѣромъ, бивали!»

Молвилъ старый солдатъ

Ужъ почти сѣдовать.

А за нимъ человекъ тожъ десятокъ

Всѣ сюда подошли,

Да и рѣчь повели

Предъ зарей у открытыхъ палатокъ.

И усѣлись кругомъ

Кому ловче на чемъ;

Рекрута попридвинулись ближе,

Чтобы слушать ловчѣй

Богатырскихъ рѣчѣй.

Какъ начнутъ старики о Парижѣ.

— »Нутка, что за рассказъ,

Вѣрно, братъ, про Кавказъ,

Про своихъ Кабардинцевъ, Чеченцевъ?»

»Да, про горы, про лѣсъ...

Только, братцы, Черкесъ

Не похуже Французовъ, иль Нѣмцевъ.

Простъ онъ, правда; полковъ

Не имѣетъ; штыковъ

Не завелъ, а подитка порою

Какъ, устройвъ завалъ,

Бить начнетъ на повалъ;

Надо Русскаго противъ нихъ строю.

На черкесскихъ земляхъ,

На морскихъ берегахъ

Есть ужъ наше давно поселенье;

Вновь построили тамъ

Для острастки врагамъ—

Небольшое еще укрѣпленье.

Ровъ глубокой кругомъ,

Обложивъ хвосторомъ,

Сверху прутьевъ колючихъ наклали,

Вотъ и все тебѣ тутъ.

Этотъ новый редутъ—

Михайловскимъ фортомъ назвали.

И притомъ, братцы, тамъ,

Надо знать, по угламъ

На подмосту, стоитъ по орудыю,
Не угодно-ль въ редутъ
Какъ картечью начнутъ?
Не угодно-ли взять его грудью?
Азіятъ ни по чѣмъ;
На конѣ, иль цѣшкомъ,
Что онъ сдѣлаетъ съ нами безъ пушекъ?
Мѣжду тѣмъ изъ плетня,
Человѣка, коня
Выбирай и стрѣлай, какъ лягушекъ.
Вотъ однажды въ редутъ
Вѣсть пришла, что влутъ
Десять тысячъ Черкесовъ къ намъ въ гости.
Насъ двѣ роты, друзья,
Не большая-семья,—
Но рѣшились сложить свои кости.
Комендантъ насъ созвалъ,
Эту вѣсть намъ сказалъ
И велѣлъ приготовиться къ бою.
Не прошелъ часъ, другой,
Видимъ, ну, саранчой
Окружили насъ Горцы толпою.
Вотъ ужъ битва была!
Вотъ ужъ кровь гдѣ текла!

Но мы долго и храбро сражались.
Горцы все на редутъ,
И чѣмъ больше ихъ бьютъ,
Тѣмъ сидѣній къ намъ ворваться старались.
Всякій разъ имъ отпоръ.
Но изъ ружей въ упоръ,
Изъ орудій, палили картечью;
Кто штыкомъ, топоромъ,
Чѣмъ попало ихъ бьемъ
Превозходя силу мы человѣчью,
А все плохо. Изъ насъ
Кровь ручьями лилась
Переранены всѣ офицеры;
Что тутъ дѣлать, какъ быть?
Надо было рѣшить
И принять ужъ послѣднія мѣры.
И рѣшилась, друзья,
Не большая семья
Съ видомъ храбрымъ, съ геройствомъ во взорахъ:
Какъ со всѣмъ ужъ возмуть,
Нашъ Черкесы редутъ
Подорвать весь оставшійся порохъ.
Силъ не стало, а врагъ
Съ гикомъ, съ пашкой въ рукахъ

Отвѣчаетъ всегда съ умилениемъ:

»Онъ пролилъ свою кровь

Въ славу Русскихъ штыковъ,

Въ Михайловскомъ палѣ укрѣпленъ.»

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

РУССКІЙ СОЛДАТЪ.

РАЗСКАЗЫ

А. АФАНАСЬЕВА.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1855.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ 30
Декабря 1853 года.

Ценсоръ *Н. Пейкеръ.*

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ К. ВИНГЕБЕРГА.

I.

ПОСЛѢ УЧЕНЬЯ.

(Писано въ 1852 году).

Почитай вечерѣло. Солнышко не то чтобы припекало, а, знаете, этакъ согрѣвало маленечко, и солдаты искали мѣста попрохладнѣе: подъ навѣсомъ гдѣ нибудь, аль подъ кудрявымъ деревомъ. Было это во время лагеря; и извѣстное дѣло что тогда солдатъ не сидитъ, сложа руки, хотя, правду сказать, онъ и никогда ихъ не складываетъ. Ученье кончилось

поздо. Пока пришли съ плацу пока выводили лошадей, задали корму, сами перехватили что Богъ послалъ, смотри и солнышко подалось; а тутъ еще надо и амуничку вычистить, сбрую повытереть, да еще не опоздать приумыться, приодѣться и пофинтить вечеромъ возлѣ красныхъ дѣвушекъ. И это вѣдь, ребята, дѣло то есть не послѣднее. Вотъ на одномъ дворѣ со взводнымъ вахмистромъ, Андреемъ Семеновичемъ Теличкою, стояло человѣкъ шесть уланъ—все же четвертаго взвода. Народъ молодой, почитай, все изъ рекрутъ, но пальца въ ротъ не клади: проѣхать ли съ права по одному—молдцы, отхватать ли саблей — мое почтеніе, проѣланцировать ли пикой—просто здравія—желаю! Но вѣдь и то сказать—Андрей Семеновичъ Теличка былъ вахмистръ—держи ухо востро: три шеврона, серебряный темлякъ, самъ вершковъ 10, ноги выгнуты, усы въ четверть, и все лицо опалено порохомъ.

Взводъ боялся его какъ огня, а любилъ словно отца роднаго. Въ самомъ дѣлѣ Андрей Семеновичъ былъ человекъ добрый и справедливый; но лѣнивцевъ не терпѣлъ, а Боже сохрани продѣлокъ какихъ на счетъ тасканья гусей, куръ, и разныхъ этакихъ оинтифирюлекъ—только держись: ужъ тамъ доложить ли взводному офицеру или нѣтъ, а самъ же прочитаетъ тебѣ наставленіе съ глазу на глазъ. А учить былъ мастеръ и терпѣнья диковиннаго: двадцать разъ покажетъ тебѣ, и развѣ уже въ двадцать первый разсердится и дастъ тычка съ досады, и то нельзя сказать чтобъ было больно, а скорѣе совѣстно передъ товарищами. Разумѣется что онъ держалъ себя какъ начальникъ: съ ундерами разговаривалъ и подшучивалъ, съ рядовыми велъ себя какъ слѣдуетъ—и не очень строго и не слишкомъ за панибрата. Андрей Семеновичъ былъ человекъ извѣстный; его любили всѣ господа, и самъ Ротмистръ

всегда спрашивалъ: «Каково поживаешь, Теличка?»

Вотъ на взводномъ дворѣ, подъ кудрявой липой, собрались уланы. Кто чистилъ саблю, кто стремяны, кто перетиралъ цѣпочку; тотъ чинилъ окольный ремень, тотъ прибавалъ шпоры съ звенящими репейками (должно быть злодѣй соби-рался отхватить комаринскую вечеромъ); а одинъ молоденькій солдатикъ разъ пять принимался тереть пуговицы на шинели, и все какъ-то не приходилось въ линію. Вѣстимо разговоръ не умолкалъ.

— Эхъ, какъ бы война, сказалъ высокій Уланъ, пробуя саблей мулине, такъ что клинокъ свистѣлъ въ воздухѣ.

— Ну и чтожъ? отозвался приземи-стный карабинеръ, перетирая мундштуч-ную цѣпочку.

— Да пошли бы поразмять кости.

— Да порядкомъ проучить басурма-

шотъ, отозвался солдатикъ, что поможетъ справиться съ пуговицами.

— Вона! и Сусликъ тудаже! ка, ка, ка!»

— «Что Сусликъ! я вѣдь, братъ, на мушкетунѣ ѣзжу.

— Видишь, важная персона! ка, ка, ка!
А нутко, спой сингалъ — наступленіе съ перестрѣлкой!

— А самъ же ты знаешь? отозвался чай-то громкій молодецкій голосъ.

Всѣ оглянулись. Въ двухъ шагахъ стоялъ вахмистръ Теличка, придавливая ногтемъ большого пальца огонь въ своей коренковой трубкѣ.

— Умѣешь ли ты самъ спѣть — сингалъ наступленіе съ перестрѣлкой? повторилъ онъ, обращаясь къ приземистому карабинеру.

— Какъ же не умѣть, Андрей Семеновичъ! Слава Богу третій годъ карабинеромъ.

— Что и говорить! ты солдатъ ис-

правиль. Зачѣмъ однако же нападать на Суслика?

— Видите ли, Андрей Семеновичъ, Сусликъ расхвастался, что ѣздитъ на мундштукѣ, отозвался черноусый мальи, который прибавлялъ шиоры съ звенящими репейками.

— Ну что же? онъ въ самомъ дѣлѣ ѣздитъ на мундштукѣ, хоть правду сказать точь въ точь, какъ нашъ цырюльникъ на своемъ одноглазомъ.

Уланы засмѣялись, а Сусликъ покраснѣлъ.

— Не робѣй, Сусликъ! продолжалъ вахмистръ, подкатывая бревно поближе къ солдатамъ: изъ рекрутишекъ дѣлаются сначала плохіе солдатики, изъ плохихъ солдатиковъ выходятъ brave молодцы, — а тамъ гляди выйдетъ такой молодчина, что—просто здравія желаю!

— Худо только, Андрей Семеновичъ, что нашъ Сусликъ не умѣетъ пуговицъ

вычистить, сказалъ карабинеръ, подмигивая на товарищey.

— Какъ такъ? Покажи ко, Сусликъ!

Сусликъ всталъ и не смѣло подаль вахмистру свою шинель.

— Дѣло дрянъ, братъ Сусликъ! дѣло съ мыломъ, какъ говаривалъ покойный унтеръ-офицеръ Супрунъ. Неладно, а ѣздишь на мундштукѣ! А я еще тебя и похвалилъ, простофиля ты этакая! Развѣ же этакъ чистятъ пуговицы!

— Я я

— То то я, да я! спросилъ бы у кого по умнѣе! Подай ка сюда инструментъ свой.

И Теличка мигомъ отполировалъ пуговицу.

— Вотъ какъ исправный солдатъ чистить, сказалъ онъ. Смотриже, и если весь бортъ не будетъ такъ вычищенъ, — на всю ночь наряжу съ метлой на часы. Садись и работай.

Всѣ молчали. Солнышко начало скло-

паться къ западу и на дворѣ стало от-
мѣнно хорошо. Вѣтерокъ похлѣвалъ отъ
рѣки, на небѣ чисто, какъ на плацъ
парадѣ передъ смотромъ корпуснаго
командира, развѣ изрѣдка перепарки-
вали бѣлыя облачки, и бѣжали словно
адъютанты съ приказаніемъ.

— Ты ни какъ, Солодко, оборвалъ
ремешъ на лядункѣ? спросилъ вахмистръ.

— Оборвалъ маленько, Андрей Семе-
новичъ, да это не моя вина. Когда по-
шли въ атаку, кто то такъ не ловко
преклонилъ ирку, что зацѣпилъ за ля-
душку, и чуть было не воткнулъ въ
спину.

— Должно быть ловкій солдатъ! мо-
лодецъ — нечего сказать! А кто былъ
у тебя съ право по разсчету?

— Да я незнаю кто это задѣлъ.

— Не уаертывайся, а говори дѣло,
коли спрашиваетъ взводный вахмистръ.

— Да у меня съ права стоитъ Кокаревъ.

— Такъ и есть! знаю эту рохлю. Гей,

Кокаревъ! закричалъ вахмистръ молодечкимъ голосомъ.

— Сей часъ! раздалось въ ближней конюшнѣ.

— Поди ко сюда.

Молодой солдатъ, застегивая шинель, подошелъ къ вахмистру.

— Ты какъ это любезный, въ атакѣ преклоняешь пику, что разрываешь лядунку товарищу?

— Это, Андрей Семеновичъ, не я, а лошадь.

— Что? лошадь пику преклоняетъ!

— Нѣтъ, а лошадь заартачилась.....

— А ты же гдѣ былъ что позволяешь лошади артачиться? звѣзды считаешь небось! гдѣ у тебя лѣвая рука и шпоры?

— Я сробѣлъ....

— Эхъ, ты баба черномазая! башка твоя безтолковая, сробѣлъ! Ну, а еслибы ты попалъ въ спину товарищу!

— Виновать, Андрей Семеновичъ!

— Сю минуту смѣни часового и изволь, любезнѣйшій, караулить до завтра.

— Помилуйте.

— Смирно! на-лѣво круг-гомъ! маршъ!

Солдатикъ ловко повернулся и пошелъ неоглядываясь.

— Былъ и мнѣ разъ случай съ лядункой, продолжалъ вахмистръ, пуская дымъ изъ своей трубки: а случилось это въ Персидскую компанію.

При этомъ словѣ Уланы столпились въ кружокъ и съ особеннымъ удовольствіемъ собирались послушать Андрея Семезовича, который, правду сказать, былъ скупенекъ на свои рассказы.

— Шли мы къ Тавризу. Я былъ простымъ карабинеромъ. Конь у меня, братцы, что называется, урви да подай! только зло было не милосердное. Меня то онъ зналъ и боялся; но ужъ никто другой не подходитъ: сей часъ угостить задомъ или передомъ, или зубами—какъ ему сподручнѣе или какъ заблагоразсу-

дится; а другихъ лошадей бить не жалко, а на смерть. Однажды эскадронный Командиръ просто хотѣлъ сбить его съ рукъ, да я выпросилъ. Любилъ же я его за то, что бывало въ сраженіи не то что другая лошадь идетъ куда направилъ, нѣтъ ему нуети только поводья, а ужъ онъ самъ лѣзетъ впередъ, и покажѣтъ ты справляешься съ басурманомъ, онъ запуститъ зубы въ неприятельскую лошадь и работаетъ бестія по своему. Правда, онъ и погибъ на сраженіи. Вотъ досталось нашему взводу въ разъѣзды. Отправились мы по степи. Признаться-ли, ребята, фуражировка въ Персіи немного хороша, особенно, если часовъ семь, восемь порыскаешь по голой степи и не увидишь даже дрянной деревушки. Въ степи все выжжено, негдѣ лошади покормить;—а сѣна или горсть ячменя не скоро достанешь. Вы думаете у этихъ азійцовъ есть овесъ! Какъ бы не такъ! Они его и въ глаза не ви-

дали, а лошадей кормятъ ячменемъ и называютъ *арна*, сѣно же по ихнему *отъ*. Куды какъ глупы, подумаешь! Ну что такое *отъ*? Чортъ знаетъ что! а поди скажи: *серъ отъ*, онъ тебѣ и дастъ сѣна, говори же ему: продай сѣна! Выкатить бѣлки да и толкуетъ *бильмесъ*. Зналъ я когда то по ихнему, да ужъ позабылъ, развѣ могу отлично выругать шайтаномъ или и прочимъ манеромъ, если понадобится. Ну ѣздили мы часа два и даже зайца косаго не встрѣтили, а солнышко припекало не втерпѣжъ; и хотъ мы были въ кителяхъ, а упарилиъ словно въ доброй банѣ. Вдругъ направо показались тополи, и изъ за пригорка, вытянулась деревушка. Мы очень обрадовались, думали перехватимъ маленечко, и ужъ по крайней мѣрѣ напьемся студеной водицы. Анъ корнетъ скомандывалъ стой! Видите ли его Благородіе разсудилъ, что нельзя же такъ съ бухты барахты ѣхать въ деревню въ непріятельской сторонѣ; а

надо было поразсмотрѣть да поразвѣ-
дать. «Послушай, Теличка, говоритъ
мнѣ корнетъ: изъ всего взвода у тебя
лошадь быстрѣе, да и ты малый по
временамъ. Поѣзжай, говоритъ, въ дерев-
ню, да разсмотри не притаились ли гдѣ
Персіяне. Насъ вѣдь взводъ, а если этой
сволочи много — что же мы сдѣлаемъ.
Чуть завидишь непріятеля и его будетъ
мало, давай знать—мы его расчешемъ;
если же этой орды довольно и намъ не
подъ силу, ты пали изъ пистолета и
улепетывай» Слушаю В. Б-іе, говорю
я, и вставъ съ коня, подтянулъ подпругу,
осмотрѣлъ кремни у карабина и пи-
столетовъ, подсыпалъ на полку, вско-
чилъ въ сѣдло и рысью маршъ! Конь
мой прыдетъ ушами и поглядываетъ по
сторонамъ; а я держу его по надѣ при-
горкомъ, такъ что мнѣ деревня въ виду,
а меня то не слишкомъ замѣтно. Мнѣ
уже видны хорошо тополи и плоскія
крыши... Смотрю,—сотни двѣ лошадей

пасутся на лугу! приглядываюсь—осёдланы, и нѣсколько Персіянъ лежатъ подъ кустами. Дѣло не ладно. Подошелъ я еще шаговъ двадцать.... оглядываюсь,—нашихъ не видать. Вдругъ по деревнѣ крикъ.... Всполюшился непріятель.... садится на конь.... Винтовки блестятъ.... Не успѣлъ я разсудить—подавать ли вѣсть изъ пистолета, иль скакать и доложить, что непріятеля не больше двухъ сотъ человѣкъ, какъ у меня съ права, чортъ ихъ знаетъ, откуда взялось десятка три вершниковъ и во всѣ лопатки прямо на меня. «Дѣло дрянъ, дѣло съ мыломъ!» какъ говаривалъ покойный унтеръ-офицеръ Супрунъ, подумалъ я, и бацъ изъ пистолета дать знать своимъ, чтобы улетывали. Закинувъ карабинъ назадъ, я досталъ пистолетъ изъ ольстреди и, поворотивъ на право—кругомъ, шпоры Аметисту. Взвилась только пыль изъ подъ копытъ, а мимо меня прожужжало десятка полтора пуль, такъ что одна уда-

рилась въ ложу карабина, а другая пролетѣла почитай подъ самымъ носомъ. Выскакалъ я на ровное мѣсто, смотрю, а кителя нашихъ бѣлѣютъ уже Богъ знаетъ гдѣ, едва только замѣтно для глаза. Аметистъ мой летѣлъ дьяволомъ, да и у Персіанъ не кони были, а черти. Человѣкъ пять отдѣлилось отъ отряда и ну за мной по степи, какъ за зайцемъ. Къ счастью они выстрѣляли всѣ патроны издали, и видно имъ хотѣлось взять меня живьемъ. Два борадача подскакали на пистолетный выстрѣлъ. Я недолго думалъ—бацъ въ одного изъ пистолета,—свалилъ! бацъ въ другаго — промахъ, а онъ, варваръ, успѣлъ зарядить на скаку, да пафъ! и какъ разъ мнѣ въ вправую руку по ниже локтя.

— Не ладно! сказалъ карабинеръ, переставъ чистить цѣпочку.

Всѣ Уланы сдвинулись еще ближе.

— Не ладно, повторилъ Андрей Семеновичъ, покручивая свой богатырскій усь:

да такъ неладно, что ни пикой, ни саблей, а осталось одна надежда на Амети-ста. Но и конь ослабѣлъ. Я однакоже шпоры и шпоры. Летитъ мой Аметистъ. Персіяне тоже не дремлютъ, а одинъ вотъ вотъ съ шашкой добирается. Я схватилъ ное какъ лѣвой рукой пикю, да махъ назадъ—думаю не задѣну ли его по зубамъ, или покрайней мѣрѣ лошади по носу, и какъ то удалось выбить шашку у басурмана. Онъ, бестія, сильно началъ ругаться и вмигъ подлѣзаетъ, да цапъ меня за лядунку. Передо мной ровъ аршина въ полтора. Я пару шпоръ Аметисту со всей силы. Аметистъ впередъ, пересадилъ черезъ ровъ, лядунка оборвалась, а мой Персіянинъ поточился на песокъ съ лошади.... Я оглянулся, засмѣялся, плюнулъ ему и былъ таковъ.

— Молодцомъ! Хазомъ, (*) Андрей Семеновичъ! сказалъ карабинеръ: да зачѣмъ же вы ему плюнули?

(*) Такъ уланн бывшаго 1-го резервн. карагер. корпуса называли удалцовъ. Соч.

— Да такъ на радостяхъ. Ему ли Персидской банкѣ справится съ Бѣлгородцемъ! Не такихъ убирали по полдесятка; а эта красная борода еще туда же!

— А скоро ли вы догнали своихъ, Андрей Семеновичъ?

— Не догналъ, а встрѣтилъ. Пѣхота наша услышала перестрѣлку, и батальонъ съ орудіемъ шелъ скорымъ шагомъ; нашъ взводъ взялся проводить батальонъ, и стало быть мнѣ опять приходилось повидаться съ старыми знакомыми. Но Азіать спасовалъ и улепетнулъ по добру по здорову. Вотъ оно каково бываетъ, Солодко: не оборвись лядунка, а и незнаю что дѣлалъ бы съ раненой рукой въ лапахъ у нехристей. А да и ругался же бестія краснобородный, схватившись на ноги. Острая шапка, знаете съ него свалилась, бритая голова лоснится, только длинные локоны, что Персіяне оставляютъ за ушами, маялись по вѣтру.

— Я повернулъ бы коня и истопталъ Персіянна, сказалъ Сусликъ.

— Ахъ ты, образина! Онъ бы повернулъ коня, когда человекъ еще десять Персіанъ носилъшало во всѣ лопатки! Садись ко да прежде вычисти пуговицы, а послѣ уже будешь топтать конемъ не-пріятеля.

Въ это время къ кружку подошелъ молодойцоватый унтеръ-офицеръ. Куртка на немъ съ иголочки, фуражка новенькая; рейтузы сидятъ молодцомъ; саночки вылакированы, шпоры звенятъ, какъ говорится, звономъ малиновымъ, и перчатки чисто на чисто вымыты.

— А, Иванъ Климычъ, добраго вечера! отозвался вахмистръ.

— Здравствуйте, Андрей Семеновичъ.

— Откуда Богъ несетъ?

— Фидилъ по приказанію адъютанта въ корпусную квартиру,

— Сидите-ка съ нами. Что же новенькаго?

Унтер-офицеръ подкатилъ оба бревна и сѣлъ, а Теличка подотчивалъ его трубкой.

— Новенькаго ничего. Завтра отдыхъ, только дома пѣшее ученье. Ходилъ смотрѣть церемоніальный маршъ ** скаго полка.

— Что же?

— Ничего. Отлично равняются, только нашъ полкъ будетъ покрасивѣе.

— Это мы знаемъ давно, сказалъ вахмистръ, улыбнувшись.

— А, знаете что: нашъ полкъ еще и тѣмъ красивъ, что красные съ бѣлымъ, флюгера: ну точь въ точь — макъ цвѣтетъ надъ полкомъ.

— Эхъ, Иванъ Климычъ! не флюгарки полкъ красятъ, а молодцы офицеры, да добрые кони. Какъ нашъ лейбъ-эскадронъ такъ хотъ въ гвардію.

— Истинно такъ, Андрей Семеновичъ. Ну да и потѣха же случилась на церемоніалѣ.

А что такое, Иванъ Климычъ? отозвался карабинеръ.

— Да видите ли, братцы, просто умора. Надо вамъ знать что въ — скомъ полку между бракованными лошадьми продали однако стараго славнаго коня съ колеромъ. Конь на видъ чудо,—онъ ходилъ на лѣвомъ флангѣ эскадрона подъ взводнымъ вахмистромъ.

— А который это будетъ нумеръ, Солодко? спросилъ Андрей Семеновичъ.

— Извѣстно 5-й.

— Хорошо. Ну-съ, Иванъ Климычъ, что же за исторія?

— Этого коня купилъ какой-то штатскій, или чиновникъ, то есть офицеръ понижему; купилъ и, знаете и, когда ѣздилъ верхомъ извѣстно по своему: сидитъ кренделемъ, ножки впередъ, носки въ низъ—однимъ словомъ—Сусликъ передъ нимъ наѣздникъ.

Уданы засмѣялись.

— Да вѣдь Сусликъ на мундштукъ ѣздитъ, сказалъ карабинеръ.

— Ну и этотъ штатскій тоже ѣздитъ на мундштукъ, хотя кажется и неумѣетъ разобрать поводья. На церемоніахъ выѣхало множество барынь въ разныхъ коляскахъ и каретахъ, и этотъ штатскій верхомъ въ круглой шляпѣ да еще и шпоры прицѣпилъ — должно быть отъ холоду. Прошелъ полкъ шагомъ, Полковой командиръ благодарилъ всѣхъ. Ну, пошли рысью. Трубачи хватили вернистую разотличную рысь. Штатскій баринъ красуется на сѣромъ, а сѣрый какъ завидѣлъ свой взводъ, поднялся на дыбы и заржалъ. Изъ взвода, изъ задней шеренги заржалъ тоже, должно быть его старый товарищъ, и пошла потѣха! Штатскій растерялся, схватилъ мундштукъ обѣими руками, а бракиръ, неговоря ни слова, голову внизъ, лансаду разъ, два, да и очутился съ ѣздокомъ на своемъ прежнемъ мѣстѣ. Тотъ баринъ не про-

махъ, уцѣпился сѣрому за шею. На что полковой командиръ и строгій и всегда какъ будто сердитый, а не могъ удержаться отъ смѣха и scomандовалъ: стой! Тутъ, братцы, не только офицеры, а всѣ солдаты начали заливаться отъ смѣха. Унтеръ-офицеры хотѣли отвезть бракира не тутъ то было: и задомъ и передомъ. Штатскій баринъ слетѣлъ. Нечего дѣлать, приказано было двумъ рядовымъ спѣшиться; знаменитаго наѣздника снова усадили на коня и вывели подъ устцы. Надо было видѣть штатскаго: побѣднѣлъ какъ полотно; а тутъ, знаете, барыни въ коляскахъ и каретахъ подняли смѣхъ, офицеры тоже; а мы съ писарями, значить, стоимъ въ сторонѣ да за бока хватаемся.

— И далеко его провели?

— Почитай до заставы; да и нельзя было иначе: бракиръ бы опять воротился.

— Кто же ему виноватъ! не хотѣлъ въ военную службу, а туда же суется: ви-

дишь думаетъ—какъ есть верховая лошадь, такъ онъ уже и кавалеристъ, сказалъ Андрей Семеновичъ, покручивая усы. Однако, ребята, тише никакъ дежурный по дивизиону идетъ. Да скоро уже и на водопой пора. Эй! прокричалъ вахмистръ громогласно: готовся! скоро трубачъ протрубить къ водопою.

II.

ВСТРѢЧА НА ДНЕВКЪ.

Съ музыкой и барабаннымъ боемъ вступалъ Егерскій полкъ въ одинъ небольшой городъ. Погода была отличная. Извѣстное дѣло вездѣ растворялись окны, вездѣ хорошенькія горожанки посматривали на молодцовъ Егерей; — а Егеря шли стройно, браво, хватами: ружье вольно, словно не ружье а перышко на плечѣ; — сами же тоже поглядывали на горожанокъ, а иной лихачъ, покручивая

у́сы, отпускалъ какую нибудь галантерею: завидя чернобровую молодку. Ужъ на томъ стоимъ: служба службой, — а какъ пропустить смазливую бабенку, чтобы не сказать ей чего нибудь покрайней мѣръ.

Вотъ пришли въ городъ, отнесли съ церемоніей знамены къ полковому командиру, разошлись по разнымъ улицамъ, а услужливые квартиреры каждому указали уголъ на ночлегъ и назавтра на дневку. Не долго молодцу Егрю расположиться на квартирѣ: что ему? Коня не водить сбруи, не чистить; обмахнулъ вѣрнаго товарища — ружье, да поставилъ въ передній уголъ, снялъ бережно ранецъ, суму, вылилъ воду изъ манерки, умылся, утерся чистымъ полотенцемъ, которое, разумѣется, поднесла хозяйюшка, и сѣлъ, а въ легъ отдыхать послѣ похода. Да правду сказать и отдыхать то особенно не отчего; переходъ не большой; — а солдатскимъ но-

гамъ не привыкать стать мѣрить болѣзную, аль проселочную дорогу; про то знаетъ подошва, а подошва казенная—весиѣтъ больно истапываться.—

Три человека Вгереѣ помѣстились въ избѣ зажиточнопо мѣщанина. Хозяина не было дома; хозяйка приветливо встрѣтила постояльца, и просила расплачиваться, какъ дома. Известна, ребята, наша солдатская поведенія: чуть только хозяинъ встрѣтитъ тебя пріятельски, ты во сто разъ отплатишь ему, ну а коли начнетъ харахориться, да важничать, такъ и мы носъ поднимаемъ и начинаемъ командовать. Конечно солдатъ не смѣетъ обижать хозяина, не то что рукавъ воли не давай, а не могъ и ругнуть порядкомъ: но вѣжливо требуй что тебѣ слѣдуетъ. А если хозяинъ вѣжливо и хозяйка сама хлопочетъ какъ бы угостить постояльца, тогда конечно и пустой борщъ покажется борщемъ съ курицей, и пустымъ уха покажется отличной кашницей,

котъ въ ней крупинка за крупинкой по-
няется съ дубинкой. Слова нѣтъ — есть
солдаты, что сей часъ начинаютъ: по-
давай и того и сего и пятого и десята-
го! Да вѣдь это не хорошо: хозяйка такъ
не послушаетъ, да пожалуется ротному,
вотъ и достанется на орѣхъ. Съ хозяе-
вами можно все сдѣлать просьбой и ус-
тупчивостью.

Ну-съ, наши Егера умылись, сняли
шинели и знатно пообѣдали. Хозяйка
поставила имъ щей, лапши, и каждому
отрѣзала по ломтю солонины; а калѣбуш-
ка таюй что покушать котъ самому ге-
нералу. Солдатки были молодые, одни
только немного постарше, но видать
что пороку не нюхалъ и не то что бы-
ваый въ бывальцахъ. Вотъ пообѣдали,
успѣлись въ большихъ прокладныхъ сѣ-
няхъ и давай балагурить. Каждый изъ
нихъ посматривалъ—нѣтъ-ли у хозяйки
хорошенькой дочки, чтобы хотъ погла-
зѣть маленько, а въ словечки перекинуть-

ся съ молодкой. Но у хозяйки ребята не большіе—а сама она была пожилая

— Кажись братцы, дневка будетъ отличная, сказалъ одинъ высокій солдатъ съ рыжеватыми усами: борщъ хорощъ, лапша разлюли,—а хлѣбъ просто — что твои пряники.

— Нешто отвѣчалъ небольшой Егеръ, набивая трубку: такого обѣда давно уже не помню; кажись такъ обѣдалъ только въ Полтавѣ.

— А въ Полтавѣ была важная дневка, отозвался товарищъ, который постарше: хохлацкіе вареники, братъ, что въ ротъ—то спасибо. И какъ это ухитряются ихъ дѣлать! мучицы немножко, творожку, маслица, сметанки, а смастерять тебѣ распреотличнѣйшую штуку.

— Да въ Полтавѣ на квартирѣ и хозяйская дочка первый сортъ, отозвался приземистый Егеръ.

— Видишь, черномазый, куда заѣхалъ! отозвался товарищъ по старше.—А раз-

въ позабылъ какъ ты ее затронулъ, а она отвалила тебя вѣйникомъ.

— Какъ тамъ отвалила! ни чуть не больно.

— Разсказывай по субботамъ! Нѣтъ таки, братъ, хоть ты и любишь увиваться за молодками, а не съ твоимъ рыломъ въ класный рядъ соваться.

— Толкуй про ольховый хомутъ, а линовыя возжи крѣпче. Экъ, отозвался молодецъ!

— Покрайней мѣрѣ не хвастаю.

Приземистый Егеръ съ досады всталъ, пошелъ въ избу, разстегнулъ ранецъ, вынулъ свою гармонику, что заплатилъ два-двугривенныхъ, сѣлъ на прежнее мѣсто, и давай отваливать плавую. Не успѣлъ онъ хватить раза три камаринскую, анъ смотри—человѣкъ шесть товарищей пришли къ нему скуки ради. Два Егеря отшандорили самую разухабистую присядку, и потомъ все хоромъ затянули любимую — полковую пѣсь-

ню. На голосъ пѣсни подошли еще товарищи, такъ что въ сѣняхъ уже стало тѣсно;—а какъ въ это время начало вечерѣть, то всѣ и повышли на зеленый дворъ и усѣлись на зеленой травкѣ.

Замѣтили-ль вы, братцы, что если два три солдата вмѣстѣ, такъ балагурятъ себѣ и горюшка мало и рѣчь клеится; соберись же десятокъ, шуму много, а толку мало: непременно надо аль балагура, аль сказочника, аль чтобы кто книжку почиталъ. Лучше же всего, если какой нибудь сѣдой ундеръ начнетъ о славныхъ походахъ, о сраженіяхъ: такъ душа и расходится, сердце готово выпрыгнуть изъ груди,—такъ бы и кинулся со штыкомъ на непріятельское орудіе. То же случилось и съ нашими Егерями: какъ повышли надворъ, закурили трубочки, переговорили что кто ѣлъ, или пилъ, какая у кого квартира,—да и замолчали. А народъ все, почитай, молодой; ни на одномъ ни креста, ни медали.

Отозвался было какой то балагуръ;—да его шуточки давно уже всѣмъ извѣстны. Нѣтъ, солдату нужна другая забава: подавай ему рассказы о Суворовѣ, о Кутузовѣ, о Милорадовичѣ — вотъ это другое дѣло. Конечно, что и говорить, почему иной разъ не потѣшиться и не послушать сказочку, аль побасенку; — да вѣдь на все своя пора и свое время. Въ томъ полку выписывали Егерямъ изъ Петербурга книжки: Чтеніе для солдатъ, и ребята любили ихъ слушать. Все знаете тамъ умно, толковито написано, да книжекъ то мало: шесть въ годъ. Вечере три почиталь одну, анъ и баста! А ужъ въ тѣхъ книжкахъ, признаться, славно все рассказано, не что въ другихъ, гдѣ кажется и по Русски написано, а ничего въ толкъ неvozьмешь :здѣсь же все просто, по солдатски. Да если еще солдатскія эти книжки возьмется читать какой нибудь бывалый заслуженный ундеръ, и кое что растолкуеть

товарищамъ, такъ просто малиной не корми.

Ну, Егеря то наши побалагурили и приутихли. Какъ вотъ. на дворъ въѣзжаетъ хозяинъ, а съ нимъ сѣдой отставной унтеръ-офицеръ, въ сюртукъ съ галунами и вся грудь завѣшена кавалеріей. Какъ водится поздоровались. Хозяинъ привѣтливо обошелся съ постояльцами, спросилъ всѣмъ ли довольны, не обидѣла-ль ихъ хозяйка; а унтеръ обошелся по военному и пошелъ въ избу. Егеря и разговарились между собой, что это, дескать, долженъ быть не какой нибудь унтеръ такъ себѣ, а старикъ почтенный, который перевѣдывался со смертью, да и должно быть видался съ нею съ глазу на глазъ, да еще и неразъ вытиралъ ей ворсу—штыкомъ, аль саблей, аль тамъ чѣмъ ему Богъ далъ, то есть, смотря гдѣ служилъ въ свое время.

— Должно быть Гвардеецъ, отозвался одинъ солдатъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ другой: сюртукъ не гвардейскій, а не гренадеръ ли, ребята.

— Незнаю, только нашъ братъ пѣхотный, потому что ноги невыгнуты, да и ступаетъ плавно на носокъ не то что конница.

— А замѣтили, братцы: крестовъ, то крестовъ!

— Кажись полдесятка.

Небольше какъ черезъ четверть часа отставной унтеръ-офицеръ вышелъ къ Егерямъ и присѣлъ на завалинкѣ. Пошли обыкновенные распросы: кто командуетъ полкомъ, гдѣ стояли, куда идутъ на зимовку, каковъ ротный командиръ, каковъ фельдфебель? Слово за слово, разговорились, и одинъ Егеръ спросилъ наконецъ у старика, — гдѣ онъ самъ служилъ. Старикъ началъ имъ рассказывать про свою службу. Мало по малу всѣ

Егеря придвинулись ближе, закурили трубочки и наставили уши послушать про то, что пріятнѣе всего для солдата, послушать про славные походы, про знаменитыя битвы, на которыхъ съ поконъ вѣка Русскій штыкъ былъ страшнѣе неприятели, и всегда и вездѣ храбро стоять за Престолъ, Вѣру и Отечество.

— Вижу ребята, говорилъ унтеръ-офицеръ: что всѣ вы молоды, изъ всѣхъ васъ выдутъ лихіе солдаты; — одинъ въ васъ недостатокъ, что еще не нюхали пороху, да это не ваша вина. Мы доказали свѣту въ свое время, что не трюматужки Россіи, мы въ свое время отпечивали и проводили незваныхъ гостей: такъ мудрено ли • что ни одинъ чужестранный народъ, несмѣетъ даже по-смотреть косымъ взглядомъ на наши границы, и вотъ почему нѣтъ войны ребята. Турокъ съ дуру пожалуй и всполошится, — да и закричитъ: аманъ, что по ихнему значитъ пардонъ т. е.,

помилюй! Да, ребята, смотрите на эти галуны съ уваженіемъ: они достались не то что такъ за исправность и доброе поведеніе, а куплены кровью, да пожалованы самимъ Главнокомандующимъ. Мы стояли подъ Варной. Надо вамъ знать что городъ этотъ лежитъ надъ моремъ. Главнокомандующій и поджидалъ пока подойдетъ нашъ флотъ и начнетъ бомбардировать городъ съ моря: видите ли и намъ ловче идти на приступъ, когда непріятель попадетъ между двухъ огней. А Турки держались крѣпко. Въ полѣ бить этихъ нехристей ни почему ребята: нѣтъ у нѣхъ ни франта, ни стойкости, ни порядка, — ну, а въ наше время это была какая то орда, безо всякой дисциплины. Въ крѣпостяхъ же не скоро съ ними справишься. И хотя Турецкіе артиллеристы были не большіе мастера, однако, случалось что дѣлали намъ вредъ, и каждый день мы теряли по нѣсколь- ку человѣкъ убитыми и ранеными. По-

ночамъ же непріятель дѣлалъ вылазки и и иной разъ случалось возиться съ нимъ часа по два. Однажды передъ разсвѣтомъ слышимъ въ цѣпи со стороны лѣса перестрѣлку. Разумѣется ударили тревогу; полки стали въ ружье; сей часъ же послали казаковъ на аванпосты узнать въ чемъ дѣло. Начальники не могли понять откуда бы взялся непріятель. Если бы это была вылазка, такъ наши передовые и завязали бы перестрѣлку. — а это дѣлалось въ тылу лагеря. Скоро Донецъ прилетѣлъ съ извѣстіемъ, что показался Турецкій отрядъ, должно быть секурсъ—т. е. подмога посланная въ крѣпость на помощь гарнизону. Отрядъ этотъ пробирался неизвѣстными намъ дорожками, и такъ подошелъ, что стой въ цѣпи какіе нибудь зѣваки, а не Русскіе солдатики, было бы дѣло неладно. Нашъ батальонъ съ орудіемъ первый бросился на перестрѣлку, и не успѣли мы придти на мѣсто, какъ за нами выѣхалъ и

самъ Главнокомандующій со штабомъ. Поставили насъ противъ опушки и велѣли открыть батальный огонь. Въ это время разсвѣтало. Турки засѣли въ лѣсу и въ свою очередь давай угощать насъ пулями. Мы стрѣляемъ на удачу, а они, бестіи, изъ за деревьевъ работаютъ себѣ припѣваячи. Насъ взялъ задоръ, — такъ бы и бросились въ штыки вытѣснить эту сволочь; но не наше дѣло разсуждать, коли начальство не командуетъ. Вдругъ видимъ мы, что направо, за деревьями, человекъ десять Турокъ подвезли небольшую пушку и уставляютъ противъ насъ, да такъ близко, что почитай недальше какъ на ружейный выстрѣлъ. Наша рота стояла съ флангу. Главнокомандующій подозвалъ ротнаго командира и говоритъ: «г. капитанъ! дарю вамъ эту пушку.» Капитанъ взялся подъ козырекъ и скомандовалъ: ружье на руку! скорымъ шагомъ! маршъ! «Какъ орлы подлетѣли мы къ орудію въ то время, ког-

да Турки не успѣли еще уставить его порядочно. Тутъ откуда ни возмись прикрытіе, да къ намъ; мы приняли нехристей въ штыки и все таки идемъ къ пушкѣ. Градъ пуль посыпался на нашу роту; много убили нашихъ; но это все ни почемъ: — надо взять орудіе. Почитай у самой пушки высыпало сотни двѣ Турокъ, и пошла работа. Я однакоже съ пятью товарищами успѣлъ пробить себѣ дорогу къ орудію, когда канониръ собирался выстрѣлить, и ударилъ прямо на канонира. Меня какая то бестія хватъ Ятаганомъ по плечу и разрубилъ порядкомъ; однако я ловко пырнулъ его штыкомъ и вырвалъ фитиль у канонира, котораго одинъ изъ нашихъ гренадеръ сей часъ же положилъ на мѣстѣ. Вдругъ мнѣ пришло въ голову сыграть съ непріателемъ шутку. «Поворачивай, ребята, орудіе назадъ!» крикнулъ я товарищамъ. Ребята управляютъ штыками и поворачиваютъ пушку. Фитиль у меня

горѣлъ, я приловчился, да бацъ въ океаннѣхъ Турокъ ихъ же картечью. У! такъ и снизалъ человѣкъ пятнадцать. Тутъ уже подоспѣли наши. Смотримъ явился весь батальонъ и пошли въ штыки. Меня же отвели на перевязочный пунктъ. Кончивши дѣло, я уже сидѣлъ у палатки и ожидалъ пока сварятъ кашацу—хотѣлось перекусить послѣ работы,—какъ смотрю идетъ Главнокомандующій съ Генералитетомъ, и тутъ же нашъ полковникъ и ротный командиръ. Капитанъ указалъ меня Главнокомандующему. Я привсталъ и, какъ могъ, вытянулся. Фельдмаршалъ поздоровался со мною и говорить: «Поздравляю тебя унтеръ-офицеромъ и съ Егорьевскимъ крестомъ.» Я свѣта не взвидѣлъ отъ радости,—а Фельдмаршалъ собственно-ручно прицѣпилъ мнѣ крестъ къ шинели. Унтеръ-офицеръ замолчалъ. Егеря съ уваженіемъ смотрѣли на заслуженнаго старика, и каждый помолился въ душѣ, что-

бы и ему Господь Богъ послалъ подобный случай отличиться въ глазахъ товарищей. Долго еще бесѣдовалъ съ ними отставной унтеръ, рассказалъ имъ обратный походъ изъ Турціи и далъ много наставленій—какъ долженъ вести себя исправный солдатъ и въ лагерь и на квартирѣ. Егеря слушали его словно отца роднаго, и когда старикъ, попрощавшись съ ними, пошелъ въ городъ справиться кой съ какими дѣлишками,—они еще цѣлый часъ разговаривали между собою объ этомъ сѣдомъ гренадерѣ, который, имѣя лѣтъ 60 отъ роду, ходилъ бодро, молодцомъ—и хоть сей часъ готовъ со мѣтыкомъ на супостата.

Солнышко сѣло, товарищи разошлись; а наши знакомые, поужинавъ съ хозяевами, — улеглись на сѣновалѣ и знатно уснули до разсвѣта.

III.

АЙ ДА МОЛОДЕЦЪ!

Выросъ я, ребята на Волгѣ, и правду сказать, во всей деревнѣ немного было молодцовъ, которые справились бы со мною: и ловокъ былъ и удалъ, и дѣвушки говорили что красивъ; одинъ у меня былъ порокъ: голъ какъ соколъ и что называется ни роду ни племени. Лѣтъ до 20 шатался я по чужимъ угламъ, работалъ за двухъ, ѣлъ за четверыхъ, только никогда не высыпался въ волю: въ

малолѣтствѣ хозяева будили пинками, а подростъ— нужда будила.—Я зналъ что самъ долженъ былъ честнымъ трудомъ зарабатывать хлѣбъ насущный. Старики меня жаловали, товарищи любили, а красныя дѣвки на меня посматривали. Ну, извѣстное дѣло—мастеръ я былъ отхватать ли въ присядку, спѣть ли удалую пѣсню, перемахнуть ли въ душегубкѣ матушку Волгу въ бурю;—а это все не послѣднее дѣло въ глазахъ нашихъ молодущекъ. Но, сказавши правду, ни одна изъ нихъ неприходилось мнѣ по сердцу, чтобы этакъ зазнобила ретивое: съ той постоишь часокъ, съ иной два, а завтра опять съ иной.—Одѣвался я молодцомъ, жилъ у хорошихъ богатыхъ хозяевъ; старшихъ уважалъ, съ ровными обходился по братски. А если бывало какой нибудь хозяйскій сынокъ начнетъ чваниться, спѣсивиться и корить меня бобылемъ, аль какимъ другимъ художествомъ, такъ возьмешь его за во-

люсы т. е. этакъ что называется въ по-
волочку. Однимъ словомъ парень я былъ
хоть куда: никому не наступалъ на ногу,
да никому и у себя не позволялъ ѣздить
на носу. Вотъ разъ на первый день Свѣт-
лаго Христова Воскресенья собрался я
къ заутрени. Надо вамъ сказать что
нашъ отецъ Василій заболѣлъ, такъ у
насъ въ деревнѣ служенія небыло, а на-
родъ православный спѣшилъ въ другой
приходъ этакъ версты за четыре. Хо-
зяева мои поѣхали въ церковь, я же по-
думалъ: какъ въ такой праздникъ не ид-
ти, а ѣхать въ церковь! и хоть на по-
возкѣ было бы мѣстечко и хозяйская доч-
ка приглашала сѣсть рядышкомъ,—да я
поблагодарилъ покорно и побрелъ пѣш-
комъ. Ночь была темная, темная. Снѣга,
знаешь растаяли, почитай полемя было
уже сухо, только изрѣдка еще въ доли-
нахъ стояла вода; но кто зналъ дорогу,
можно было пройти, не замочивши по-
дошвы. Весело было идти по деревнѣ.

Вездѣ въ избахъ свѣтилось: кто затеп-
лил лампадку передъ образомъ, кто за-
жегъ восковую свѣчку, кто лучинку,—но
во всѣхъ окнахъ мелькалъ огонь, какъ
слѣдуетъ передъ такимъ важнымъ празд-
никомъ. Но вотъ я вышелъ за околицу,
и вѣрьте, братцы, мнѣ стало еще ве-
селѣе. Какъ то широко дышала грудь
въ темномъ дремучемъ лѣсу. Звѣздочки
словно приукрасились передъ свѣтлымъ
христовымъ Воскресеньемъ—и казались
маленькими окошечками, на лазоревомъ
небѣ. А тишь, тишь такая, что ни вѣт-
ка не щелохнется, ни ночная птица не
встрепенетъ крыломъ, только издали слы-
шенъ глухой гулъ народа, что разными
дорогами спѣшилъ въ церковь, да въ ни-
зу далеко матушка Волга шумѣла подъ об-
рывами. Я опоздалъ маленько и приба-
вилъ ходу. Почитай всѣ уже прошли,
развѣ запоздала какая старушенка, или
можетъ быть гдѣ нибудь еще тащился
хворый. Я уже доходилъ до перекрест-

на. Вдругъ слышу кто-то плачетъ и не то что плачетъ, а тужить словно по умершемъ. «Не случилось ли съ кѣмъ несчастья? подумалъ я, и спѣшу на голось. Надъ дорогой что то чернѣется. Подхожу ближе.

— Кто это? спрашиваю.

— Я, родимый, отвѣчаетъ тоненькій голосокъ.

— Да ты же кто?

— Параша.

Надо вамъ сказать что эта молоденькая дѣвченка была раскрасавица, но бѣдной вдовы дочь и служила со мной по сосѣдству, — тоже у зажиточнаго хозяина. Мы съ ней были знакомы, и не то чтобы такъ, знаете, заигрывалъ я съ ней когда нибудь, нѣтъ; да она и выглядывала еще ребенкомъ.

— Что же ты плачешь одна въ лѣсу, Параша? спросилъ я.

Она, бѣдненькая, едва могла промолвить слова за слезами.

— Случилось, говорить, несчастье, —
и еще пуще зарыдала.

— Эхъ, да что же такое?

— Нечего тебѣ и знать, потому что
не поможешь.

— Богъ не безъ милости, говорю я:
а тебѣ нечего сидѣть одной въ лѣсу да
плакать. Сегодня такой большой праздни-
къ! Крещеный людъ спѣшитъ къ за-
урени. Вставай! пойдемъ въ церковь,
помолимся Богу, а межъ тѣмъ дорогой
разкажешь мнѣ свое горе: умъ хорошо,
а два лучше.

Послушалась меня Параша, встала, и
мы пошли по дорогѣ. Мнѣ такъ стало
жаль бѣдненькую; незнаю чтобы готовъ
дать—пособить, бы ей.

— Въ чемъ же дѣло, Параша?

— Охъ, родимый, тяжелая бѣда! Ты
знаешь что я два года служила, ночей
недосыпала чтобы угодить хозяевамъ, и
ужъ такъ работала, такъ старалась,
что худаго слова не слыхала. Матушка,

знаешь, больна; братъ гдѣ то пропагъ безъ вѣсти: податей платить не кому. Вотъ матушка припелась онамедни и говорить: «Параша, голубушка, выручи изъ бѣды, возьми свое жалованье у хозяина» Богъ видитъ, говорить, я нехотѣла его трогать— пусть бы оставалось тебѣ на приданое; — но гдѣ же взять и мнѣ больной старухѣ?» И матушка начала плакать горькими слезами.— Не плачьте, матушка, говорю я: когда-то еще пойду я замужъ и пойду ли съ моею бѣдностью; а коли вы терпите нужду, я возьму свое жалованье,— а на праздники отпущусь въ гости къ вамъ и принесу. Такъ я и сдѣлала. Въ четвергъ попросила у хозяина деньги и сказала на что они мнѣ нужны. Хозяинъ уговаривалъ не брать, — но когда я рассказала какъ матушка нуждается, онъ вынулъ моихъ кровныхъ шесть цѣлковыхъ,—и отдалъ. Заверотивши ихъ въ бумажку я привязала ихъ къ кресту.

Тутъ Параша снова зарыдала.

— А сегодня, говорить она, всхлыпывая: погнала я коровъ въ поле, хлопотала возлѣ бѣлья, суетилась съ хозяйкой возлѣ куличей и незнаю, голубчикъ, гдѣ и какъ потеряла и крестъ и свои деньги.

Параша такъ жалобно заплакала, что у меня инда сердце поворотилось. Два года служила бѣдняжка, хотѣла помочь бѣдной больной матери, и все пропало.

— Съ чѣмъ же я теперь приду къ матушкѣ? Что ей скажу? и кто ей поможетъ моей родимой? О, Боже, Боже мой! Какъ же мнѣ не плакать и не убижаться! какъ же мнѣ не рыдать горемычной!

Въ это время ударили въ колоколъ. Не могу вамъ, братцы, рассказать: что дѣлалось со мною, а чудилось, что кто то говорилъ мнѣ съ неба:—помоги бѣдной сироткѣ. Правду сказать и я былъ не больно богатъ,—ну да вѣдь я полу-

— 10 —

чалъ двѣнадцать цѣлковыхъ въ годъ, да еще иногда подарочекъ, другой и собралъ таки копѣйку на чорный день. Кутить я и съ молоду не любилъ, стало быть и не растрчивалъ жалованья. Параша молчала. Я-вспомнилъ, что въ самомъ дѣлѣ мать у нея больная старушка, братъ негодяй, подушнаго платить некому: бѣдную вдову могутъ притѣснить, — а Параша будетъ плакать, убиваться, и пожалуй наложить на себя руки. Все это я подумалъ; когда же завидѣлъ церковь, которая въ темнотѣ блистала отъ свѣчей, у меня по тѣлу пробѣжала дрожь и какъ будто на глазахъ навернулись слезы. Самъ незнаю—какъ правая рука разстегнула кафтанъ, какъ я досталъ бумажникъ, что былъ привязанъ на шеѣ, и какъ нашелъ шесть цѣлковыхъ.

— Знаешь что, Параша! сказалъ я: — не все же на свѣтѣ злые люди, авось кто и поможетъ.

А она тяжело вздохнула, да и говоритъ:

— И, родимый, кто же поможет сиротѣ горемычной?

— А Богъ! говорю я.

— На Него Одного надежда; буду молиться со слезами чтобы помиловалъ.

— А матери больно нужны денежки? спрашиваю, самъ же не знаю какъ ей отдать шесть цѣлковыхъ.

— Какъ же не нужны, голубчикъ! говоритъ: не заплатитъ подушнаго, продастъ коровенку, а она только и живетъ скотинкой.

— Знаешь, Параша, сказалъ я: мы съ тобой жили ладно, не спорили не вздорили; ты же мнѣ, помнишь, и руку перевязала, какъ я разрубилъ топоромъ. Я самъ сирота; — но у меня есть зажитыхъ шесть цѣлковыхъ. Возьми и снеси матушкѣ, а Богъ дастъ заработаешь, — отдашь.

Она сердечная остановилась среди дороги и крѣпко схватила меня за руку.

— Полноте, Степанъ, говоритъ: грѣхъ издѣваться надъ бѣдною сиротой!

— Эхъ, какая же ты, Параша! Я вѣдь тебѣ говорю дѣло.

— Нѣтъ! И ты въ заправду пособишь?

— Вотъ те Богъ пособи! Возьми деньги сей часъ, только обѣщай одно.

— А что же надо-тъ обѣщать? спросила она не смѣлымъ голосомъ, и выпустила мою руку.

— А то, чтобы никто не зналъ этого: ты скажешь хозяину, что нашла деньги,—о нашей же встрѣчѣ ни гугу. И я отдалъ Парашѣ деньги.

Ужъ какъ она благодарила меня, какъ крѣпко обняла, поцаловала, и должно было сильно плакала, потому что когда мы пошли въ церковь, лицо мое было мокрошенько. Я земли подъ собой не слышалъ; молился усердно, а на душѣ было такъ свѣтло, какъ бы кто передъ нею зажегъ лампаду. Вотъ отошла обѣдня. Разсвѣло. Весь народъ христосуется, поздрав-

лаетъ другъ друга съ праздникомъ. Я тоже, какъ слѣдуетъ, поздравилъ старшихъ и пошелъ къ дѣвушкамъ. Смотрю п себѣ не вѣрю! Два села собралось въ церковь, а краше, пригожѣй Паранисиротки никого небыло. Чудо дѣвченка! румяная, бѣленькая; глазки блестятъ; сарафанчикъ на ней небогатый, да какъ то сидитъ ловко, платочекъ на головѣ шелковый. Ну, однимъ словомъ — ахти малина! Мы съ ней похристосовались, и признаюсь вамъ, что у меня словно кольнуло въ сердцѣ. Ну, отошла святая, добрые люди принялись жениться. Сговоръ за сговоромъ, свадьба за свадьбой! Присматриваюсь къ невѣстамъ, нѣтъ краше Парашини и только. Мы съ ней начали видѣться чаще — почитай стѣна со стѣной — сосѣди, такъ что уже кумушники начали шушунать межъ собою: что вотъ де бобыль женится на вдовьей дочкѣ и будутъ въ кулакъ трубить, да чужіе углы тереть. Услыхала это Параша и со сло-

зами сказала мнѣ, что нѣтъ ей черезъ меня проходу.

— А что же, Параша! говорю: чтобы люди недаромъ говорили — хочешь за меня замужъ.

Она покраснѣла какъ вишня.

— Незнаю, голубчикъ, говорить: у меня вѣдь ничего нѣту-ти.

И начала мять сарафанъ.

— Проживемъ какъ нибудь, говорю; а вотъ коли согласна, на будущей недѣли пришлю сватовъ.

Параша подняла на меня глазенки и какъ будто бы заглянула мнѣ въ душу.

— Я, говоритъ, давно уже люблю тебя, Степанъ, такъ какъ же бы незахотѣла быть твоей женою.

Я словно выросъ на два вершка, и въ ту ночь немогъ сомкнуть глазъ. Все чудилось, что у меня своя изба, что въ этой избѣ свѣтло, просторно, въ переднемъ углу образа, подъ образами дубовый столъ, на столѣ чистая скатерть,

каврига хлѣба и соль; что я сижу за этимъ столомъ,—а возлѣ меня молодая жена красавица. На другой день утромъ меня потребовали въ волость. Надо сказать, что я самоучкой портняжилъ и иногда въ домѣ Головы кое что шивалъ. Иду къ Головѣ. Меня отсылаютъ туже минуту въ округъ, оттуда въ губернію; а черезъ два мѣсяца я уже былъ Царскимъ слугой и шелъ съ партіей къ Херсону. Не успѣлъ даже попрощаться съ Парашей, не успѣлъ поклониться хозяину: такъ больно стѣсненно дѣлали добавочный наборъ;—а отъ суда былъ приказъ доставлять рекрутъ туже минуту по полученію бумаги. Ну, воля Божія, приказъ начальства,—и изъ рекрутъ скоро поступилъ въ полкъ. Служба далась мнѣ скоро; начальники полюбили; — товарищи же всегда и вездѣ дружили со мною. Не такъ скоро живетъ на свѣтѣ, какъ сказывается. Года два простояли мы въ Херсонской губерніи. Я писалъ въ свое

село къ прежнему хозяину, но письмо отъ него не приходило, — а мнѣ еще слѣдовали съ него деньженки. Жаловаться начальству не хотѣлось: коли честью не отдаетъ, то Богъ съ нимъ — не расживетъ изъ чужой трудовой копѣйки. Ходили мы въ Туречину, били, братцы, басурмановъ вездѣ на славу; а подѣ Силистріей я былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры, а подѣ Раховымъ былъ въ охотникахъ и досталъ крестъ — самъ полковой командиръ надѣлъ, ребята, и стало быть передъ полкомъ, да еще и подаловалъ въ голову. Спросите за что, братцы? неумѣю сказать: кажется же дрался не лучше другихъ — потому что охотники всѣ были молодцы — развѣ не за то ли что спасъ жизнь прапорщику, освободивъ его отъ двухъ Турокъ, да вырвалъ у одного бородача бунчукъ, да загвоздилъ пушку? Эка невидалъ! какой же порядочный гренадеръ не освободилъ бы своего офицера, не выхватилъ бунчу-

ка, не загвоздилъ пушченки, еслибы представился случай! Возвратясь изъ Турчины, мы пошли въ Крымъ и тамъ простояли долгенько. Двѣнадцать лѣтъ проходило какъ я не былъ на родинѣ. Нельзя сказать чтобы я скучалъ — въ службѣ скучать некогда: то ученье, то караулъ, то походъ, то чистка, то выправка рекрутъ, то на ординарцы, а тутъ и отдохнуть надо; — а не разъ грезилось родимое село и бѣдная горемычная Параша. Капитанъ очень меня жаловалъ и предобрѣйшій былъ начальникъ, теперь онъ никакъ служить въ Гвардіи полковникомъ. Однажды Его Благородіе спрашивалъ меня о домашней жизни и когда узналъ изъ какой я губерніи, и говорить: «Да мы на зиму идемъ туда, и штабъ полка въ твоёмъ уѣздномъ городѣ.» И говорить нечего, ребята, что я ждалъ недождался похода. Когда же мы пришли въ свою губернію, рота наша остановилась верстахъ въ 50 отъ моей

родины. Я попросился у канитана недѣльки на двѣ. Его Благородіе самъ не рѣшился отпустить меня, но, за исправную мою службу, исхлопоталъ мнѣ у батальоннаго командира отпускъ на 21 день. Собрался я, помолился Богу, и въ путь. Долго ли Гренадеру перемахнуть 50 верстъ! На другой день вечеромъ подходилъ я къ своему селу, но, признаюсь вамъ, ребята, ни передъ однимъ нигурмомъ не дрожали такъ колѣни, какъ задрожали, когда я завидѣлъ сѣрую колокольню изъ за лѣса. И не помню какъ очутился я въ околицѣ. Смотрю—нашего батальона четвертая рота здѣсь же;—стало быть солдатъ не въ диковинку. Иду себѣ по улицѣ и подумываю: а гдѣ же я остановлюсь на ночлегъ? вѣдь у меня ни роду ни племени. Деревня почитай не перемѣнилась; все какъ было двѣнадцать лѣтъ назадъ, только деревья повыросли, да кое гдѣ выстроились новые дворы. Вотъ я у воротъ прежняго

хозяина. Стучу. Молодой парень вышелъ
отворить. Я сей часъ призналъ его, хотъ
оставилъ мальчуганомъ лѣтъ 10 — звали
его Оомкой.

— Что те надо, служивый? спраши-
ваетъ.

— А вотъ хочу попроситься переноче-
вать.

— Тѣсновато, служба! А въ томъ не-
знаю, — надо бачки спрошать.

— Ну подь, спрошай! говорю, а самъ,
знаешь, какъ въ лихорадкѣ.

Погодя маленько вышелъ и Терентичъ.
Постарѣлъ и борода совсѣмъ посѣдѣла.

— Здравія желаю, говорю.

— Здравствуй, братъ кавалеръ.

— Позвольте переночевать!

— Нешто, говорить: только тѣсновато.

А я ему говорю:

— Нашему брату немного надо.

— Аль, не здѣшней роты?

— Не здѣшней, говорю, иду на по-
бывку.

— Ну, милости просимъ.

Вошелъ я въ избу. Бабы зажгли свѣчу. Смотрю хозяйка постарѣла; дѣтишки, что были маленькія, — повыросли. Ну, а во всемъ видѣнъ достатокъ.

— А что, служивый, говоритъ Терентичъ: можетъ быть съ дороги, того, щецъ, аль ушицы съ свѣжей рыбкой.

— Благодарствуемъ! А вотъ позвольте, ваша честь, я пошлю Ѳомку къ Данилычу, если здоровствуетъ.

Данилычъ стало быть въ мое время былъ цаловальникомъ.

— Какъ! Вы знаете Данилыча, да и моего сынишку?

Я не вытерпѣлъ и говорю:

— А присмотрись ко, Терентичъ поближе!

Онъ взглянулъ на меня и ахнулъ:

— Степанъ! Боже мой! Жена! вѣдь это Степанъ!

Хозяйка подбѣжала и давай плакать; дѣвушки оступили меня; Ѳомка тоже

подскочилъ. Ну, признаться ли, меня приняли какъ роднаго. Сей часъ же послали за нѣвнымъ, поставили ужинъ, и мы до полуночи пробалагурили. Цѣлый вечеръ хотѣлось мнѣ спросить о Парашѣ, да не смѣлъ какъ-то; а изъ нихъ никто о ней и не вспомнилъ. На другой день, отслуживши молебенъ, я повѣстилъ кое кого изъ знакомыхъ. Всѣ мнѣ были ради, вездѣ угощали. Послѣ обѣда я не вытерпѣлъ и спросилъ про Парашу. Давно, говорятъ, замужемъ въ сосѣднемъ селѣ; вышла за богатаго хозяина, живетъ припеваючи, и уже четверо дѣтокъ. Ну, ладно, вышла такъ вышла, а все таки щемило ретивое. Въ сосѣднемъ селѣ были у меня знакомые; — да какъ спросилъ я за кого вышла Параша, такъ мужъ ее мнѣ еще и съ родни приходился. Вотъ въ Воскресенье надѣлъ я мундиръ со всей кавалеріей, подобрался молодецомъ, подзабралъ усы, и пошелъ въ сосѣднее село къ обѣдѣ. Шелъ я

той самой дорогой, на которой подъ
Свѣтлое Христово Воскресенье встрѣтилъ
Парашу, и остановился на томъ мѣстѣ,
гдѣ она, рыдаючи, рассказывала мнѣ о
своемъ горѣ. Знаете, братцы, въ душѣ
зашевелилось что-то, инда въ глазахъ
зарябило. «Э! думаю: столько уже тому
лѣтъ!» махнулъ рукой, и скорымъ ша-
гомъ! Отслушалъ я обѣдню, но не ви-
дѣлъ Парашу. Встрѣтилъ одного знако-
маго и спросилъ гдѣ она обрѣтается.
Мнѣ указали на хорошій дворъ. Посту-
чался я въ ворота. Кудрявый мальчикъ
отворилъ, и, увидя меня, съ испугомъ
побѣжалъ въ избу. Смотрю на порогъ
показалась молодлица. Ну, вѣрите ли,
братцы, что въ 12 лѣтъ Параша нисколько
не измѣнилась, а сдѣлалась лучше,
красивѣе: такая молодлица, что ай—люли!

— Голубчикъ Степанъ! вскрикнула она
и схватила меня за руки.

— Здравія желаю, Прасковья Семе-
новна! какъ можете? какъ Богъ милуетъ?

... онъ Свѣта Богу! малости просить.

И Параша поблѣднѣла какъ положено
и и самъ тоже маленько зашатался. Дѣ-
лать нечего, иду въ избу. Неба чудован-
но чисто, богато, все прибрано; дѣтешки
вымыты, одѣты какъ съ иголки: — а
за столомъ сидятъ хозяйки — вѣнчикъ
дринца, сморчокъ, но видно, что малый
трудолюбивый. Мы поразговорились. Обо-
дись онъ со мною какъ нибудь, знаетъ,
изкоса, — я не простилъ бы ему; но онъ
сбѣгалъ за ерофеичемъ, упрасивалъ, пот-
чивалъ, рассказывалъ какъ жена вспо-
минала обо мнѣ, какъ всегда благодарилъ,
какъ учила дѣтей молиться за ме-
ня..... Я невытерпѣлъ..... глупая слеза
покатилась на усь. Параша была счаст-
лива. Радовался я, что Богъ послалъ ей
хорошаго человѣка; — а все братцы, было
досадно, что досталась другому.

Какъ то мы остались съ ней вдвоемъ.
Она заплакала и говорить, что во вѣкъ
не вышла бы замужъ, да мать умираетъ

съ голоду, ей случился богатый женихъ и хорошій хозяинъ.... Это еще нуще меня растрезожило.

Вотъ я черезъ день началъ заходить къ Парашѣ, а послѣ доню до того, что если не пойду, меня такъ и тянуть. Посидишь, побалагурить, и лгче. Нѣтъ, думаю себѣ: дѣла неладно! она чужая жена, мать четверыхъ дѣтей, мужъ у нее честный человѣкъ.....» Оставалась мнѣ еще недѣля до срока. Прихожу развѣ къ Парашѣ, сижу, балагурю какъ ни въ чемъ небывало;—а у самага, словно комки скребуть на сердцѣ. Повечерело. Я за фуражку.

— Куда же, голубчикъ? Повечеряемъ, говоритъ она.

— Благодаримъ покорно, говорю: надо еще къ здѣшнему фельдфебелю, зайти общалъ.

— Когда же къ намъ? спрашиваетъ.

— А вотъ скоро, отвѣчаю;—а слезы такъ и готовы брызнуть.

Помолился я на образа и говорю:

— Счастливо оставаться!

Параша проводила завороты.

— Ты что-то скученъ, голубчикъ Степанъ, говорить она несмѣлымъ голосомъ.

— Э, ничего, это тебѣ кажется.

— Ну, съ Богомъ!

Я отошелъ нѣсколько шаговъ и оглянулся. Параша все еще стояла на воротахъ....

Въ ту же ночь я простился съ хозяевами и пошелъ въ роту. На весну мы вышли въ походъ. Меня удостоили золотымъ шеврономъ. И вотъ я подумалъ: «у меня нѣту ни роду, ни племени — гдѣ мнѣ преклонить голову? Буду служить Царю пока есть силы, а постарѣю, — мало-ли на святой Руси мѣсть честному солдату? Чего мнѣ надо? Сытъ, обутъ, одѣтъ, жалованье хорошее; — а службу люблю больше всего на свѣтѣ.

И я уже больше не былъ на родинѣ.

IV.

УИДЕРА.

(Писано въ 1852 году).

Въ корпусной квартирѣ, куда обыкновенно собираются войска разнаго рода, однажды, праздничнымъ днемъ, на валу старой крѣпости сошлись Гусары, Уланы, Артиллеристы конные и пѣшіе, и матушка пѣхота. День былъ теплый, знаете, только что началась весна, вездѣ зелено, славно; народъ съ пѣснями гуляетъ по валамъ и надъ рѣкою. Солдаты не мѣшались въ толпы горожанъ, а разсѣлись себѣ на травкѣ—муравкѣ, закурили тру-

бочки и говорили о своихъ дѣлахъ, какъ это водится. Много было между ними старыхъ служивыхъ, сѣдоусыхъ богатырей, которые исходили бѣлый свѣтъ и стало быть повидали разныхъ диковинокъ на своемъ вѣку. Кружокъ собрался порядочный. Высокій Гусарскій унтеръ-офицеръ съ большимъ рубцемъ на лѣвой щекѣ, Уланскій вахмистръ съ серебряннымъ шеврономъ, молодеватый сѣдой фейерверкеръ съ широкимъ шрамомъ на лбу, и два пѣхотныхъ унтера сидѣли ~~особо~~; а возлѣ нихъ въ другомъ кружкѣ ~~сидѣли~~ пятнадцать солдатъ тоже разнаго рода оружія. Всѣ были въ шинеляхъ и фуражкахъ, только одинъ Уланскій вахмистръ въ курткѣ и при саблѣ — должно быть ходилъ къ начальству, да одинъ пѣхотный Артиллеристъ въ аммуниціи.

— Должно быть здѣсь была какаянибудь важная крѣпость, сказалъ Гусарскій унтеръ-офицеръ, набивая трубку.

— Не думаю, отозвался фейерверкеръ:

еслибы важная то и неуправдннли бы;—
да и укрѣпленія плоховаты.

— Противъ Бобруйска далеко! сказа-
лъ Гренадеръ, высѣкая огонь.

— Вотъ куда махнулъ! Да Бобруйскъ
первоклассная крѣпость! сказалъ фейер-
веркеръ.

— И въ Кіевѣ ничего! молвилъ рядо-
вой Егеръ изъ другаго кружка.

— И въ Кіевѣ ничего, сказалъ пѣхот-
ный унтеръ-офицеръ. Крѣпость, скажу
вамъ, будетъ великатная т. е. ни отку-
да нѣтъ приступа;—а орудія глядятъ во
все стороны, куда ни оборотись: ужъ
такъ хитро устроено, что вездѣ непріа-
тель подъ перекрестнымъ огнемъ.

— Да желалъ бы я знать, отозвался
Гусаръ: кто посмѣетъ къ намъ носъ по-
казать?

— Неровенъ часъ, отвѣчалъ фейер-
вернеръ: дуракамъ законъ не писанъ, — а
пьяному море по колену. Слышь ты за-
морская голь расходилась у себя такъ, что

люли; ну явится какой другой Бонапартъ и пожалуетъ къ намъ въ гости: надо же приготовить угощенья.

— Да еще какое! сказалъ пѣхотный унтеръ-офицеръ: щи изъ ядеръ и картечь, уху бомбовую, лапшу, пожалуй изъ сабель накрошимъ,—а киселя изъ стальныхъ трехгранныхъ штыковъ поднесемъ.

Всѣ ребята дружно захохотали.

— Хорошъ будетъ обѣдъ! проговорилъ молоденькій Артиллеристъ—небось непоздоровится отъ этакихъ кушаньевъ.

— Чѣмъ богаты тѣмъ и рады; а съ незваныхъ гостей будетъ и этого. Вѣдь Бонапартъ былъ умный человекъ....

— Что вы? съ ужасомъ сказалъ Егеря: онъ былъ антихристъ!

— Молчать! строго сказалъ Уланскій вахмистръ, поправляя крестъ: у тебя еще молоко на губахъ не обсохло, а пербиваешь заслуженнаго унтеръ-офицера да еще словно въ неправду вводишь. Коли что бывалый служивый рассказываетъ,

такъ молодому солдатику слѣдуетъ слушать, да на усь мотать; а какъ у тебя и ушишки то не отросли, такъ вбивай въ свою деревянную голову.

Рядовые вокругъ засмѣялись;—но унтеръ-офицеры не сказали ни слова.

— Да, ребята, продолжалъ Гусаръ: приходилось мнѣ не разъ слышать отъ своихъ офицеровъ, которые, извѣстное дѣло, всякія книжки читаютъ, что Бонапартъ былъ умный человекъ, что, видишь, такой главнокомандующій, что разбить его не всегда было легко, да и то развѣ Русскому войску. Но, видите ли, онъ какъ сдѣлался Императоромъ, такъ уже больно загордился и подумалъ, что и насъ сожметъ въ кулакъ какъ Нѣмцевъ и Итальянцевъ. Анъ тутъ-то и ошибся! Зашелъ въ матушку Россію, а выдти было трудновато, какъ начали угощать да провожать незваного гостя.

— Вы сражались съ Французомъ? спросилъ молодой Артиллеристъ у Гусара.

— Нѣтъ братъ, я былъ тогда еще мальчишкой; — но помню какъ у насъ въ Калужской губерніи мужики, даже бабы колачивали французскихъ мародеровъ.

— Вотъ бы послушать про эту войну!

— Разсказать то некому. У насъ въ полку есть книжки и называются они: Чтеніе для солдатъ. Тамъ много писано о войнѣ 12 года.

— Я грамотной. Какъ бы достать этой книжки!

— Гдѣ же теперь ее взять? Когда я опредѣлился въ полкъ, у насъ почти всѣ солдаты помнили еще эту войну, и то то любо бывало, соберемся гдѣ нибудь, а они и начнутъ разсказывать: слушатели не наслушаешься.

— А вы же въ какихъ бывали сраженіяхъ?

— Былъ я и въ Турецкой компаніи и противъ Польскихъ мятежниковъ; — а сражений всѣхъ не припомню сразу; знаю только что три раза былъ раненъ: пу-

лей въ ногу, правой въ бокъ, а саблей турецкій наводчикъ расписалъ левую щеку.

— Какъ же это онъ зацѣпилъ насъ? спросилъ Уланскій вѣхмистръ.

— Пошли въ атаку, слыли орду и чужаки ее по полю. Я какъ-то сильно подался впередъ и заѣхалъ въ толпу. Одинъ наводчикъ оборотился, и когда я собирался сбить ему челму, чтобы, знаете, заѣхать въ бритую башку половчѣе, онъ и полоснулъ меня своей кривой саблей. Дѣло очень простое. А вотъ отчего у васъ на лбу шрамъ? спросилъ Гусарь у сѣдаго фейерверкера.

Фейерверкеръ вынулъ изъ рта трубку, плюнулъ, закурилъ снова и поправилъ рукой фуражку.

— Тоже дѣло было очень просто, сдѣлать онъ. Подъ Силистріею мы сдѣлали съ Турками. Нашему дивизіону было отдано приказаніе: выскатъ на позицію и попотчивать доброй картечью толпу

Янычаръ. Мы и выскакали, съ передковъ долой и пошла потѣха! Прикрывалъ насъ эскадронъ Уланъ. Вдругъ непріятель ударилъ на сосѣдній съ нами полкъ, за-скакавши съ праваго флангу, такъ что намъ нельзя уже было стрѣлять, потому что мы могли вредить своимъ;—а пока начальникъ сдѣлалъ распоряженіе,—сотни двѣ Янычаръ бросилось къ намъ на орудія, Поручика нашего сей часъ же убили изъ пистолета. Прапорщикъ остался старшимъ. Уланскій Ротмистръ бросился съ эскадрономъ въ атаку; но нѣсколько десятковъ Турокъ окружили пушки. Тогда наши Артиллеристы — сабли вонъ, и въ дѣло! На меня наскакали двое. Одного я сей часъ же полоснулъ по носу, такъ что онъ и свалился съ лошади; но не успѣлъ отбиться отъ другаго, который рубнулъ меня по головѣ. Отъ смерти спасла фуражка, а только недѣли три я провозился съ разрубленною головою, рана пустая.

— Чѣмъ же кончилось дѣло-то?

— Обыкновенно чѣмъ: черезъ четверть часа перерубили половину Янычаръ, а другую взяли въ плѣнъ.

— Что же вы получили за это? спросилъ молоденькій пѣхотинецъ.

— За что? за это? За такія дѣла, братъ, получать ничего не слѣдуетъ. Я дрался какъ должно храброму солдату, какъ дрались всѣ мои товарищи, и несдѣлалъ особеннаго отличія. Если бы живъ былъ нашъ покойный капитанъ, что убили подъ Браиловымъ, — еще погонялъ бы порядкомъ за то, что не умѣлъ отбить удара. Любилъ покойникъ чтобъ Артиллеристъ умѣлъ фехтовать, и знатно насъ школилъ.

— Вотъ это дѣло! отозвался Уланскій вахмистръ. У кавалериста первое оружіе — сабля и пика; пуля на конѣ не всякаго послушается; пикой и саблей умѣй владѣть съ толкомъ. Примѣромъ выѣдешь во фланкеры, выстрѣлилъ — и то

близко — по неприятелю, папалъ не-по-
целъ, карабинъ на панталеръ, самъ за
пиду или за саблю.

— Штыкъ будетъ половчѣе! сказалъ
нѣкотный унтеръ-офицеръ.

— Всею своя пора, почтенный! ска-
залъ Гусаръ, выколачивая трубку. Нѣ-
хотинцу—штыкъ отецъ родной,—а ка-
валеристу сабля—матушка.

— Да я со штыкомъ не подпущу и
близко кавалериста.

— Если ты стоекъ, — не подпустишь;
но если хоть маленько сробѣешь, да не
умѣешь ловко управлять штыкомъ, а ка-
валеристъ молодецъ: — такъ онъ искро-
шитъ тебя на капусту.

— Молода въ Саксоніи небыла! ска-
залъ пожилой Гренадеръ, молодцомъ за-
ломавъ фуражку.

— Случалось, братцы, всего, оттого
я и говорю такъ смѣло. Вѣдь ты слы-
халъ, любезный, что я сказалъ: надо

быть молодцомъ пѣхотинцу, чтобы не бояться.

— Ну, конечно молодцомъ! Да и какой же Русскій пѣхотинецъ не удалецъ первого сорта?

— Кто и говорить объ этомъ! Недаромъ же Русскую пѣхоту считают первой пѣхотой въ свѣтѣ. Но не удного же только Русскаго пѣхотинца ружье со штыкомъ.

— Справедливое сужденіе! отозвался пѣхотный Унтеръ-офицеръ. Русскій Солдатъ молодецъ; — а узнать кто изъ нихъ удалѣе: Конница или пѣхота — никакъ нельзя.

— Умно сказано, отозвался фейерверкеръ. А я думаю, что и Артиллерія наша молодецъ!

— Ну, ужъ это всѣмъ давно извѣстно! сказали ундера, улыбаясь, почитай въ одно время.

— Ужъ охулки на руку не положимъ, продолжалъ фейерверкеръ: подбить жѣ

лафетецъ, взорвать ли зарядный ящикъ — только подавай.

— Да вѣдь вы во всемъ собаку съѣли, сказалъ Гусарь, обращаясь къ фейерверкеру: ужъ я и не говорю о вашей стрѣльбѣ, да вы и на конѣ, съ позволенія сказать, просто дьяволы.

— На томъ стоимъ. Намъ и нельзя иначе, почтенный: конному Артиллеристу неприходится плохо ѣздить. Вспомните-ка сколько разъ придется намъ слѣзть съ лошади и вскочить на нее.

— Такъ, такъ! и все это у васъ кипить, ажно посмотришь любо.

— Да и лошадки у насъ ничего.

— Ужъ вѣстимо ничего.

— Я все думаю, началъ молодеватый пѣхотинецъ: зачѣмъ это есть конная Артиллерія? Вѣдь не разъ я видѣлъ, какъ въ пѣшей вся прислуга садится на орудіе и поспѣваетъ куда надо.

— Эхъ, ты годовая! отвѣчалъ, улыбаясь фейерверкеръ. Пѣшая же Артилле-

рія всегда при пѣхотѣ, такъ мудрено ли что поспѣваетъ за вами, какъ бы вы ни шли бѣглымъ шагомъ; и далеко ли ей приходится выѣзжать на позицію! Что же дѣлала бы пѣшая Артиллерія, если бы состояла при Уланской или при Гусарской бригадѣ, а бригада понеслась версты двѣ, три на рысяхъ? Ты развѣ не замѣтилъ, что у насъ подъ батарейными орудіями по 8, а подъ легкими по 6 лошадей, да и лошади-то какъ змѣи!

— А! Вотъ оно что!

— То то же. При атакѣ мы впереди угощаемъ ядрами иль картечью — чѣмъ понадобится; при отступленіи мы назадъ: хватимъ картечью такъ, что у непріятеля въ глазахъ потемнѣетъ, отскачемъ, да и опять съ передковъ долой.

— А все таки въ сраженіи въ первый разъ должно быть страшиновато? отозвался несмѣло молодой солдатъ.

— Коли хочешь, сказалъ Уланскій вахмистръ, который до сихъ поръ говорилъ

очень мало: въ первый разъ въ сраженіи не то что страшновато, а такъ, примѣромъ, какъ еслибы ты раздѣлся на берегу рѣки, да и бултыхнулъ прямо въ холодную воду. Но это не долго, и лучше сказать, когда еще далеко непріятель, а какъ пошли въ дѣло....

Тутъ вахмистръ махнулъ рукой и началъ закручивать свой сѣдой усъ.

— Вѣдь вы были въ Турецкой кампаніи? спросилъ у него фейерверкеръ.

— Наша дивизія, почитай съ коня не сходила: мы состояли при 7 пѣхотномъ корпусѣ, — а начальникомъ дивизіи былъ у насъ генералъ-маіоръ Рейтернъ. Эхъ, братцы, вѣдь мы первѣдывались съ врагомъ въ присутствіи самого Государя Императора.

— Какъ? посылались вопросы.

— Это было при осадѣ Браилова. Государь изволилъ провести съ нами нѣсколько дней, и въ Его присутствіи открыли огонь съ огромной батареей, ко-

торую сработали въ 150 саженьяхъ отъ крѣпости. Его Величество извоилиль стоять на курганѣ, и нѣсколько непріятельскихъ ядеръ упало тутъ же въ низу недалеко. Но Государь не обратилъ на это ни какого вниманія.

— Онъ зналъ, что Богъ сохранить Его, ребята.

— Да развѣ же могло быть иначе? И признаюсь вамъ, братцы, никогда не чувствовали мы такой храбрости, какъ въ присутствіи Его Величества. Да вотъ какъ: прикажи Государь одному эскадрону взять крѣпость, кажется, мы верхомъ взлетѣли бы на валы; даже лошади рвались впередъ; раненые умирали, говорили что имъ и смерть красна. А ужъ какъ Императоръ награждалъ храбрыхъ и раненыхъ—истинно по Царски. Одинъ рядовой Казанскаго пѣхотнаго полка *Калыкинъ*, въ то время, когда цѣлилъ изъ ружья, при занятіи форштата, самъ подвернулся подъ Турецкій пушечный

выстрѣлъ, и ему ядро оторвало обѣ руки. Лекаря перевязали и говорятъ—будетъ живъ. Оно хорошо жить—да что дѣлать-то безъ рукъ! Доложили Государю. Его Величество сей часъ же изволилъ пожаловать ему Егорія, денегъ, пансіонъ по смерти въ 300 рублей—по тогдашнему ассигнаціями; приказалъ отправить *Колякина* на родину и отправить съ надлежащимъ присмотромъ. Этого мало: Батюшка Государь изволилъ повелѣть — написать къ губернатору той губерніи, гдѣ пожелаетъ жить раненый: что если у *Колякина* не окажется родныхъ, которые моглибы за нимъ присматривать, то назначить къ нему честнаго хорошаго инвалида.

— А каково?

— Да ужъ Государь, коли пожаловать, такъ пожалуетъ.

— А еще я помню другой случай. Какой то офицеръ былъ удаленъ изъ службы за какіе ни на есть проказы. Вотъ,

какъ открылась война, онъ бѣдняга оцѣмнися и пошелъ служить простымъ солдатомъ. Разумѣется, ужъ коли офицеръ пошелъ простымъ рядовымъ, то дрался храбро; всегда былъ впереди, и лишился ноги на одной стычкѣ. Когда о немъ доложили Государю, Его Величество сей часъ же изволилъ пожаловать ему солдатскаго Егорія, возвратилъ эполеты, наградилъ деньгами, приказалъ оставить ему все жалованье, уволить домой и на проѣздъ дать покойный экипажъ. Кромѣ этого милосердый Государь повелѣлъ написать къ отцу раненаго, что сынъ его кровью смылъ свой проступокъ и заслужилъ прощеніе и награду.

Вотъ ужъ это по царски!

— Да что тутъ толковать, ребята! одинъ Богъ на небѣ, одинъ на землѣ— Русскій Царь!

— Ура! дружно крикнули унтеръ-офицеры и солдаты, снявъ фуражки.

Послѣ этого не вышло уже больше
другихъ рассказовъ; и товарищи отпра-
вились каждый къ своему мѣсту.

У.

ВЪ СТО В О И.

Ничего нѣтъ постыднѣе для солдата, какъ побѣгъ, что надо правду сказать весьма рѣдко случается въ Русской Арміи. Но хотя въ годъ въ иномъ полку найдется и одинъ подобный случай, однако лучше, еслибы и этого не случилось. Каждый, ребята, изъ васъ знаетъ что побѣгъ преступленіе; что виновнаго ожидаетъ строгое наказаніе; что на бѣглеца, какъ бы онъ послѣ ни раскаялся,

смотреть какъ на человѣка, который измѣнилъ присягѣ и оскрамилъ славное, благородное званіе солдата. А, вѣдь, подумаешь, изъ за чего происходятъ эти казіи?... такъ, съ дуру, какъ говорится, аль съ жиру, отъ праздности и дурныхъ привычекъ.

Кто Богу не грѣшенъ, Царю не виновать! Праведниковъ не много; да, вѣдь, на что же далъ Богъ человѣку разсудокъ, какъ не для того, чтобы при случаѣ раскинуть умомъ разумомъ. У каждаго, братцы, въ головѣ есть своя смѣлка. До поступленія на службу, примѣромъ, ты любилъ придерживать чарочки, аль руки чесались, если видѣлъ что чужая вещь лежала плохо, аль привыкъ валяться на боку и транжирить отцовскую копѣйку.... ну, Богъ съ тобой, на твою прежнюю жизнь никто не оглянется; но чуть надѣлъ солдатскую фуражку: стой, ровняйся! отряхни всѣ дурныя привычки, какъ отряхаешь пыль

съ сапоговъ, коли входишь въ церковь, и смиренно! Помни, что солдатъ—защитникъ Престола, Вѣры и Отечества; что на солдата полагается Государь, какъ на вѣрнаго слугу; что солдату повѣряются подъ часы и церковь святая и казна Государева, и спокойствіе народа. Что же послѣ этого, если солдатъ свихнетъ съ прямой дороги? Да ему непридумаешь за это наказанія! Какъ? Защитникъ Отечества самъ пускается на злое, самъ преступаетъ законъ?... Слава Богу, мало, братцы, у насъ такихъ примѣровъ; но въ семьѣ не безъ уродовъ, а нашей военной семьи, кажется въ день не перечесть. Вотъ и случается, что въ томъ или другомъ корпусѣ иной богоотступникъ выметываетъ штуку. Конечно, это ему не проходитъ даромъ: рано или поздно, каждый получаетъ по заслугамъ. Въ службѣ шутить нелюбятъ, начальство—съ добрыми ласково и снисходительно, а съ негодяями расчетъ короткій: батальонъ въ

дѣй перенги, руки къ прикладу, и изволь
себѣ прогуливаться по лозовой дорожкѣ.
Небойсь, хорошо!

Разные бываютъ проступки; но нѣтъ
ничего хуже и постыднѣ побѣга: это
уже самое послѣднее. Здѣсь кстати ввер-
нуть словцо: обращаюсь къ вамъ, ста-
рые, опытные служивые. Знаете ли, что
по большей части на вашей душѣ есть
не много грѣха, если молодой, небыва-
лый солдатъ забываетъ долгъ службы и
замыслить побѣгъ. Вы скажете: да мы
то что причиною? А вотъ что. Посту-
пить, примѣромъ, въ полкъ молодой рек-
рутъ, который въ крестьянствѣ, знаете,
былъ не много и на руку нечистъ, и
чарочки придерживался, и съ дѣвчонъ
былъ знакомъ: ваше дѣло поприсмотреть
за нимъ на первыхъ порахъ, да втол-
ковать новичку ласково, по отечески,
что «дескать, другъ любезный, ты въ
полку забывай свои дурныя привычки;
здѣсь, братъ, свои правила. У насъ, мать;

недолжно быть ни какой вины, потому что за самую малую взыщется строго, да если наказаніе запишутъ тебѣ въ формуляръ, такъ и отставки никогда не получишь.

Новичекъ, почитай, дуракъ или, лучше, сказать, малый ребенокъ; ему все незнакомо: онъ въ цолку, какъ въ лѣсу. Иной, пожалуй, подумаетъ, что послѣ ученья, какъ послѣ полевой работы, можно зайти въ кабакъ и нализаться, а того не знаетъ, что какъ поступилъ въ солдаты, такъ глотка его уже дѣлается казенною, куда пѣнное входитъ только по приказу начальства; а чуть хватидъ самовольно, такъ водочка сей часъ же выступитъ на лицо и обличитъ молодчика. Вотъ что опытному солдату надо стараться вселять новичкамъ. Я уже сказалъ, да вы и сами знаете, что побѣги у насъ рѣдки, слава Богу; но мнѣ кажется, ихъ было бы меньше, еслибъ старые служивые поставили себѣ пердъ

вымъ долгомъ — показать рекруту чего онъ долженъ остерегаться. Провинился ли новичекъ, и сказать ему, чтобы сей часъ же шелъ и доложилъ фельдфебелю или вахмистру, что, молъ «я виноватъ» и что ему же будетъ лучше. Проступокъ даромъ не пройдетъ, но кто кается, того накажутъ въ половину. Въ томъ то и все зло, что солдаты иногда думаетъ: «авось не узнаютъ». Какъ же можно чтобы ротный, эскадронный или батареинный командиръ не зналъ, что сдѣлалось у него въ ротѣ, эскадронѣ или батареѣ? Да, примѣромъ, ты выпилъ, одинъ, въ тихомолку гдѣ нибудь лишнюю чарочку, закусилъ кажись, такъ, что и не слышно, и встрѣчаешься съ командиромъ: вѣдь ты самъ чувствуешь, что и глаза-то у тебя смотрятъ иначе, и какъ будто дрожь пробираетъ, — а это все командиръ и замѣтилъ. Отъ копѣчной свѣчки Москва загорѣлась, такъ бываетъ и съ человѣкомъ: отъ малости доходить дѣло и до

большаго. Солдаты потерялъ казенную вещь и скрылъ на время, какъ нибудь, пропажу; онъ и въ другой разъ не бережется, снова потеряетъ, и если нельзя скрыть, иной молодчикъ старается подтибрить ее у товарища.... а тамъ, смотри, стащить что нибудь на сторонѣ, и — пошла писать! Вотъ эти-то негодяи забираютъ дурь въ голову, да и тягу! А долго, небойсь, и выходитъ. Поймаютъ молодца, да на веревочку, тамъ въ тюрьму, оттуда, разузнавъ, поведутъ въ кандалахъ къ полку, прогонятъ сквозь строй, и что же хорошаго! Эхъ, больно даже говорить объ этомъ! Нѣтъ, ребята, чтобы кто ни сдѣлалъ, ненарочно ли, съ умысломъ ли, — ступай сію минуту и повинись. Пусть лучше накажутъ дома, потому что послѣ домашняго наказанія нѣтъ и помину, а если ты, какъ слѣдуетъ Христіанину, раскаялся, такъ ни кто тебѣ вины и въ строку не поставитъ.

Стоялъ я однажды въ караулѣ. Дѣло было вечеромъ послѣ зари. Сажу себѣ въ караульной комнатѣ, какъ слѣдуетъ исправному офицеру и читаю книгу. Солдаты у меня были молодцы, унтеръ-офицеры собаку съѣли; арестантовъ, слава Богу, ни одного, и я себѣ и въ усъ не дулъ, что называется, а только наблюдалъ, чтобы смѣны и приходили и уходили по уставу, да чтобы часовые не дремали. Вѣстовой у меня былъ малый расторопный. Захотѣлось мнѣ маленько закусить.

— Вѣстовой!

— Сей часъ, Ваше Благородіе.

— Нѣтъ ли у насъ чего поѣсть?

— Ни какъ нѣтъ, Ваше Благородіе! Отъ обѣда оставалось полкурицы, да вы уронили на полъ.

— А хлѣбъ?

— И хлѣба нѣтъ.

— Поди же въ караульную, да попро-

си мнѣ у ребятъ ржаного, и поставь самоваръ: я напьюсь чаю.

— Слушаю, Ваше Благородіе.

Вѣстовой поворотился на лѣво-кругомъ, побѣжалъ, а черезъ четверть часа принесъ мнѣ кипящій самоваръ и добрый ломоть хлѣба.

— Трубачъ, Ваше Благородіе, своего прислалъ: ему, говоритъ, хозяйка недавно ужинать приносила.

— Ну, поблагодари трубача.

Солдаты, спасибо, любили меня, а я всегда, еще съ юнкерскаго чина, любилъ съ ними побалагурить. Служба-службой, дружба-дружбой. Было мнѣ немножко скучно. Налилъ я стаканъ чаю и далъ вѣстовому. Онъ хотѣлъ было идти пить въ караульню, но я приказалъ ему остаться въ дежурной комнатѣ.

— Нут-ка, Василенко, расскажи чтонибудь.

— Что прикажете, Ваше Благородіе?

— Да что самъ знаешь.

— Не могу знать, Ваше Благородіе! въ походахъ не бывалъ, сраженій невидалъ, и всего 7-й годъ на службѣ. А вотъ, осмѣлюсь спросить Ваше Благородіе.

— Что такое?

— Третьяго дня гоняли сквозь строй рядоваго 5-го эскадрона за побѣгъ: останется ли онъ въ полку, али пойдетъ въ арестантскія роты?

— Останется въ полку, потому что это первый побѣгъ; но ему запишутъ наказаніе въ формуляръ и не вымараютъ штрафа пока исправной службой и примѣрнымъ поведеніемъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, не заслужитъ Высочайшаго прощенія.

— Я спросилъ Ваше Благородіе потому, что самъ покушадся было на побѣгъ—лукавый попуталъ; но, благодаря Бога, одумался во время.

— Какъ? ты покушадся на побѣгъ.

— Истинно такъ, виноватъ, Ваше Благородіе. Это было въ первый годъ моей службы; вы еще не изволили опредѣляться въ полкъ. Я изъ мѣщанъ, и баловникъ былъ ужасный. Съ полгода ходилъ я въ школу, но отецъ взялъ меня домой, и я помогалъ ему по хозяйству. За мною не водилось пороковъ, чтобы, примѣромъ, воровать, аль буянить, или залить за галстухъ; нѣтъ, я былъ только баловникъ, да любилъ поваляться на солнышкѣ, а зимой полежать на печкѣ. Поступивши на службу, я сей часъ же смѣкнулъ, что здѣсь держи ухо востро, не смѣй уваливать, а будешь вести себя хорошо, и тебѣ будетъ разотлично. Сказать правду, Ваше Благородіе, и ѣзду я скоро понялъ: почитай, мѣсяцевъ шесть гоняли на кордѣ, а послѣ уже ѣздилъ въ смѣнѣ, и разъ эскадронный командиръ молодцомъ назвалъ. Съ товарищами во взводѣ жилъ я ладно. Надобно сказать, Ваше Благородіе, отецъ мой

честными трудами разбогатѣлъ и, бываю, иной разъ придетъ цѣлковыхъ десять: такъ не безъ того, что и угостишь товарищей. Нето, чтобы у насъ водилось пьянство, а такъ, въ праздники, послѣ обѣдни, приготовимъ закусочку. Все было хорошо; я привыкъ къ службѣ, словно родился солдатомъ, а когда мнѣ дали лошадь, такъ приучилъ своего Аннибала, что онъ чуть заслышитъ мой голосъ, начнетъ ржать и бить въ землю копытомъ. Взводный вахмистръ нашъ Макаръ Андреичъ Синица—онъ уже въ отставку — былъ ужасъ какой строгій, стало быть взыскивалъ за малѣйшую не исправность и довелъ взводъ до того, что, кажись, не было взвода исправнѣе въ цѣломъ полку. Встаетъ куда еще до разсвѣта, и пошелъ по всѣмъ конюшнямъ смотрѣть, все ли какъ слѣдуетъ? Одинъ разъ, уже не помню какъ, я позабылъ замкнуть хвостъ Аннибалу: не то что полѣнился, ей Богу нѣтъ, а просто попуталъ лука-

вый. Вахмистръ сей часъ же увидѣлъ и вытянулъ меня раза три бичемъ. «Это, говоритъ, на первый разъ, а если еще когда замѣчу, такъ доложу Корнету, будетъ тебѣ плохо.» Почитай съ тѣхъ поръ вахмистръ началъ присматривать за мною. Не прошло мѣсяца — это было осенью, какъ у хозяина моего случилась свадьба: дочь выходила за мужъ. Мы долго гуляли, танцовали и веселились. На другой день мнѣ доставалось выходить въ караулъ. Не помолясь Богу, словно нехристь какой, легъ я спать и за это проспалъ долгонько. Меня разбудилъ ефрейторъ. — «Ступай, говоритъ, къ вахмистру.» Ни живъ, ни мертвъ иду къ Макару Андреичу.

— Хорошо, говоритъ онъ, Василенко, такъ и слѣдуетъ исправному солдату! Учись, учись, любезный, говоритъ, просыпать очередь, забывать приказанія. На твое мѣсто я уже нарядилъ другаго, а ты ступай-ка умой рожу, да являйся

сей часъ, пойдѣмъ къ Корнету. Пусть уже Его Благородіе съ тобой раздѣляется....

Говорить было больше нечего. Я пошелъ на квартиру, умылся, и, вмѣсто того, чтобы явиться, какъ слѣдъ честному солдату съ повинной къ начальству и послѣ стараться примѣрнымъ поведеніемъ загладить вину, я, простите, Ваше Благородіе, задумалъ недоброе дѣло и, черезъ огороды, въ лѣсъ! На какой конецъ я это дѣлалъ, самъ незналъ сначала; шелъ куда глаза глядѣли и опомнился уже въ труппѣ — этакъ версты за двѣ отъ деревни. Хлѣба у меня было на цѣлый день, я завалился подъ кустами, поѣлъ и легъ спать. Проснувшись къ вечеру, я началъ подумывать: что это я сдѣлалъ? Инда морозъ по кожѣ. Какъ? стало быть я бѣглецъ, послушникъ! Куда же я пойду? Да, вѣдь, я теперь хуже вора; не смѣю ни кому на глаза показаться.... Пробрался я къ опушкѣ.

Смотрю, наши сводятъ подъ гору лошадей къ водопою. Слышу, мой Аннибалъ ржетъ: я узналъ его по голосу.... Такъ бы и легълъ назадъ.... Но страшно! теперь уже накажутъ строже; это уже не то, что просналъ лишній часъ, а я ослушался вахмистра, бѣжалъ изъ взвода. Боже мой! да за чѣмъ же я это сдѣлалъ? Вѣдь меня никто не притѣснялъ, я самъ кругомъ виноватъ; изъ за чего же я погубилъ душу и на этомъ и на томъ свѣтѣ? Дезертиру нѣтъ нигдѣ мѣста: домой явиться нельзя, остается одно: начать разбой, пока гдѣ нибудь не схватятъ. Нѣтъ, пойду лучше во взводъ! А что же мнѣ теперь будетъ? И, вѣрьте, Ваше Благородіе, цѣлую ночь не только что глазъ несмыкалъ, лежалъ въ лихорадкѣ. На утро голова у меня горитъ, во рту сухо, едва могу пердвигать ноги. Только что заря занялась, въ деревнѣ начали благовѣстить.... Я опомнился и сталъ плакать такъ горько, какъ еще никогда

въ жизни; плакалъ я долго, и, наконецъ, съ этими слезами вытекло изъ души все, что въ ней было грѣшнаго. Мнѣ стало легче, я перекрестился и маршъ домой, да не заходя въ квартиру, а прямо-хонько къ Макару Андренчу. Вахмистръ не серчалъ ни малю, когда меня увидѣлъ. Я повинился и говорю, что готовъ хоть сей часъ на какое угодно наказаніе.

— Теперь, говоритъ, вахмистръ, я уже не имѣю надъ тобою никакого права: я доложилъ корнету, и ничего не могу.

Раздумывать было нечего, ту же минуту отправился я къ корнету. Вѣрите ли, Ваше Благородіе, корнетъ такъ говорилъ со мной, какъ самый добрый отецъ: я не могъ удержать слезъ.

— Ты, говорилъ Его Благородіе: молодой солдатъ и непонимаешь какое сдѣлалъ преступленіе. Но видно еще милосердый Богъ не покинулъ тебя, когда ты самъ явился. Простить я тебя немогу и не долженъ, но, если ты дашь мнѣ

оно не исправится, постараюсь облегчить твоё наказание. Сступай сей часъ къ Смирненнику, принеси покаяніе во всеміи и отпривидѣйся къ Сборную, до приказанія.

Послѣ этого случая никогда уже я не заслуживалъ косаго взгляда; но день пречоденный въ бѣгахъ, кажется, до гроба не выйдетъ у меня изъ памяти, — и если есть у меня тяжкое горе на душѣ, такъ это моя вина передъ Богомъ и передъ начальствомъ. Я былъ наказанъ, Священникъ простилъ меня, начальство позабыло мой проступокъ, товарищи никогда не корили; но совѣсть говорить что я крѣпко былъ виноватъ, и врядъ ли заслужу полное прощеніе. А если, Ваше Благородіе, случается, что какой нибудь несчастный забудетъ Бога и бѣжить, а послѣ поймаютъ его и поведутъ сквозь строй, я дня два послѣ этого самъ не свой, какъ подумаю, что и я былъ виноватъ отъ такого наказанія.

Здѣсь умолокъ мой вѣстовой, и лицо

его говорило, что въ душѣ творилось именно то, о чемъ онъ рассказывалъ: видно было, что, несмотря на столько лѣтъ,—совѣсть все еще угрызало его.

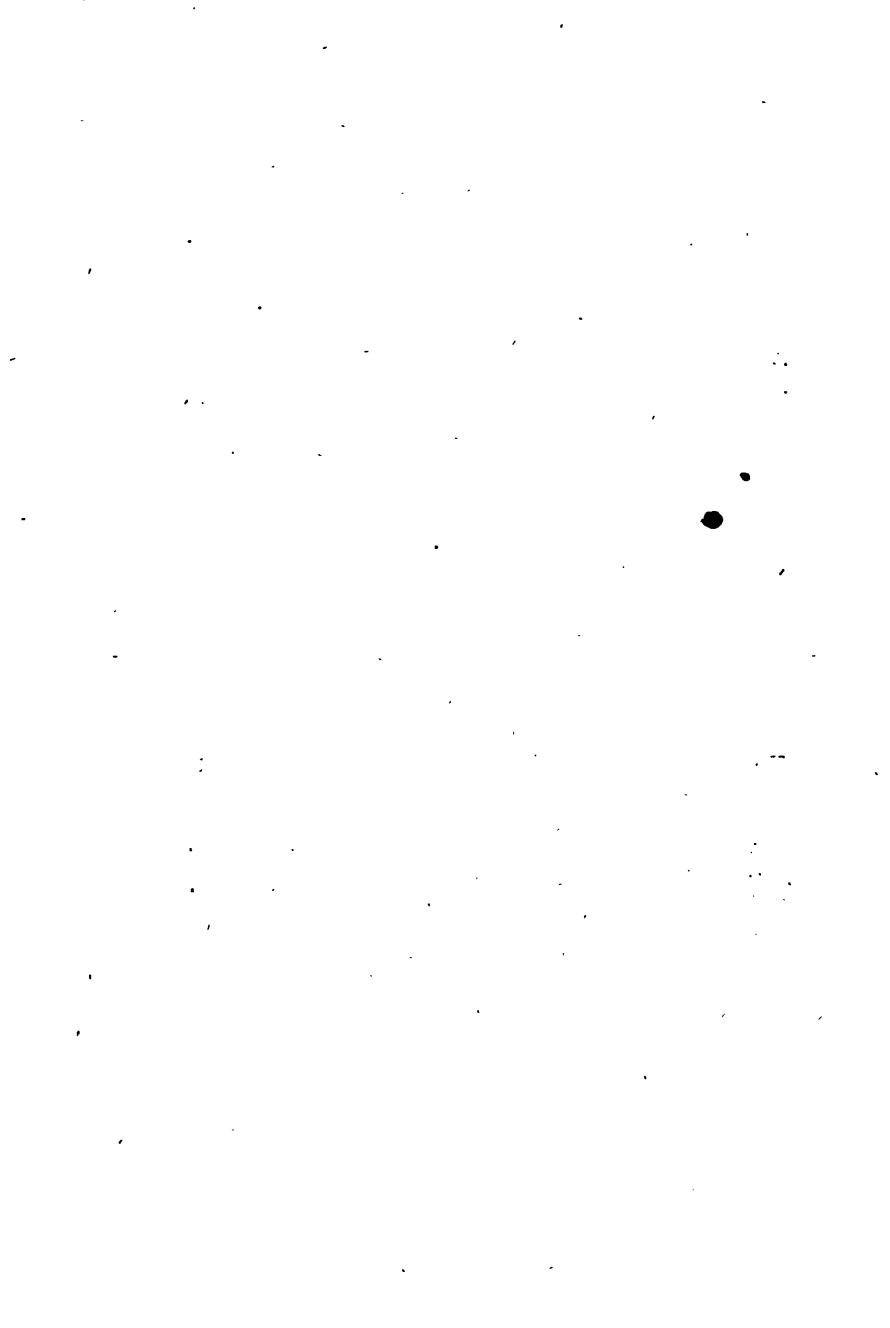
Такъ то, ребята, часто бываетъ отъ глупости, или лучше сказать, неразсудительности, солдатъ надѣлаетъ себѣ хлопотъ иногда и на всю жизнь, между тѣмъ какъ всѣ эти хлопоты можно было удалить однимъ щелчкомъ, то есть пойти къ начальнику и сказать: «виноватъ, Ваше Благородіе!» Вѣдь вы сами знаете, что нѣтъ такого начальника, который бы наказывалъ солдатъ такъ, за здорово живешь! какъ будто это можетъ доставить кому удовольствіе! Начальникъ по обязанности, по присягѣ, долженъ выполнять всѣ правила службы. Посмотрите, если провинился офицеръ, да не то что провинился, а ошибся какънибудь на ученьи, его арестуютъ а, Боже сохрани, сдѣлалъ проступокъ неприлич- ный офицерскому званію, его подѣ судѣ

и вонъ изъ службы, — а иной разъ ша-
пнутъ и въ рядовые! Какъ же послѣ
этого не взыскать ошпцера съ солдата!
Вы, братцы, сами очень хорошо все это
знаете. Повиновеніе въ службѣ—первое
основаніе всего: что прикажутъ—дѣлай
не разсуждая, все равно какъ во фрон-
тѣ слушайся команды. Да вотъ вамъ
примѣръ: ну что, казалось бы, за важ-
ность, что у одного рядоваго былъ раз-
стегнуть крючокъ на воротникѣ! Попро-
буй же ты простить ему: завтра у деся-
ти будутъ воротники растегнуты, а по-
слѣ завтра двадцать растегнутъ и мун-
диры. А вотъ, если молодецъ, у кого
крючокъ не застегнуть, это не пройдетъ
даромъ, такъ онъ завтра вѣтъ разъ ощу-
паетъ крючки, да и товарищи, выходя
изъ квартиры, сдѣлають тоже самое.
Знають, вѣдь, каждый что предписано и
исполняй, а неряхой, растерихой, глѣ-
тнемъ и ветодемъ солдату никогда быть
неслѣдуетъ.

Возвратимся теперь къ побѣгамъ. Изъ поконъ вѣка извѣстно, что въ бѣгахъ бываютъ только отъявленные негодяи, попросту сказать—сволочь! ирѣдко, очень рѣдко молоденькій рекрутикъ убѣжить по неразсудительности. Дурная трава изъ поля вонь! Спросите у бѣглеца на что онъ надѣется? Прожить честно ему нельзя: безъ бумаги, вѣдь, нигдѣ не пройдешь, домой возвратиться не приходится; остается одно средство — съ ножомъ на большую дорогу! Вотъ до чего доходитъ иногда солдатъ, который долженъ быть примѣрнымъ сыномъ Отечества;—и доходитъ до этого иной потому, что не молится Богу, не старается брать примѣра со старшихъ, допускаетъ себя лѣниться, и думаетъ, что онъ можетъ обмануть начальство.

По моему, ребята, слѣдуетъ вотъ что какъ только поступили въ полкъ рекруты, сей часъ же старымъ солдатамъ должно обойтись съ ними, какъ съ малыми

дѣтьми; не запугивать строгимъ отвѣтомъ за упущеніе,—а показать какъ важно малѣйшее упущеніе; не бранить рекрутъ за каждый шагъ, а сначала втолковать ему, что и какъ онъ долженъ дѣлать — и послѣ уже взыскивать, коли рекрутъ не старается. Впрочемъ вы все это сами знаете, такъ же какъ и то, что солдатухи наши, oprчъ обыкновеннаго удачества, всегда были, есть и будутъ прекрасными христіанами. Страхъ Божій—первое; преданность Престолу—второе; повиновеніе начальству—третье, —а четвертаго уже нѣтъ, да и не нужно; довольно съ васъ и этихъ трехъ: — слѣдуйте имъ — и будете тѣмъ, чѣмъ всегда была побѣдоносная Русская армія.

VI.

СТАРЫЙ СОЛДАТЪ.

Шестьдесятъ мнѣ уже лѣтъ;
Посмотрѣть такъ я сѣдъ,
Съ виду старъ; но въ груди такъ же молодъ,
Какъ и въ двадцать годовъ,
И какъ прежде готовъ
Я на зной и на холодъ и голодъ.
Не смотри что старикъ:
Я къ сраженьямъ привыкъ,
Полдесятка Французовъ не струсимъ.
Хоть зубовъ не дочетъ,
Не хлади пальца въ ротъ:
Будетъ больно, ей Богу откусимъ!

Не одну въ старину
Мы видали войну,
А штыками кончали всѣ битвы.
Что намъ врагъ супостатъ!
Русскій знаетъ солдатъ
Лишь приказъ, да святыя молитвы.
Царь велѣлъ.... Смирно! Стой!
Мигомъ шапку долой,
Да молитву усердную къ Богу
Посылай, и потомъ
Ужъ съ примкнутымъ штыкомъ
Отправляйся ты смѣло въ дорогу.
Все тогда трынъ-трава:
Хоть одна голова
На плечахъ у солдата лихаго,
Да подъ каской она
И крѣпка и сильна
Мастерства то выходитъ много.
Двадцать лѣтъ какъ съ полкомъ
И съ трехграннымъ штыкомъ
Я простился, и вотъ въ деревнѣ
Обзавелся семьей,
Лошадиной, охотой —
Къ службѣ новой привыкъ по валеньку.

Сыновья всѣ въ отца
Молодець въ молодеца,
Дочки просто на чудо красотки,
И хозяйка — душа,
И изба хороша,
Да водилась и чарочка водки.
Все, ребята, какъ слѣдъ,
А готовить обѣдъ,
Потекутъ и у купчика слюнки....
Баловства ни гугу,
И на каждомъ шагу
Все кругомъ меня ходить по стрункѣ.
Такъ я жилъ-поживалъ,
И во снѣ не видалъ
Ни нужды, ни печали, ни скуки,
И трудился съ семьей:
Знаешь, свыклись съ сехой,
Да съ косою Гренадерскія руки.
Вотъ одинъ какъ-то разъ
Данъ въ деревню приказъ —
Посылать въ городъ рекрутъ. Ну, дѣло!
Долго думать не етать
Молодцовъ собирать:
Мигомъ все это, братцы, поспѣло.

Знаешь, жребій пришель:
Старшій сынъ мой пошелъ,
Самъ отвезъ я лихаго солдата.
Въ три приѣма онъ зналъ
И ружьемъ онъ металъ
Артикулы, какъ должно, ребята.
Что же въ городѣ я
Вдругъ слышалъ, друзья!
Говорятъ про войну, да такую,
Что враговъ миллионъ
Лѣзетъ съ разныхъ сторонъ
Къ намъ въ Россіюшку нашу родную.
Я скорѣе домой,
Сынъ скучаетъ меньшей:
Вишь завидно, что выбрали брата!
Я ему лишь шепнулъ,
А ужъ онъ и махнулъ
И пошелъ по охотѣ въ солдаты.
Ну, отправилъ я ихъ
Гренадеровъ лихихъ;
Съ мальчуганомъ однимъ лишь остался.
И легко мнѣ, друзья:
Такъ и чудится, я
Словно самъ на войну отправлялся.

«Добрый путь! — говорю —
Пусть же служить Царю,
Какъ отецъ ихъ служилъ безпорочно.
Я за нихъ помолюсь,
И, кто знаетъ, дождусь,
Можетъ быть и своихъ я безсрочныхъ».
Снарядивши дѣтей,
Я съ семьею своею
Вновь принялся за прежнее дѣло;
А люблю, братцы, страхъ,
Чтобъ примѣромъ въ рукахъ
Всяко дѣло спорилось кипѣло.
Вечеркомъ разъ въ село
Два солдата пришло —
Отставные и ищутъ квартиры —
Кирасиръ и Саперъ.
Я завалъ ихъ на дворъ:
Ночевать молъ прошу кавалеры.
— «Вы куда же, друзья?»
Началъ спрашивать я,
Посадивши за добрый щикъ укинъ.
— А туда, говорить
Кирасиръ: гдѣ кинигъ
Смертный бой, гдѣ солдатъ Царю нуженъ.

— «Аль такъ много врага,
Аль война такъ строга?»

Говорю я, внидо подливая.

А Санеръ мнѣ въ отвѣтъ:

«Ну, пока еще нѣтъ,

А случится, что будетъ презлая.

Вотъ въ началѣ зины

Лѣтъ десятокъ какъ мы

Ужъ въ отставку нахали, косили,

И совсѣмъ обжились,

И семьей завелись,

Въ три пріема сынковъ ужъ учили.

Вдругъ пришла, знаешь, вѣсть,

Что сраженіе ужъ есть,

Что ужъ Туркамъ пощупали кости, (*)

Что на насъ ужъ союзъ

Англичанъ и Французъ

Сочинили и жалуютъ въ гости....

Кирасиръ братья, сосѣдъ,

Говорю: ночи нѣтъ,

Руки чешутся, сердце възыграло!

Онъ лишь усомъ моргнулъ,

Да рукою махнулъ

(*) Писано послѣ побѣдъ нашихъ въ Азіатской Турціи.

И сказалъ:—А зачѣмъ дѣло стало?

Мы собрались, и вотъ

Съ Кирасиромъ въ походъ

Прямо въ Питеръ на службу и только!

Насъ зачислить велѣтъ:

Вѣдь бывалый солдатъ

Не мѣшаетъ, братъ, въ дѣлѣ ни сколько.»

Замолчалъ мой Саперъ.

У меня же съ тѣхъ поръ

Въ сердцѣ ёкнуло—«Славно, ребята,

Говорю:—Вотъ и я

Двухъ сынишекъ, друзья,

Императору отдамъ въ солдаты.»

Утромъ рано своихъ.

Я гостей дорогихъ

Проводилъ за село, попрощался,

И не помню домой

Ужъ дорогой какой

Отъ околицы я возвращался.

Такъ и слышу: пальба,

Барабанъ иль труба

Раздаются.... идутъ батальоны,

И сверкаютъ штыки,

И несутся полки,

И штандарты шумять и знамена.

Ну, пришелъ я домой.

Какъ разстаться съ семьей?

Будетъ плачь — ужъ я знаю на вѣрно!

А тихонько уйти,

Не сказавши прости,

Тоже, думаю, было бы скверно.

Вотъ и выдумалъ я.

Говорю: — «Сыновья

Не далеко, пойти попрощаться!»

И собрался я въ путь,

А солдатская грудь

Такъ и ходить.... Пора разставаться.

Обнялъ бабу, дѣтей,

Да за шапку скорѣй,

И отдавши приказъ самый строгій:

Чтобъ все было какъ слѣдъ, —

Утромъ рано тѣмъ свѣтъ,

Помолясь, я пустился въ дорогу.

И чрезъ мѣсяцъ ужъ я

Гренадеромъ друзья,

Въ первой ротѣ, какъ въ старь, очутился;

Такъ же точно ходилъ,

И ружьемъ не забылъ,

Словно въ каскѣ и въ ранцѣ родился.

Эка штука, что старь!

Да вѣдь въ сердцѣ есть жаръ,

Есть въ рукахъ богатырская сила;

Молодцомъ прослужу,

И на штыкъ на низу—

Посмотрите—какого верзилу!

И кто знаетъ, друзья,

Рука объ руку я,

Можетъ съ сыномъ пойду на сраженье:

Вотъ я мыслю о чемъ

И молюся тайкомъ,

Вотъ одно лишь мое награжденье!

А ручаюсь, за мной

Рекрутокъ молодой,

Не робѣя, пойдетъ хоть на чорта!

Ужъ враговъ угостимъ,

Поднесемъ, братцы, имъ

Киселя распервѣйшаго сорта.

Позабыли они,

Какъ въ бывалые дни

Ихъ тѣлами мостили ухабы;

Позабылъ, знать, мусьякъ,

Что не только ужъ всякъ

Ихъ бѣвалъ.... колотили и бабы.
Вамъ ли Русь воевать?
Противъ насъ ли стоять?
Нашъ солдатъ изъ желѣза построенъ,
И на смерть онъ готовъ;
А за сиротъ и вдовъ,
Идучи на войну онъ спокоенъ.
Смирно, врагъ! ты силенъ,
Да и насъ миллионъ
Войска храбраго лучшаго въ мірѣ.
Царь прикажетъ едва —
Тотчасъ будетъ и два,
А какъ нужно такъ будетъ — четыре.

VII.

ВЕЧЕРНІЙ РАЗСКАЗЪ.

«Загорѣлась война. Ну, знакома она;
Знаемъ мы, что сраженъе не жмурки!
Да зачѣмъ же на насъ нападаютъ заразъ
Англичане, Французы и Турки?
Турокъ чтожъ? басурманъ какъ и жидъ; хри-
стіанъ
Ненавидитъ; ну, собралъ онъ войско,
Да и лѣзетъ съ проста. Этижъ вѣрятъ въ
Христа,
Хоть и молятся какъ то по свойски!

И какая же стать вѣстѣ нѣтъ навадать
На могучее Русское Царство?

Тутъ ужъ знать не могнѣтъ: что мы сдѣлали
нѣтъ

Чѣмъ обидѣли ихъ государство?»

Такъ въ солдатскомъ кружкѣ, съ доброй труб-
кой въ рукѣ,

Говорилъ старый Егерь усатый.

И на всѣхъ онъ смотрѣлъ и слышать хотѣлъ
Что на это отвѣтятъ ребята.

Разныхъ войскъ всякій людъ былъ собрав-
шися тутъ,

Да отвѣта никто, значить, не далъ,

Хоть среди усачей не одинъ гранотѣй

Находился и много извѣдалъ.

Тотъ болтастъ одно, а выходитъ темно;

Этотъ гнетъ окоlescную тоже:

Ну, сперва будто такъ, а раскусимъ—пустякъ

И на дѣло совсѣмъ не похоже.

—Да, наслушался я вашихъ толковъ, друзья:

Этакъ правды во всемъ маловато,

А простой вѣдь былъ спросъ! такъ сказалъ

нѣтъ матросъ

Коренастый, сѣдой, смугловатый.

Наши, братъ, корабли всяки земли прошли,
Проходились, дружокъ, слава Богу!
Знаемъ, что, гдѣ и какъ: вѣдь ужъ Русскій
морякъ

Насмотрѣлся на все по немногу.
Вотъ про эту войну издалика начну,
Какъ слыхалъ я недавно, ребята;
И смѣкаетъ изъ васъ всякъ, что ужъ стало
быть такъ—

Отчего къ намъ идутъ супостаты.
Кто изъ васъ не видалъ, или кто не слыхалъ,
Что есть Греки? Народъ этотъ, братцы,
Съ нами вѣры одной, православной такой,
Какъ и мы: тажъ обѣдня, тѣжъ святцы.
И Владиміръ то князь православье у насъ
Ввелъ отъ Грековъ; объ этомъ извѣстно
Въ книгахъ умнымъ людямъ: стало, Греція
намъ

Вѣдь доводится матерью крестной!
Въ старину, гооврятъ, былъ народъ это хватъ,
Воевалъ, поморямъ всюду плавалъ,
Какъ откуда возмись Турокъ къ Греку вло-
мись,

Словно самъ натолкнулъ его дьяволъ....

И, друзья, басурманъ побѣдилъ христіанъ,
Гибли жены и старцы и дѣти;
Цариградъ Турокъ изгнѣ, разгромилъ, раз-
ломалъ,

Изъ церквей онъ построилъ мечети:
Въ царствѣ греческомъ томъ, положившемъ
врагомъ

Кромѣ Грековъ жили христіане:
Сербъ, Болгаръ и Боснякъ, вихъ много никакъ—
Наши братья такіе жъ Славяне.
Завоеванный Грекъ — бѣдный сталъ чело-
вѣкъ;

Обходился съ нимъ Турокъ безбожно:
Мучилъ, грабилъ, терзалъ, дочь, жену оты-
малъ,

Дѣлалъ то, что и вѣрить не можно.
И забылъ цѣлый свѣтъ вогъ чотыреста лѣтъ
Христіанъ, что страдали въ невогѣ,
Что нигдѣ ничего вѣтъ у нихъ своего—
Ни въ дому, ни въ карманѣ, ни въ полгѣ....
И не смѣютъ они въ праздникъ, въ Божіи дни
Зазвонить, призывая къ обѣдин....
Словомъ, злой басурманъ мучилъ такъ
христіанъ,
Словно день ужъ пришелъ ихъ послѣдній.

Вотъ, друзья, Государь, православный нашъ
Царь

Ужъ давно намѣкаетъ султану:
«Моль, сосѣдъ, нешали, обижать не вели
Христiянъ своему басурману.
Ане то, говорить, не люблю кто шалить
У меня по сосѣдству: будь честный
И правдивый, а нѣтъ—будетъ плохо, сосѣдъ
Разчитаюсь по Руски, любезный...!»
Турокъ, знаешь, простакъ, имъ ворочаетъ
всякъ:

Англичане, Франпузы, ну, словомъ
Голова—что чалма, нѣтъ ни капли ума,
Нѣтъ смѣлки въ мозгу безтолковомъ.
Англичанъ и Французъ замотали на усь
Ужъ давно, что Россiюшка наша
Слава Богу цвѣтетъ, разотлично живетъ
И богата, какъ полная чаша.
—«Плохо будетъ моль намъ: не по днямъ,
по часамъ

Эта Русь вырастаетъ, сильнѣетъ;
Фабрикъ много у ней, пристаней, кораблей,
Словно красна молодка добрѣетъ.
Плохо намъ торговать, надо Русь напугать!»
И за Турокъ всѣ разомъ вступились,

Дескать: «Русь берегись, аль отъ насъ
откупишь,

Мы, молъ, всѣ на тебя ополчались.»

Нѣтъ стыда, чести нѣтъ, видѣть то цѣлый
свѣтъ,

Сочинили союзъ съ басурманомъ,

И чтобъ съ Туркомъ дружить, христіанъ
стали бить—

Христіане—враги Христіанамъ!

Вотъ и вся не долга! Ну, давай намъ врага—

Эка важность! видали мы виды!

Хоть не то Англичанъ, аль Французъ, басур-
манъ.

Хоть самъ чортъ—недадимся въ обиду.

Нашъ Русакъ удалецъ, да и Царь молодецъ—

Бровь нахмурить—такъ всю эту челядь

Разнесутъ по кускамъ, — по оврагамъ, сте-
пямъ

Трупы длинной дорогой постелять....

Чтожъ имъ надо? Рожна? Вѣдь Россія сильна

И штыкомъ и народомъ и Вѣрой;

Неча имъ храбровать: Русь нельзя испугать,

Стало быть никакою манерой.

А придуть—не бѣда! Просишь къ намъ, го-
спода!

Несверные къ намъ жалуютъ гости:
Вѣдь Двенадцатый Годъ очень помнитъ на-
родъ.

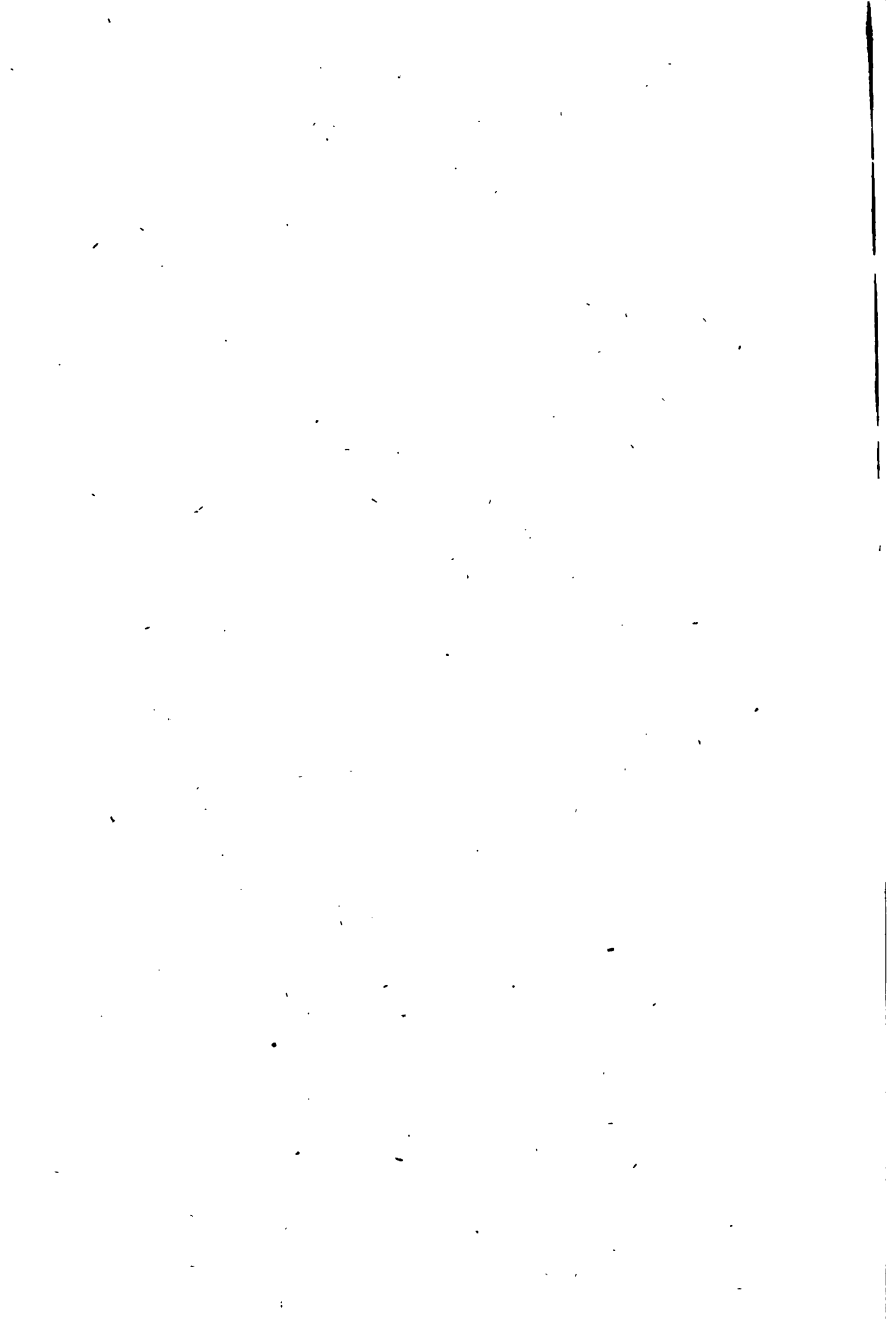
Есть досель на поляхъ ваши кости.
Царь нашъ добръ, все терпѣлъ, крови лить
не хотѣлъ,

Думагъ миромъ покончить; а тобы
Ужъ въ Турчинѣ мы задалибъ кутермы
И поставили бъ гробы на гробы.
Ужъ давно бъ Русскій флагъ на Стамбуль-
скихъ стѣнахъ

Развѣвался бъ надъ моремъ, ребята,
На старинныхъ церквяхъ былибъ главы въ
крестахъ,

Полумѣсяцъ пропалъ бы рогатый....»
И матрость замолчалъ всѣ кто толко слы-
шалъ

Эту рѣчь боевую, живую,—
Устоять не могли, такъ бы вотъ и пошли
За Царя, за Россію родную.

ДВѢ СОЛДАТСКІЯ ПѢСНИ.

1.

КЪ ЗНАМЕНИ.

(Посвящается бывшему Бѣгородскому Уланскому полку).

**Шуми святое наше знамя,
Шуми какъ въ старину;
Тебѣ знакомы кровь и пламя
Ужъ не въ одну войну....**

**Давно ли Двадесять языковъ
Насъ обошли кругомъ,
А ты среди побѣдныхъ кликовъ
Шумѣло надъ полкомъ.**

Тебя разили вражьи пули,
А ты вилось въ бояхъ,
И не сломали не согнули
Тебя у насъ въ рукахъ.

Шуми же знамя! Слава вѣтъ
Съ тебя на усачей.
А Русь давно встрѣчать умѣтъ
И провожать гостей.

2.

СОЛДАТСКАЯ ПѢСНЯ.

Для Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго Полка.

(Посвящается Князю Павлу Александровичу Урусову).

Кажись всему извѣстно свѣту.
Что Русака не тронь,
Что намъ преградъ, ребята, нѣту,
Полѣземъ и въ огонь!

Кажись не разъ ужъ мы учили
Не одного врага,
Не разъ Лунѣ Турецкой сбили
Бодливые рога.

Такъ нѣтъ же, Турокъ бородатый
На Русь возсталъ опять....
Какъ будто Русскіе солдаты
Забыли воевать.

И вотъ, собравшись, хлынулъ въ гости
Онъ съ двухъ сторонъ къ намъ вдругъ:
Ему жъ переломали кости
И расчесали въ пухъ.

Покорно—просимъ! мы утѣшимъ,
Намъ гости ни почемъ,
Бородку мы тебѣ расчешемъ,
Пожалуй и завьемъ.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

**RETURN
TO →**

CIRCULATION DEPARTMENT
202 Main Library

HOME USE

1-month loans may be renewed by calling 642-3405

6-month loans may be recharged by bringing books to Circulation Desk.

Renewals and recharges may be made 4 days prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

~~MAY 28 1991~~

FORM NO. DD6, 60m, 12/80

BERKELEY, CA 94720

U.C. BERKELEY LIBRARIES

C031821397

YC159351

